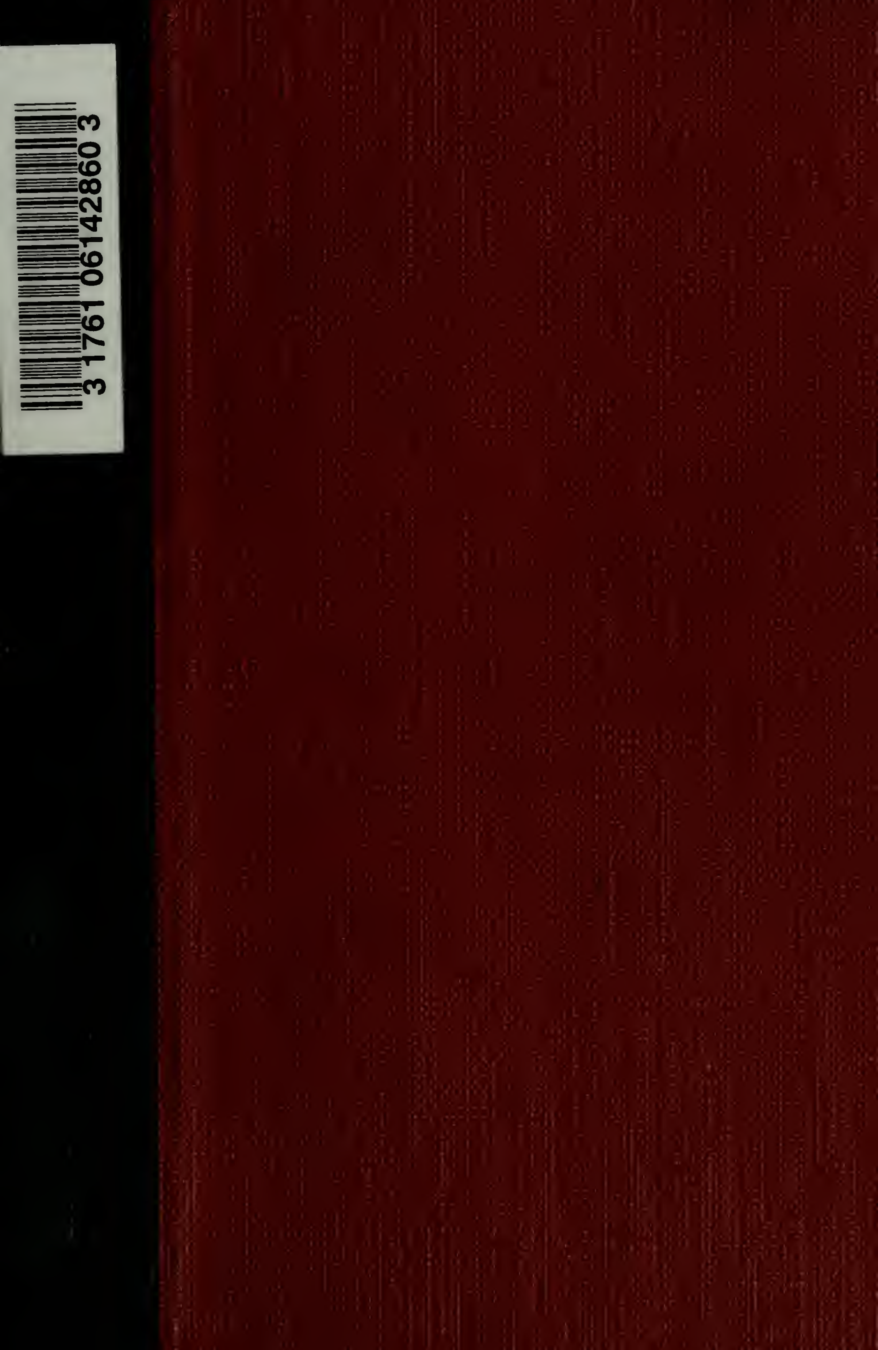

3 1761 06142860 3

VELUT
ARBOR
ÆVO

КОБЗАРЬ

КОБЗАРЬ

ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ

ИЗДАННОМЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

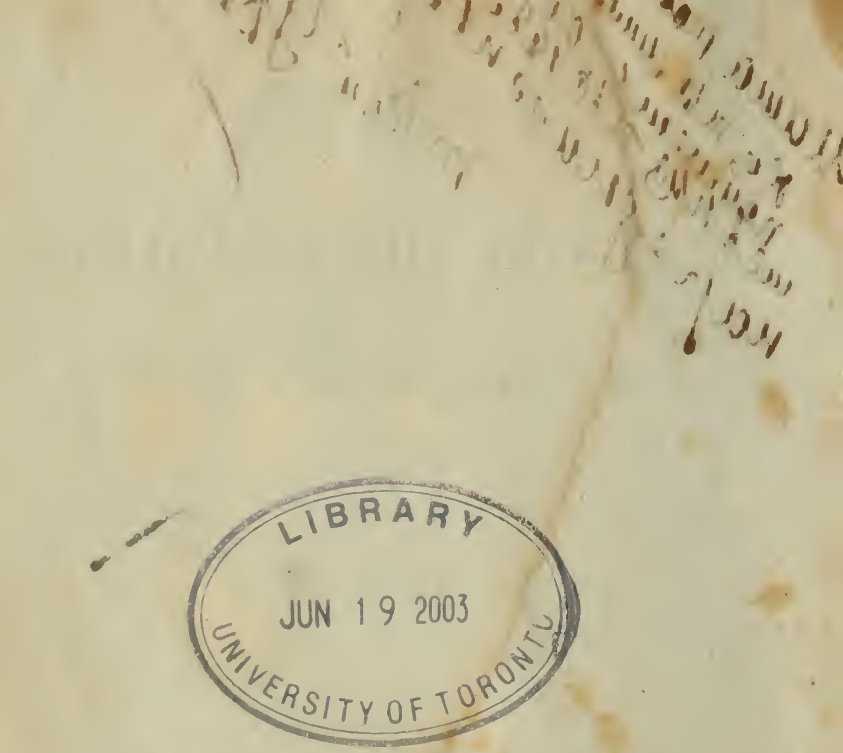
НИК. ВАС. ГЕРБЕЛЯ

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ВНОВЬ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. М. КОТОМИНА, У ОБУХОВСКАГО МОСТА, № 93

1876

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(АВТОБІОГРАФІЯ.)

Я вполнѣ сочувствую вашему желанію знакомить читателей «Народнаго Чтенія» *) съ исторіею жизни людей, выбившихся своими способностями и дѣлами изъ тёмной и безгласной толпы простолюдиновъ. Подобныя свѣдѣнія поведутъ, мнѣ кажется, многихъ къ сознанію своего человѣческаго достоинства, безъ котораго невозможны успѣхи общественнаго развитія въ низшихъ слояхъ населенія Россіи. Моя собственная судьба, представленная въ истинномъ свѣтѣ, могла бы навести не только простолюдина, но и тѣхъ, у кого простолюдинъ находится въ полной зависимости, на размышленія, глубокія и полезныя для обѣихъ сторонъ. Вотъ почему я рѣшаюсь обнаружить передъ свѣтомъ нѣсколько печальныхъ фактовъ моего существованія. Я бы желалъ

*) Предлагаемая автобіографія Т. Г. Шевченко было написана имъ въ видѣ письма къ одному изъ редакторовъ «Народнаго Чтенія».

изложить ихъ въ такой полнотѣ, въ какой покойный С. Т. Аксаковъ представилъ свои дѣтскіе и юношескіе годы, тѣмъ болѣе, что исторія моей жизни составляетъ часть исторіи моей родины. Но я не имѣю духа входить во всѣ ея подробности: это могъ бы сдѣлать человѣкъ, успокоившійся внутренно и успокоенный насчотъ себѣ подобныхъ внѣшними обстоятельствами. Всё, что̀ я могу покамѣстъ сдѣлать въ исполненіе вашего желанія, это — представить вамъ въ короткихъ словахъ фактическій ходъ моей жизни. Когда вы прочтёте эти строки, вы, я надѣюсь, оправдаете чувство, отъ котораго у меня сжимается сердце и коснѣетъ рука.

Я — сынъ крѣпостного крестьянина, Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году, февраля 25-го, въ селѣ Кириловкѣ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи, въ имѣніи одного помѣщика. Лишившись отца и матери на восьмомъ году жизни, пріютился я въ школѣ, у приходского дьячка, въ видѣ школяра-*попихача*. Эти школяры, въ отношеніи къ дьячкамъ, то же самое, что̀ мальчики, отданные родителями, или иною властью, на выучку къ ремесленникамъ. Права̀ надъ ними мастера не имѣютъ никакихъ опредѣлённыхъ границъ: они — полные рабы его. Всѣ домашнія работы и

выполненіе всевозможныхъ прихотей самого хозяина и его домашнихъ лежатъ на нихъ безусловно. Предоставляю вашему воображенію представить, чего могъ требовать отъ меня дьячёкъ — замѣтьте, горькій пьяница — и что̀ я долженъ былъ исполнять съ рабской покорностью, не имѣя ни единаго существа въ мірѣ, которое заботилось бы, или могло заботиться, о моёмъ положеніи. Какъ бы то ни было, только въ теченіе двухлѣтней тяжкой жизни въ такъ-называемой школѣ прошолъ я «Граматку», «Часловецъ» и, наконецъ, «Псалтирь». Подъ конецъ моего школьнаго курса дьячёкъ посылалъ меня читать, вмѣсто себя, Псалтирь по усопшихъ крѣпостныхъ душахъ и благоволилъ платить мнѣ за-то десятую копейку, въ видѣ поощренія. Моя помощь доставляла суровому моему учителю возможность предаваться больше прежняго любимому своему занятію, вмѣстѣ съ своимъ другомъ, Іоною Лимаремъ, такъ-что, по возвращеніи отъ молитвословнаго подвига, я почти всегда находилъ ихъ обоихъ мертвецки-пьяными. Дьячёкъ мой обходился жестоко не со мною однимъ, но и съ другими школярами, и мы всѣ глубоко его ненавидѣли. Безтолковая его придирчивость сдѣлала насъ, въ отношеніи къ нему, лукавыми и мстительными. Мы надували его при

всякомъ удобномъ случаѣ и дѣлали ему всевозможныя пакости. Этотъ первый деспотъ, на котораго я наткнулся въ моей жизни, поселилъ во мнѣ на всю жизнь глубокое отвращеніе и презрѣніе ко всякому насилію одного человѣка надъ другимъ. Моё дѣтское сердце было оскорблено этимъ исчадіемъ деспотическихъ семинарій милліонъ разъ, и я кончилъ съ нимъ такъ, какъ вообще оканчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди—местью и бѣгствомъ. Найдя его однажды безчувственно-пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе — розги, и, насколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ его жестокости. Изъ всѣхъ пожитковъ пьяницы-дьячка драгоцѣннѣйшею вещью казалась мнѣ всегда какая-то книжечка съ *кунштиками*, то-есть гравированными картинками, вѣроятно самой плохой работы. Я не счёлъ грѣхомъ, или не устоялъ противъ искушенія, похитить эту драгоцѣнность, и ночью бѣжалъ въ мѣстечко Лисянку.

Тамъ я нашолъ себѣ новаго учителя въ особѣ маляра-діакона, который, какъ я скоро убѣдился, очень мало отличался своими правилами и обычаями отъ моего перваго наставника. Три дня я терпѣливо таскалъ на гору вёдрами воду изъ рѣчки Тикача и растиралъ на желѣзномъ листѣ крас-

ку мѣдянку. На четвёртый день терпѣнье мнѣ измѣнило, и я бѣжалъ въ село Тарасовку, къ дьячку-маляру, славившемуся въ околодкѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана Воина. Къ сему-то Апеллесу обратился я съ твёрдою рѣшимостью перенести всѣ испытанія, какъ думалъ я тогда, неразлучныя со всякою наукою. Усвоить себѣ его великое искусство, хоть въ самой малой степени, желалъ я страстно. Но, увы! Апеллесъ посмотрѣлъ внимательно на мою лѣвую руку и отказалъ мнѣ наотрѣзъ. Онъ объявилъ мнѣ, къ моему крайнему огорченію, что во мнѣ нѣтъ способности ни къ чему, ни даже къ *шевству* или *бондарству*.

Потерявъ всякую надежду сдѣлаться когда-нибудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокрушоннымъ сердцемъ возвратился я въ родное село. У меня была въ виду скромная участь, которой моё воображеніе придавало, однако жь, какую-то простодушную прелесть: я хотѣлъ сдѣлаться, какъ выражается Гомеръ, *пастыремъ стадъ непорочнымъ*, съ тѣмъ, чтобы, хотя за громадскою *ватагою*, читать свою любезную краденую книжку съ кунштиками. Но и это не удалось мнѣ. Помѣщику, только-что наслѣдовавшему достояніе отца своего, понадобился расторопный мальчикъ — и оборванный школяръ-бродяга попалъ прямо въ ти-

ковую куртку, въ такія же шаравары и, наконецъ, въ комнатные козачки.

Изобрѣтеніе комнатныхъ козачковъ принадлежитъ цивилизаторамъ заднѣпровской Украйны, полякамъ. Помѣщики иныхъ національностей перенимали и перенимаютъ у нихъ козачковъ, какъ выдумку неоспоримо умную. Въ краю нѣкогда козацкомъ сдѣлать козака ручнымъ съ самаго дѣтства — это то же самое, что въ Лапландіи покорить произволу человѣка быстроногаго оленя... Польскіе помѣщики былого времени содержали козачковъ, кромѣ лакейства, ещё въ качествѣ музыкантовъ и танцоровъ. Козачки распѣвали, для панской потѣхи, весёлыя двусмысленныя пѣсенки, сочинённыя народною музою съ горя, подъ пьяную руку, и пускались передъ панами, какъ говорятъ поляки, *сюды-туды-навприсюды*. Новѣйшіе представители вельможной шляхты, съ чувствомъ просвѣщённой гордости, называютъ это покровительствомъ украинской народности, которымъ-де всегда отличались ихъ предки. Мой помѣщикъ, въ качествѣ русскаго нѣмца, смотрѣлъ на козачка болѣе практическимъ взглядомъ и, покровительствуя моей народности на свой манеръ, вмѣнилъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ уголку передней, пока

не раздастся его голосъ, повелѣвающій подать стоящую тутъ же, возлѣ него, трубку, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врождённой мнѣ продерзости характера, я нарушалъ барскій наказъ, напѣвая чуть-слышнымъ голосомъ гайдамацкія унылыя пѣсни и срисовывая, украдкою, картины суздальской школы, украшавшія панскіе покои. Рисовалъ я карандашомъ, который — признаюсь въ этомъ безъ всякой совѣсти — укралъ у конторщика.

Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный: онъ безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильну, то въ Петербургъ, и таскалъ за собою, въ обозѣ, меня, для сидѣнья въ передней, подаванія трубки и тому подобныхъ надобностей. Нельзя сказать, чтобъ я тяготился своимъ тогдашнимъ положеніемъ: оно только теперь приводитъ меня въ ужасъ и кажется мнѣ какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ. Вѣроятно, многіе изъ русскаго народа посмотрятъ когда-то по-моему на своё прошедшее. Странствуя съ своимъ бариномъ съ одного постоялаго двора на другой, я пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны лубочную картинку и составилъ себѣ такимъ образомъ драгоцѣнную коллекцію. Особенными моими любимцами были историческіе герои, какъ-то: Соловей-

разбойникъ, Кульневъ, Кутузовъ, козакъ Платовъ и другіе. Впрочемъ, не жажда стяжанія управляла мною, но непреодолимое желаніе срисовать съ нихъ, какъ только возможно, вѣрныя копіи.

Однажды, во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, въ 1829 году, декабря 6-го, панъ и пани уѣхали на балъ въ такъ-называемые *рессурсы* (дворянское собраніе), по случаю тезоименитства въ Бозѣ почившаго императора Николая Павловича. Въ домѣ всё успокоилось, уснуло. Я зажогъ свѣчку въ уединённой комнатѣ, развернулъ свои краденыя сокровища и, выбравъ изъ нихъ козака Платова, принялся съ благоговѣніемъ копировать. Время летѣло для меня незамѣтно. Уже я добрался до маленькихъ козачковъ, гарцующихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня, какъ позади меня отворилась двери и вошолъ мой помѣщикъ, возвратившійся съ бала. Онъ съ остервенѣніемъ выдралъ меня за уши и надавалъ пощёчинъ не за моё искусство — нѣтъ! (на искусство онъ не обратилъ вниманія), а за-то, что я могъ бы сжечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достодолжнымъ усердіемъ.

Въ 1832 году мнѣ исполнилось восьмнадцать

лѣтъ, и такъ-какъ надежды моего помѣщика на мою лакейскую расторопность не оправдались, то онъ, внявъ неотступной моей просьбѣ, законтрактовалъ меня на четыре года разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому мастеру, нѣкоему Ширяеву, въ Санкпетербургѣ. Ширяевъ соединялъ въ себѣ всѣ качества дьячка-спартанца, дьякона-маляра и другого дьячка-хиромантика; но, несмотря на весь вгнётъ тройственнаго его генія, я въ свѣтлыя весеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній Садъ рисовать со статуй, украшающихъ сіё прямолинейное созданіе Петра. Въ одинъ изъ такихъ сеансовъ познакомился я съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ, съ которымъ и до-сихъ-поръ нахожусь въ самыхъ искреннихъ, братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка, я началъ пробовать акварелью портреты съ натуры. Для многочисленныхъ, грязныхъ пробъ, терпѣливо служилъ мнѣ моделью другой мой землякъ и другъ, козакъ Иванъ Ничипоренко, дворовый человѣкъ нашего помѣщика. Однажды помѣщикъ увидѣлъ у Ничипоренка мою работу, и она ему до того понравилась, что онъ началъ употреблять меня для снятія портретовъ съ любимыхъ своихъ любовницъ, за которые иногда награждалъ меня цѣлымъ рублёмъ серебра.

Въ 1837 году Сошенко представилъ меня кон-

ференцъ-секретарю Академіи Художествъ, В. И. Григоровичу, съ просьбой — освободить меня отъ моей жалкой участи. Григоровичъ передалъ его просьбу В. А. Жуковскому. Тотъ сторговался предварительно съ моимъ помѣщикомъ и просилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковскаго, портретъ, съ цѣлью разыграть его въ частной лотереѣ. Великій Брюловъ тотчасъ согласился и вскорѣ портретъ Жуковскаго былъ у него готовъ. Жуковскій, съ помощью графа М. Ю. Вьельгорскаго, устроилъ лотерею въ 2500 рублей ассигнаціями — и этою цѣною куплена была моя свобода въ 1838 году, апрѣля 22-го.

Съ того же дня началъ я посѣщать классы Академіи Художествъ и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ-товарищей Брюлова. Въ 1844 году удостоился я званія свободнаго художника.

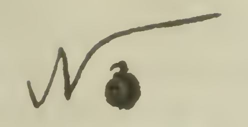
О первыхъ литературныхъ моихъ опытахъ скажу только, что они начались въ томъ же Лѣтнемъ Саду, въ свѣтлыя, безлунныя ночи. Украинская строгая муза долго чуждалась моего вкуса, извращённаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ; но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведённыхъ подъ убогою батьковскою стрѣхою,

она — спасибо ей — обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ. Изъ первыхъ, слабыхъ моихъ опытовъ, написанныхъ въ Лѣтнемъ Саду, напечатана только одна баллада «Причина». Какъ и когда писались послѣдовавшія за нею стихотворенія — объ этомъ теперь я не чувствую охоты распространяться. Краткая исторія моей жизни, набросанная мною въ этомъ нестройномъ разсказѣ, въ угожденіе вамъ, сказать правду, обошлась мнѣ дороже, чѣмъ я думалъ. Сколько лѣтъ потерянныхъ! сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что же я купилъ у судьбы своими усиліями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго. Оно ужасно! оно тѣмъ-болѣе для меня ужасно, что мои родные братья и сестра, о которыхъ мнѣ тяжело было вспомнить въ своёмъ разсказѣ, до-сихъ-поръ — крѣпостные. Да, милостивый государь, они крѣпостные до-сихъ-поръ!

Тарасъ Шевченко.

18-го февраля, 1860 года.

ДУМЫ

I.

Охъ, мои вы думы, думы,
Тяжело мнѣ съ вами!
Что̀ стоите на бумагѣ
Хмурыми рядами?

Что̀ васъ въ полѣ, какъ былинку,
Вѣтромъ не умчало?
Что васъ, словно сиротинку,
Горе не заспало?

Видно горе на̀ смѣхъ въ свѣтъ васъ породило,
По̀лило слезами... лучше бъ утопило,
Утопило въ морѣ, разнесло по по̀лю:
Не спросили бъ люди, что̀ меня томитъ,
Отчего грущу я, проклинаю долю,

Тягощуся свѣтомъ?... «Видно, такъ и быть!»
Не сказали бъ на̀ смѣхъ...
Думы мои, дѣти,
Для чего любилъ васъ, для чего ласка̀лъ?
Иль заплачетъ сердце хоть одно на свѣтѣ
Такъ, какъ я надъ вами?... Можетъ, угадалъ...

Или сердце, или очи
Карія найду я,
Что̀ заплачутъ и надъ вами —
Больше не хочу я.

Лишь одну̀ слезинку съ карихъ —
Панъ я надъ пана̀ми!
Охъ, мои вы думы, думы,
Тяжело мнѣ съ вами!

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Охъ, мои вы думы, думы,
Дорогія дѣти!
Я ростилъ васъ — на кого же
Васъ покину въ свѣтѣ?

Пробирайтеся въ Украйну,
Затаивъ кручину,
Подъ плетнями, сиротами...
Я же — здѣсь загину.

Тамъ вы правду, тамъ вы сердце
Вѣрное найдёте,
А быть-можетъ и святую
Славу наживёте...

Приласкай же ихъ Украйна,
Милая сторонка,
Неразумныхъ, какъ родного
Своего ребёнка!

Н. Гербель.

II.

Проходятъ дни, проходятъ ночи;
Прошло и лѣто; шелеститъ
Листъ пожелтѣвшій... Гаснутъ очи;
Заснули думы; сердце спитъ.
Заснуло всё... Не знаю я —
Живёшь ли ты, душа моя?
Безстрастно я гляжу на свѣтъ —
И нѣту слёзъ, и смѣха нѣтъ!

И доля гдѣ моя? Судьбою,
Знать, не дано мнѣ никакой...
Но если я благой не стою,
Зачѣмъ не выпало хоть злой?
Не дай, о Боже, какъ во снѣ
Блуждать... остынуть сердцемъ мнѣ!
Гнилой колодой на пути
Лежать меня не попусти!

Но жить мнѣ дай, Творецъ небесный,
О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить!
Чтобъ я хвалилъ твой міръ чудесный,
Чтобъ могъ я ближняго любить!
Страшна неволя — тяжко въ ней...
На волѣ жить — и спать — страшнѣй.
Прожить ужасно безъ слѣда:
И смерть и жизнь — одно тогда.

А. Плещеевъ.

III.

Льётся рѣчка въ сине-море,
Да не вытекаетъ;
Ищетъ доли козачина —
Долюшки не знаетъ.

И пошолъ козакъ по свѣту...
Бьётся сине-море,
Бьётся сердце въ нёмъ, а дума
Говоритъ про горе:

«Ты куда идёшь — не спросишь?
На кого покинулъ
Мать, отца, красу-дѣвицу?
Бросилъ всё — и сгинулъ?

«Тамъ не тѣ — иные люди;
Тяжко жить межь ними:
Не съ кѣмъ будетъ подѣлиться
Думами своими.»

И сидитъ козакъ надъ моремъ:
Бьётся сине-море;
Думалъ, доля повстрѣчаетъ —
Повстрѣчало горе.

Журавли домой несутся
Цѣлыми стадами.
Зарыдалъ козакъ: дороги
Поросли тернàми.

Н. Гербель.

IV.

Вѣтеръ буйный. вѣкъ съ тобою
Море въ разговорѣ:
Заиграй съ нимъ, буйный вѣтеръ,
Спроси сине-море.

Море знаетъ, гдѣ играетъ
Милый другъ съ волною;
Море скажетъ, гдѣ онъ ляжетъ
Буйной головою.

Если друга загубило,
Ты взволнуй пучину:
Я пойду искать милова,
Утоплю кручину...

Припаду къ милòму другу —
Сердце обомлѣетъ...
Пусть тогда несутъ насъ волны,
Куда вѣтеръ вѣетъ.

Если жь встрѣтишь мила-друга
За̀ моремъ далёко,
Разспроси ты, какъ живётся
Другу одиноко.

Если веселъ — я кручину
Утоплю въ пучину;
Если плачетъ — я заплачу;
Сгибъ — и я загину!

Мчи тогда меня въ чужбину,
Гдѣ лежитъ мой милый:
Стану красной я калиной
Надъ его могилой.

Сиротинѣ на чужбинѣ,
Другу легче станетъ,
Какъ надъ нимъ густыя вѣтви
Милая протянетъ.

Я калиной разрастуся
Надъ его могилой,
Чтобы люди не топтали,
Солнце не палило.

Въ ночь поплачу я, покамѣстъ
Въ небѣ мѣсяцъ свѣтитъ;
Встанетъ солнце — вытру слёзы:
Люди не замѣтятъ!

Вѣтеръ буйный, вѣкъ съ тобою
Море въ разговорѣ:
Заиграй съ нимъ, буйный вѣтеръ,
Спроси сине-море...

Н. Бергъ.

V.

Для чего мнѣ чорны-брови,
    Молодые годы?
Для чего мнѣ кари-очи,
    Дѣвичья свобода?

Даромъ годы молодые
    Блёкнутъ, увядаютъ,
Очи плачутъ, чорны-брови
    Съ вѣтромъ выпадаютъ.

Сердце пташкою въ неволѣ
    Вянетъ безъ участья.
Что̀ мнѣ въ томъ, что я пригожа,
    Если нѣту счастья?

Тяжело на бѣломъ свѣтѣ
    Жить мнѣ сиротою:
Межь своими, межь родными
    Стала я чужою.

И никто меня не спроситъ,
Что̀ такъ плачутъ очи,
Что̀ такъ сердце молодое
Ноетъ дни и ночи —

Что такъ сердце, какъ голубка,
День и ночь воркуетъ...
Ой, никто его не спроситъ,
Сердцемъ не почуетъ.

Не поймутъ чужіе люди...
И къ чему тревожить?..
Развѣ скажутъ: пусть поплачетъ,
Если плакать можетъ!

Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Если плакать въ силѣ,
Громче, жалобнѣй, чтобъ слышалъ
Вѣтеръ на могилѣ;

Чтобы снёсъ тѣ слёзы буйный
За синёе море,
Чернобровому злодѣю
На лихое горе!

Н. Гербель.

ПѢСНИ

I.

Не вернулся изъ походу
Молодой гусаръ въ село:
Что̀ же я по нёмъ горюю,
Что̀ же мнѣ такъ жаль его?
За кафтанъ короткій что ли,
Иль за чорный усъ такъ жаль,
Иль за-то, что не Марусей —
Машей звалъ меня москаль?
Нѣтъ, мнѣ жаль, что пропадаетъ
Даромъ молодость моя.
Не хотятъ меня и за̀мужъ
Брать ужь люди за себя.
Да къ тому ещё и дѣвки
Мнѣ проходу не даютъ:
Не даютъ онѣ проходу —
Всё гусарихой зовутъ.

А. Плещеевъ.

II.

Полюбила я
На печаль свою
Сиротинушку
Безталаннаго.
Ужъ такая мнѣ
Доля выпала!
Разлучили насъ
Люди сильные;
Увезли его —
Сдали въ рекруты..
И солдаткой я
Одинокой я,
Знать, въ чужой избѣ
И состарѣюсь.
Ужъ такая мнѣ
Доля выпала!

А. Плещеевъ.

III.

На горѣ сирень цвѣтётъ.
Подъ горой козакъ идётъ
И, тоскуючи, пытаетъ:
«Гдѣ-то долюшка гуляетъ?

«Въ кабакахъ ли съ богачами,
Во степяхъ ли съ чумаками,
Али гдѣ-то въ чистомъ полѣ
Съ вѣтромъ носится по волѣ?»

Ой, не тамъ! Она въ свѣтлицѣ
У красавицы-дѣвицы
Въ полотенцѣ да въ платкѣ
Залежалась въ сундукѣ.

Н. Гербель.

IV.

Проторила я тропинку
Черезъ яръ,
Черезъ гору, мой сердечный,
На базаръ.

Парнямъ бублики носила
Вечеркомъ;
Продала — и воротилась
Съ пятакомъ.

Я два грòша, охъ, два грòша
Пропилà,
На копейку музыканта
Нанялà.

Ты сыграй-ка мнѣ на дудкѣ
    На своей,
Чтобъ забыла я кручину,
    Горе съ ней!

Вотъ какая, мой сердечный,
    Дѣвка я.
Сватай,— выйду я пожалуй
    За тебя!

А. Плещеевъ.

V.

Въ огородѣ возлѣ броду
Маковъ цвѣтъ не всходитъ...
Что̀-то дѣвица на рѣчку
По̀ воду не ходитъ.

Въ огородѣ на тычинкѣ
Сохнетъ хмѣль зелёный...
Не выходитъ молодая
Изъ избы бѣлёной.

Въ огородѣ возлѣ броду
Ива наклонилась...
Истомилась молодая,
Крѣпко истомилась...

Плачетъ, стонетъ, изнываетъ,
Словно рыбка бьётся...
А надъ нею, молодою,
Ворогъ злой смѣётся.

Н. Гербель.

VI.

Хороша, богата
Я, да проку мало!
Видно, безталанна:
Друга не сыскала.
Тяжко, тяжко сердцу
Безъ любви томиться;
Скучно одинокой
Въ бархатъ мнѣ рядиться.
Съ парнемъ чернобровымъ,
Круглымъ сиротою,
Мы бы полюбились,
Да глядятъ за мною,
Мать съ отцомъ, такъ зорко,
Даже сна не знаютъ,
И гулять подъ вечеръ
Въ садикъ не пускаютъ;
А когда и пустятъ,
Такъ всё съ нимъ — съ проклятымъ,
Съ нѐдругомъ противнымъ,
Старикомъ богатымъ.

А. Плещеевъ.

VII.

Нѣтъ мнѣ радости, веселья,
Мать меня ругаетъ,
И къ сосѣдкѣ на бесѣду
Нà ночь не пускаетъ.

Долго-ль мучиться, терпѣть мнѣ,
Долго-ль съ горемъ биться?
Выйдти-ль за-мужъ за другого,
Или утопиться?

Охъ, надѣну я серёжки,
Въ бусы наряжуся,
Да на ярмарку пойду я —
Другу покажуся.

Я скажу ему: «послушай,
Другъ мой, не сердися:
Если любишь, такъ посватай,
Нѣтъ — такъ откажися!»

Чѣмъ терпѣть мнѣ всё попрёки
Съ матéрью браниться,
Чѣмъ идти мнѣ за другого —
Лучше утопиться...

И. Суриковъ.

VIII.

Одинока я на свѣтѣ,
Какъ былинка въ полѣ!
Знать, Господь мнѣ нѐдалъ счастья,
Отказалъ мнѣ въ долѣ!
Только далъ Онъ мнѣ, бездольной,
Красоту, да очи;
Да и тѣ ужь гаснутъ что-то,
Плача дни и ночи.
Я ни матери, ни брата,
Ни сестры не знала:
Вѣкъ росла между чужими —
И ужь вянуть стала.
Милый, гдѣ ты? — отзовися!
Нѣтъ его со мною!
Знать, Господь судилъ мнѣ сгинуть
Круглой сиротою!

Н. Гербель.

БАЛЛАДЫ

I.

ТАРАСОВА НОЧЬ.

За селомъ кобзарь на кобзѣ
Жалобно играетъ;
Вкругъ него молодки, парни
Макомъ расцвѣтаютъ.
Онъ играетъ. распѣваетъ.
Говоритъ словами,
Какъ Москва, орда и ляхи
Бились съ козаками;
Какъ *громада* *) собиралась
Въ воскресенье рано:

---

*) Сходка, міръ.

Хоронили козачину
В поле, у кургана.
И поётъ кобзарь, играетъ —
Горе съ нимъ смѣётся:
«Было время — Сѣчь стояла,
Было — не вернётся!
Встала туча изъ-за моря,
А другая съ поля!
Закручинилась Украйна:
Знать, такая доля!
Закручинилась Украйна,
Какъ дитя, рыдаетъ:
Не приходятъ къ ней на помощь;
Вольность погибаетъ;
Гибнетъ слава; негдѣ дѣться —
Мѣста нѣтъ на свѣтѣ;
Некрещёнными козачьи
Выростаютъ дѣти;
Неповѣнчанныя пары...
Безъ попа хоронятъ;
Вѣра куплена жидами —
Вонъ изъ церкви гонятъ.
Какъ тѣ вброны на полѣ,
Съ ляхами, станицей
Налетаютъ уніаты —
Некому вступиться.

Отозвался Наливайко —
Пала съ нимъ *кравчина!* *)
Отозвался въ слѣдъ Павлюга —
Сгинулъ козачина!
Отозвался панъ Трясило
Горькими слезами:
«Ненаглядная Украйна
«Стоптана врагами!»

. . . .
. . . .

«Отозвался на защиту
Панъ Тарасъ Трясило —
Отозвался: не забудутъ
Ляхи нашей силы!
Отозвался: «намъ Украйны
«Не спасти слезами!

*) Народное названіе ополченія Наливайки. Въ отвѣтъ на насмѣшки шляхты, упрекавшей Наливайку тѣмъ, что онъ сынъ *кравца* (портного), дружина его, изъ гордости, стала называть себя *кравчиною*, т. е. портнягами, и подъ этимъ именемъ воспѣвала себя въ пѣсняхъ.

Прим. переводчика.

«А пойдёмъ-ко лучше, братцы,
«Биться съ поляками!»

.

«Ужь не три дни, не три ночи
Бьётся панъ Трясило.
Отъ Лимана до Трубежи
Землю кровь вспоила.
Встосковался козачина —
Крѣпко истомился,
А поганый Конецпольскій
Вдругъ развеселился:
Вкругъ себя сбираетъ шляхту —
Пировать до свѣта.
Козаковъ Тарасъ сбираетъ —
Попросить совѣта:
«Атаманы, панибраты,
«*Господá-громада!* *)
«Дайте мнѣ совѣтъ хорошій,
«Что намъ дѣлать надо?
«Торжествуютъ вражьи ляхи
«Наше безголовье.»

---

*) Буквальный переводъ украинскаго выраженія: *панове громадо.*

Прим. переводчика.

«Пусть пируютъ, торжествуютъ,
«Пусть ихъ — на здоровье!
«Пусть поютъ, покамѣстъ солнце
«За горою сядетъ.
«А козакъ, какъ ночь наступитъ,
«Съ паномъ-ляхомъ сладитъ!»

«Сѣло солнце за горою,
Звѣзды засіяли,
А козаки, словно туча,
Ляховъ окружали.
Только мѣсяцъ сталъ средь неба,
Пушка взговорила;
Всполошились паны-ляхи,
Да ужь поздно было.
Всполошились паны-ляхи,
Да уже не встали:
Встало солнце — паны-ляхи
Мёртвые лежали.

«Альта красною змѣёю
Вѣсть несётъ повѣдать —
Манитъ вороновъ изъ степи
Падали отвѣдать.

Тучей вороны слетѣлись —
Ляховъ добудиться;
А козачество сошлося
Богу помолиться.
Громко вороны кричали,
Вырывая очи;
А козаки пѣли пѣсни
Подъ покровомъ ночи,
Той кровавой, тёмной ночи,
Что на-вѣки стала
Славой войска и Тараса,
Что враговъ заспала.

«Надъ рѣкой, въ степи, могила
Высится, чернѣетъ:
Гдѣ козачья кровь лилася —
Травка зеленѣетъ.
Воронъ каркаетъ печально
На могилѣ въ полѣ…
Вспомнитъ Сѣчь козакъ за плугомъ
И вздохнётъ о волѣ.»

Смолкъ кобзарь, горюя: руки
Что-то не играютъ.

Вкругъ него молодки, парни
Слёзы утираютъ.
Всталъ кобзарь, да какъ, съ кручины,
Грянетъ-заиграетъ —
Мигомъ молодцы въ присядку...
Онъ имъ припѣваетъ:

«Вотъ что будетъ, поглядите!
Дѣти, дома посидите;
Я въ кабакъ пойду, горюя,
Повстрѣчаю тамъ жену я,
Повстрѣчаю — съ ней напьюся,
Надъ врагами посмѣюся!»

Н. Гербель.

II.

ГАМАЛѢЯ.

«Что̀ ни вѣтру, ни волны̀ отъ родимой стороны,
Отъ Украйны милой?
Что̀-то наши не летятъ: видно биться не хотятъ
Съ некрещёной силой.
Вѣтеръ, вѣтеръ, зашуми, въ море синемъ подыми
До̀ неба пучину,
Наши слёзы осуши, наши вздохи заглуши
И развѣй кручину.
Ты волной изъ края въ край, море синее, взыграй,
Взвой подъ байдака̀ми:
То коза̀ки къ намъ плывутъ, скоро-скоро будутъ тутъ,
Загуляютъ съ нами.
Хоть бы то и не по насъ, добрый путь имъ въ добрый часъ
Дай, великій Боже!
Хоть взглянуть на нихъ глазкомъ? наши головы потомъ
Веселѣй мы сложимъ.»

Такъ-то въ крѣпости въ Скутари козакй поютъ, гу-
тарютъ;
И на слёзы ихъ горючи взвылъ Босфоръ могучій,
Всталъ, широкій, встрепенулся, къ морю онъ метнулся,
И понёсъ онъ въ сине-море козацкое горе;
Сине-море подхватило, къ Днѣпру прикатило —

Рѣчи братнихъ голосовъ,
Вѣсточку изъ плѣна.
Всталъ нашъ дѣдъ: съ сѣдыхъ усовъ
Побѣжала пѣна.
Зашумѣлъ онъ: «слышишь, Лугъ?
Ты, сестра-Хортица?»

— «Слышу, слышу, братецъ-другъ!»
Молвила сестрица.

Днѣпръ покрыли байдаки;
И запѣли козаки:

«У турчанки молодой
На сторонушкѣ на той
Хата на помостѣ.
Море синее, играй!

Скалы чорныя ломай!
Къ ней мы ѣдемъ въ гости.

«У турчанки молодой
Сундуки, лари съ казной,
И всего есть въ волю.
Не карманы вытряхать —
Ѣдемъ рѣзать... выручать
Братьевъ изъ неволи.

«У турчанки молодой
Янычаровъ съ ихъ пашой
Цѣлая арава.
Мы управимся съ врагомъ!
Умирать намъ нипочёмъ!
Наша воля, слава!»

Такъ-то плыли, распѣвали:
Весело козàкамъ.
Атаманъ ихъ Гамалѣя
Управлялъ байдàкомъ.
Только сердце Гамалѣи
Вдругъ захолонуло:

Заиграло сине-море
И байдакъ качнуло.
Да не больно синя-моря
Наши испугались:
За волнами, за горами
Спрятались, сховались.

Дремала въ гаремѣ — въ раю Византія,
Дремалъ и Скутари; лишь шуменъ Босфоръ:
Ревётъ и клокочетъ, какъ-будто бы хочетъ
Старикъ съ Византіей вступить въ разговоръ;
Но море въ ту пору сказало Босфору:
«Молчи, а не то твои рёбра-валы
Отъ краю до краю пескомъ закидаю!
Смотри-ко, какіе летятъ соколы!»

И море завыло: знать, нашихъ любило;
Босфоръ испугался; утёсы дрожатъ.
Турчанка не внемлетъ. Султанъ же — тотъ дремлетъ.
Лишь только въ Скутари козàки не спятъ:
Всё очи возносятъ, Всевышняго просятъ
И въ гости кого-то изъ-зà моря ждутъ;
А вòлны-то скачутъ, и воютъ, и плачутъ,
И. нà берегъ рвутся, и страшно ревутъ.

«Всемогущій покровитель
Всей Украйны милой,
Нашъ защитникъ и хранитель,
Господи помилуй!
Горьки слёзы льёмъ рѣкою
Здѣсь и дни, и ночи;
А умрёмъ — чужой землёю
Намъ засыплютъ очи.
Запорожцамъ вѣрнымъ, Боже,
Возврати свободу!»
— «Бей невѣрныхъ!» — Это кто же?
Тьма кругомъ народу!

То они, невѣрныхъ страхъ,
То козàки на валахъ,
То на Гамалѣѣ
Шапочка алѣетъ!
Вотъ и пушки, лёжа въ рядъ,
На Скутари говорятъ,
Но козацство смѣло
Градомъ овладѣло.
Разбиваютъ козакú
У тюрьмы лихой замки
Слышутъ соколята
Гамалѣя-хвата.

«Вольны пташки, изъ тюрьмы
Вылетаемъ снова мы!»
    Ночь — и та проснулась,
    Словно встрепенулась;
Засмотрѣлся цѣлый міръ
На козацкій славный пиръ;
    Всѣ при Гамалѣѣ
    Стали веселѣе.
«Что въ потьмахъ намъ ѣсть шашлыкъ?
Мы огня добудемъ въ мигъ!»
    Вплоть до самой тучи
    Дымъ встаётъ летучій.
Гамалѣевцы зажгли
На Босфорѣ корабли.
    Видя Византія
    Огнища такія,
Пробудилася — и вотъ
Помогать своимъ плывётъ,
    Яростно скрежещетъ
    И очами блещетъ...
Вотъ ужь близко, доплыла —
И на пикахъ замерла.
    Какъ въ аду, Скутари
    Мечется въ пожарѣ;
По базарамъ кровь течётъ
И въ Босфоръ широкій льётъ;

А въ дыму козаки
Вьются, точно птахи,
Добываючи добро;
Жемчуги̍ и серебро
Шапками таскаютъ,
Въ лодки насыпаютъ,
Трубки въ полымѣ зажгли,
Къ байдакамъ своимъ пошли,
По волнѣ кровавой
По̀плыли со славой.
По волнамъ они плывутъ,
Сами пѣсенки поютъ:

«Атаманъ нашъ Гамалѣя,
Атаманъ завзятый!
Знаютъ турки Гамалѣю,
Знаютъ супостаты!
Какъ поѣхалъ Гамалѣя
По̀ морю гуляти,
По синю морю гуляти,
Братьевъ выручати.
Какъ пріѣхалъ онъ въ Скутари,
Гдѣ свои бѣдуютъ,
Дожидаясь лютой казни,
Плачутъ и горюютъ.

Крикнулъ-гаркнулъ Гамалѣя:
　　«Братья, биться будемъ!
Будемъ жить да пить горѣлку,
　　Горе позабудемъ!
Будемъ бить поганыхъ турокъ,
　　Воевать съ ордою,
Курени же крыть атласомъ,
　　Золотой парчёю!»

Выѣзжали запорожцы
　　Въ поле жито жати;
Жито сжали, въ копны склали,
　　Пѣсни зачинали:
«Честь и слава, Гамалѣя,
　　Атаманъ нашъ смѣлый,
Честь тебѣ на всю Украйну
　　И на весь свѣтъ бѣлый,
Что козаковъ, нашихъ братьевъ,
　　Не хотѣлъ покинуть,
Что ты нѐ далъ на чужбинѣ
　　Имъ въ неволѣ сгинуть!»

Такъ плывутъ, забывши горе,
Козаки чрезъ сине-море.

Гамалѣя свой народъ,
Какъ орёлъ орлятъ, блюдётъ.
Страшно гнаться супостату:
Онъ боится за Галату,
Чтобы снова молодецъ
Не спалилъ её Чернецъ;
А не то Иванъ Подкова
Ихъ не вызвалъ въ море снова.
Гамалѣй домой летитъ.
Солнце волны золотитъ
Заходящими лучами,
А подъ нашими ладьями
Море Чорное шумитъ...

Н. Бергъ.

III.

ПЛАТОКЪ.

Аль была ужь Божья воля,
Аль ея дѣвичья доля,
Что въ чужой семьѣ вскормилась,
Съ сиротою полюбилась.
Сиротина, словно голубь,
Безталанной смотритъ въ очи
И воркуетъ у сосѣдки
Съ ней съ утра до поздней ночи.
Говорили-ворковали,
Госпожинокъ поджидали.
Дождалися... Въ Чигиринѣ
Всю Украйну созвонили,
Чтобъ коней сѣдлали хлопцы,
Сабли острыя точили,
На весёлый пиръ сбирались

На козацкое веселье,
На кровавое похмѣлье.

Въ воскресенье, ранымъ-рано,
Сурмы-трубы заиграли:
Съ красной зорькой компанейцы
Въ путь-дорогу выступали.
Провожала мать-вдовица
Своего родного сына,
И сестра родного брата,
Сиротину сиротина
Провожала: вороному
Налила воды студёной,
И сняла съ стѣны винтовку
Вмѣстѣ съ саблей золочёной.
Провожала за три поля,
Попрощалась при долинѣ
И дала дружку платочекъ,
Чтобъ попомнилъ на чужбинѣ.

Охъ, платокъ ты мой, платочекъ,
Шитый шолкомъ по узору!
На сѣдлѣ тебѣ козачьемъ
Красоваться только впору!

А она-то, сиротинка,
Опознала грусть-тревогу:
Что ни свѣтъ-заря, выходитъ
Каждымъ утромъ на дорогу,
А въ воскресный день съ кургана
Смотритъ... Очи помутились...

Черезъ двà гóда на третій
Компанейцы воротились.
Рать гремитъ, гремитъ другая,
А за третьей ратью тихо
(Не гляди туда, голубка)
Не добро везутъ, а лихо:
Гробъ везутъ китайкой крытый,
И со двухъ сторонъ у гроба
Самъ полковникъ съ старшиною
Въ чорныхъ свиткахъ йдутъ оба,
Самъ полковникъ компанейскій,
Характерникъ съ Сѣчи — значитъ;
Слѣдомъ — паны эсаулы...
Кто идётъ за гробомъ — плачетъ...
И несутъ они доспѣхи:
Броню крѣпкую, литую,
Всю въ рубцахъ, въ разсѣчкахъ вражьихъ,
Да и саблю золотую.

А за саблей три винтовки,
Да ещё три самопала.
И по всѣмъ по нимъ козачья
Кровь горячая бѣжала.
Охъ! ведутъ и вороного:
Поразбиты всѣ копыты
И платкомъ шелкòвымъ, шитымъ
У него сѣдло покрыто.

Л. Мей.

IV.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

1.

Было время — по Украйнѣ
Пушки грохотали;
Было время — запорожцы
Жили-пировали;
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Всё то ми́нуло — остались
Лишь могилы въ полѣ.
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое козачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы, въ полѣ,

И лишь съ вѣтромъ перелётнымъ
Шепчутся про волю.
Славу дѣдовскую вѣтеръ
По полю разноситъ...
Внукъ услышитъ — пѣсню сложитъ
И съ той пѣсней коситъ.

Было время — на Украйнѣ
Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да мёду вдоволь —
По колѣна море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь —
Какъ-то легче станетъ сердцу,
Веселѣе взглянешь.

2.

Встала туча надъ Лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине-море
Стонетъ, завываетъ.
Днѣпръ надулся. «Что жъ, ребята,
Время мы теряемъ?

Въ лодки! — море расходилось:
То-то погуляемъ!»
Высыпаютъ запорожцы —
Вотъ Лиманъ покрыли
Ихъ ладьи. «Играй же, море!»
Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноетъ; козаки же
Веселѣе стали.
Плещутъ вёсла; пѣсня льётся;
Чайка вкругъ порхаетъ...
Атаманъ въ передней лодкѣ —
Путь-дорогу знаетъ.
Самъ всё ходитъ вдоль по лодкѣ;
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
Гдѣ бъ сойтись съ врагами?
Закрутилъ онъ усъ свой чорный,
Вскинулъ чубъ косматый,
Поднялъ шапку — лодки стали.
«Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывёмте не къ Синопу,
Братцы атаманы,
А въ Царьградъ поѣдемъ — въ гости
Къ самому султану.»

— «Ладно, батька!» загремѣло.
— «Ну, спасибо, братцы!»
И накрылся.

Вновь горами
Волны громоздятся...
И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходитъ, не садится;
Только молча, исподлобья
На волну косится.

М. М.

V.

ПЕРЕБЕНДЯ *).

Перебендя, старый, хилый —
Кто его не знаетъ?
Онъ шатается повсюду
Съ кобзой, да играетъ.
А того, кто имъ играетъ,
Люди уважаютъ:
Самъ кручинится, а людямъ
Горе разгоняетъ.
Онъ и днюетъ и ночуетъ
Въ полѣ, сиротина;
Нѣтъ избы у горемыки;
Шутитъ съ нимъ судьбина,

---

*) Перебендя — здѣсь собственное имя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно выражаетъ и образъ жизни кобзаря, непостоянный, невѣрный, бродячій.

Прим. переводчика.

Издѣвается надъ старымъ,
А кобзарь ни слова;
Сядетъ гдѣ-нибудь, затянетъ:
«Не шуми дуброва!»
Запоётъ, да и припомнитъ,
Что онъ сиротина:
Потоскуетъ, погорюетъ,
Сидя подъ лозиной.

Вотъ такой-то Перебендя,
Странный да бывалый!
Пѣснь про «Чалаго» *) затянетъ,
Кончитъ разудалой;
Въ полѣ съ дѣвками — поётъ имъ
«Грицця» да «Веснянку»;
Въ кабакѣ же съ молодцами —
«Сербина», «Шинкарку»;
Съ молодицами на сватьбѣ
(Гдѣ свекруха злая) —
Про «Тополю», «Злую долю»,
А потомъ — «У гаю»;

---

*) Извѣстная украинская пѣсня, отличающаяся особенно-грустнымъ напѣвомъ.

Прим. переводчика.

На базарѣ—«Лазарь»-пѣсню,
Аль, чтобъ люди знали,
Запоётъ, какъ Сѣчь родную
Войски разоряли.
Вотъ такой-то Перебендя,
Старый да капризный!
Засмѣётся, а окончитъ
Плачемъ, укоризной.

Вѣтеръ вѣетъ-повѣваетъ,
Пò полю гуляетъ.
На могилѣ Перебендя
Пѣсни распѣваетъ.
Степь широкая, какъ море,
Вкругъ него синѣетъ;
За могилою могила,
Дальше — чуть виднѣетъ...
Старый усъ съ сѣдой чуприной
Вѣтеръ развѣваетъ;
То приляжетъ и внимаетъ,
Какъ кобзарь играетъ,

Какъ сердце смѣётся, какъ очи рыдаютъ...
Послушаетъ, встанетъ — и вновь повѣваетъ...

Старикъ пріютился въ степи на могилѣ,
Чтобъ вихри по пòлю слова разносили,
Чтòбъ люди не слышали слова благово,
Затѣмъ, что то слово — есть Божіе слово:
То съ Господомъ сердце бесѣду ведётъ,
То сердце Господнюю славу поётъ;
А дума на тучѣ по свѣту гуляетъ,
Орломъ сизокрылымъ летаетъ, ширяетъ
И небо лазурное крыльями бьётъ;
Подымется къ солнцу, летитъ, вопрошаетъ:
Гдѣ солнце ночуетъ, какъ солнце встаётъ;
Послушаетъ моря, что думаетъ море;
На гору — и спроситъ: «чего ты нѣмà?»
И снова на небо, подальше отъ горя,
Затѣмъ-что на свѣтѣ нѣтъ мѣста, угла
Тому, кто всё знаетъ, тому, кто всё чуетъ:
Что думаетъ море, гдѣ солнце ночуетъ.

Никто пріютить бѣдняка не берётъ.
Какъ солнце, межь ними одинъ онъ, избранный.
Всѣ знаютъ егò: онъ на свѣтѣ живётъ;
А если бъ узнали, что онъ, безталанный,
Поётъ на могилѣ, съ волной говоритъ:
Въ нёмъ Божіе слово они бъ осмѣяли,
Глупцомъ бы назвали, изъ хаты прогнали:
«Пускай онъ, сказали бъ, надъ моремъ сидитъ!»

Хорошо, кобзарь мой милый,
    Дѣлаешь, что ходишь
Пѣть и думать на могилу,
    Рѣчи съ ней заводишь!
Приходи, пока, мой голубь,
    Сердце не остыло;
Пой, чтобъ люди не слыхали,
    Какъ поёшь уныло.
А чтобъ люди не чуждались,
    Потакай имъ, барамъ!
Скачи, враже, якъ панъ каже:
    Онъ богатъ не даромъ.

Вотъ такой-то Перебендя,
    Старый да капризный!
Грянетъ «Горлицу», а кончитъ
    Плачемъ, укоризной.

Н. Гербель.

VI.

ТОПОЛЬ.

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
    Пò полю гуляетъ,
У дороги стройный тополь
    Долу нагибаетъ.
Станъ высокій, листъ широкій —
    Что онъ зеленѣетъ?
Какъ широкое то море,
    Поле вкругъ синѣетъ.
Чумаки ль проѣдутъ мимо —
    Смотришь — пріуныли;
На зарѣ ль чабанъ съ свирѣлью
    Сядетъ на могилѣ,
Поглядитъ — заноетъ сердце:
    Возлѣ ни былины!
Одиноко — сиротою —
    Вянетъ на чужбинѣ.

Кто жь ростилъ его, да холилъ
На погибель злую?
Красны дѣвицы, постойте —
Всё вамъ разскажу я!

Молодой козакъ дѣвицѣ
Крѣпко полюбился,
Полюбился онъ — уѣхалъ
И не воротился.
Если бъ знала, что покинетъ —
Лучше бъ не любила;
Если бъ знала, что онъ сгинетъ —
Лучше бъ не пустила;
Если бъ знала — не ходила бъ
Поздно за водою,
Не стояла бъ вплоть до ночи
Съ милымъ надъ рѣкою;
Если бъ знала!...

И то горе —
Знать, что повстрѣчаешь,
Знать впередъ, что съ нами будетъ...
Лучше, какъ не знаешь!
Не пытайте доли: сердце
Суженаго знаетъ...

Пусть болитъ, пока на-вѣки
Въ землю закопаютъ!
Вѣдь не долго вы румяны,
Пышны, бѣлолицы;
Брови — чорны, очи — кари
Не на-вѣкъ, дѣвицы!
До полудня — и завянутъ,
Брови полиняютъ...
Красны дѣвицы, любите,
Какъ сердечко знаетъ!

Чуть засвищетъ, защебечетъ
Соловей въ калинѣ —
И козакъ ужъ начинаетъ
Пѣснь свою въ долинѣ.
И поётъ, пока не выйдетъ —
Не увидитъ милой,
Не увидитъ и не спроситъ:
«Мать тебя не била ль?»
Убаюканные пѣсней,
Станутъ, обоймутся,
И — довольны и счастливы —
Снова разойдутся.
И никто у ней не спроситъ,
Сердца не пытаетъ:

«Гдѣ была ты, гдѣ гуляла?»
    Дѣлаетъ, какъ знаетъ.
Красна дѣвица любила,
    А сердечко млѣло:
Сердце чуяло невзгоду,
    А сказать не смѣло.
Не сказало — и осталась...
    День и ночь воркуетъ,
Какъ безъ голубя голубка,
    А никто не чуетъ.
Соловей ужь не щебечетъ
    Въ полѣ надъ водою;
Не поётъ моя козачка,
    Стоя надъ рѣкою;
Свѣтъ постылъ: ей не поётся;
    Бродитъ сиротиной.
Безъ милòго — какъ чужіе
    Мать съ отцомъ родимымъ;
Безъ милòго солнце ль свѣтитъ —
    Вòрогомъ смѣётся;
Безъ милòго свѣтъ — могила...
    А сердечко бьётся!

Годъ прошолъ, другой проходитъ —
    Друга не приноситъ;

Вянетъ красная, какъ цвѣтикъ...
Мать её не спроситъ:
«Что ты, дочка, что ты сохнешь?»
Смотритъ — и ни слова,
А тайкомъ въ мужья ей прочитъ
Богача сѣдого.
— «Выходи же!» говоритъ ей:
«Вѣкъ не быть дѣвицей!
Онъ богатый, одинокій:
Будешь жить царицей.»
— «Не хочу я жить царицей!
Ты меня въ могилу
Опусти тѣмъ полотенцемъ,
Что я къ сватьбѣ шила.
Пусть попы поютъ, а дру̀жки
Плачутъ надо мною:
Легче въ гробъ, чѣмъ повѣнчаться—
Быть его женою!»

Но не слушала старуха:
Дѣлала, что знала;
Дочка видѣла и сохла,
Сохла и молчала.
И пошла она къ колдуньѣ —
Допытаться слова:

Долго ли на этомъ свѣтѣ
Жить ей безъ милого?
Молвитъ: — «Бабушка, голубка,
Цвѣтикъ мой махровый!
Ты скажи, скажи всю правду:
Гдѣ мой чернобровый?
Живъ ли онъ, здоровъ и любитъ,
Аль забылъ, покинулъ?
Я пойду за нимъ повсюду…
Живъ онъ, али сгинулъ?
Молви бабушка, голубка,
Молви, если знаешь!
Выдаётъ меня родная
За сѣдого замужъ.
Полюбить его, голубка,
Сердца не научишь.
Я бъ пошла да утопилась —
Душу, жаль, погубишь.
Если умеръ чернобровый,
Сдѣлай такъ мнѣ, пташка,
Чтобъ домой я не вернулась…
Тяжко сердцу, тяжко!
Тамъ со сватами ждётъ старый…
Укажи жь мнѣ долю!»
— «Ладно; только будь послушна
И забудь про волю.

Эхъ! сама была я дѣвкой,
Это горе знаю;
Миновало — научилась:
Людямъ помогаю.
Про твою я долю, дочка,
Прошлымъ лѣтомъ знала;
Прошлымъ лѣтомъ я, про случай,
Зелье припасала.»

Встала старая и съ полки
Скляницу достала.
— «Вотъ и зелье! Выдь на рѣчку
До зари», сказала:
«Пѣтухи пока не пѣли,
Поспѣши умыться,
Выпей зелья — и всё горе
Прахомъ разлетится.
Выпей — и бѣги скорѣе;
Что бъ тамъ ни казалось,
Всё бѣги, пока не станешь
Тамъ, гдѣ съ нимъ прощалась.
Отдохнёшь... а какъ проглянетъ
Мѣсяцъ изъ-за сада,
Выпей снова; не прійдётъ онъ —
Въ третій выпить надо.

Съ разу — какъ за прошлымъ лѣтомъ —
Будешь ты такою;
Отъ другого — въ чистомъ полѣ
Топнетъ конь ногою...
Если живъ козакъ, то мигомъ
Онъ къ тебѣ прибудетъ...
А отъ третьяго... ахъ, дочка,
Не пытай, что будетъ!
Только помни, не креститься —
Всё снесётъ водою...
Ну, иди же — полюбуйся
Прежней красотою!»

Взявши зелье, поклонилась:
«Ну, прощай, бабуся!»
Вышла вонъ: «Идти ли, нѣтъ ли?
Нѣтъ, не ворочуся!»
Вмигъ умылась, напилася —
И повеселѣла;
Вотъ ещё, ещё — и, словно
Сонная, запѣла:
«Ты плыви, плыви же, лебедь,
«Пд морю синёму!
«Ты рости, рости же, тополь,
«Къ небу голубому!

«Дорости, высокъ и тонокъ,
«Вплоть до самой тучи,
«Свѣдай тамъ — дождусь ли друга,
«Аль загину, ждучи?
«Посмотри, какъ доростёшь ты,
«За синёе море:
«Тамъ за мо̀ремъ моя доля,
«Здѣсь надъ моремъ — горе.
«Тамъ мой милый, чернобровый
«По полю гуляетъ;
«А я плачу, годы трачу,
«Друга поджидаю.
«Разскажи ему ты, сердце,
«Что смѣются люди;
«Ты скажи ему, что сгину,
«Если позабудетъ.
«Мать сама меня хоронитъ —
«Въ землю зарываетъ...
«Безъ меня её, родную,
«Кто-то приласкаетъ?
«Кто присмотритъ, кто разспроситъ,
«Въ старости поможетъ?
«Мать моя! моя ты доля!
«Боже Ты мой, Боже!
«Посмотри за море, тополь,
«Если нѣтъ — не будетъ —

«Ты заплачь передъ зарёю —
«Не видали бъ люди!
«Ты рости, рости же, тополь,
«Къ небу голубому!
«Ты плыви, плыви же, лебедь,
Пò морю синёму!»

И едва замолкла пѣсня —
Чудо совершилось:
Чернобровая козачка
Въ тополь превратилась.
Не вернулася къ родимой,
Въ полѣ друга ждучи;
Доросла — тонка, высока —
Вплоть до самой тучи.

По дубровѣ вѣтеръ вѣетъ,
Пò полю гуляетъ,
У дороги стройный тополь
Долу нагибаетъ.

Н. Гербель.

VII.

УТОПЛЕННИЦА.

Вѣтеръ по̀ лѣсу не рыщетъ —
Спитъ-опочиваетъ!
А пробудится — тихонько
Тростники пытаетъ:
«Кто здѣсь косу холитъ, чешетъ,
Бродитъ по откосу?
Кто тамъ, кто тамъ за рѣкою
Рвётъ и треплетъ косу?
Кто же это? кто?» тихонько
Спроситъ онъ, повѣетъ —
И опять заснётъ, доколѣ
Небо не зардѣетъ.
«Кто же это? кто же?» спроситъ
Дѣ̀вица иная.
Та, что ходитъ по откосу —
Дочка, а другая,

Что блуждаетъ за рѣкою —
Мать ея родная.

Ужъ давнымъ-давно Украйна
Ту былину знала,
Какъ въ селѣ, въ нарядной хатѣ,
Вдовушка живала.
Черноброва, бѣлолица,
Статна да высока;
А въ жупанѣ, словно пани
Спереди и съ боку.
Молода была, пригожа,
А за молодою,
Да къ тому жь ещё за вдовой,
Козаки ордою
Такъ и ходятъ. И за нею
Вся орда ходила
До-тѣхъ-поръ, какъ на свѣтъ дочку
Вдовушка родила...
И не тужитъ: къ добрымъ людямъ
Вызнала дорожку,
И сдала въ чужой деревнѣ
Дочку на кормёжку.
Подождите, то ли будетъ!
Люди дочь ростили,

А вдова-то — былъ ли праздникъ,
Или будни были —
Съ холостымъ ли, иль женатымъ —
Пила да гуляла
До-тѣхъ-поръ, пока на горе
Ужь не тою стала:
Не слыхала, какъ минули
Красные годочки...
Горе, горе! мать старѣетъ,
Расцвѣтаетъ дочка,
Выростаетъ... И вотъ — Ганна
Выросла на волѣ
Высока, тонка, красива,
Словно тополь въ полѣ.
«Я Ганнуси не боюся!»
Мать имъ напѣваетъ;
А молодчики смѣются,
Да на дочь моргаютъ.
Тутъ рыбакъ ей подвернулся,
Бравый да кудрявый:
Млѣетъ, сохнетъ, чуть сойдётся
Съ Ганною чернявой.
Увидала мать-старуха —
Къ ней простоволосой:
«Вишь, растрёпанная пòгань,
Выкидышь ты босый,

Разневѣстилась некстати —
Съ парнями гуляешь...
Больно рано! — вотъ постой-ко!
Мать вѣдь не захаешь,
Нѣтъ, голубка!»

И, со злости,
Съѣла бы, казалось...
И то мать была! Гдѣ жь сердце
Женское дѣвалось —
Сердце матери? Охъ, горько
Такъ на свѣтъ родиться:
Красоту имѣть, а сердца
Не имѣть, дѣвицы!
Станъ согнётся, взоръ потухнетъ,
Брови блёкнутъ станутъ —
И не хвàтитесь; а люди,
Смѣючись, вспомянутъ
Ваши годы молодые,
Да и скажутъ: «свяла».
Тяжко плакала Ганнуся,
И сама не знала
Отчего её родная
Лаетъ-проклинаетъ,
Безъ стыда дитя родное
Выкидышемъ хаетъ.

Крѣпко мучила, томила —
Всё не помогало:
Словно макъ на огородѣ,
Ганна расцвѣтала;
Какъ калина при долинѣ
Подъ росистой зорькой,
Красотой разубиралась,
Мылась слёзкой горькой.
«Заколдована!.. постой же!»
Шепчетъ мать со злости:
«Ужъ пойду же я за зельемъ
Къ старой вѣдьмѣ въ гости!»

Отыскала вѣдьму, зелья
У нея добыла,
И тѣмъ зельемъ до разсвѣта
Дочку напоила.
Всё нѣтъ толку... И съ досады
Мать клянётъ, бывало,
Тотъ и день и часъ, въ который
Дочь на свѣтъ рожала.
— «Душно мнѣ. Пойдёмъ-ко, дочка,
Въ озеро купаться.»
— «Ладно, мама!»
На откосѣ
Стали раздѣваться.

И раскинулась Ганнуся
  На сорочкѣ тонкой...
А рыбакъ чуть дышетъ, глядя
  Сквозь ивнякъ сторонкой...
(Ахъ, и я, бывало!.. вспомнишь —
  Стыдъ одолѣваетъ...)
Какъ дитя, зелёной вѣткой
  Дѣвица играетъ,
Станъ сгибаетъ, разгибаетъ
  И на солнцѣ грѣетъ.
Мать глядитъ и отъ досады
  Млѣетъ и нѣмѣетъ.
Растрепавшися, босая
  Ходитъ по откосу
Съ пѣной у рту и съ досады,
  Рвётъ да треплетъ косу...
Вдругъ какъ кинется на Ганну —
  Въ косы ей вцѣпилась...
— «Мама! мама! что съ тобою?»
  Бездна разступилась,
Закипѣла, застонала
  И обѣихъ скрыла.
Только тутъ рыбакъ очнулся —
  Знать проснулась сила —
Въ воду кинулся; руками
  Волны разсѣкаетъ;

Вотъ доплылъ — нырнулъ въ пучину,
Снова выплываетъ,
И утопленницу Ганну
На̀ берегъ выноситъ,
Изъ заклятыхъ рукъ старухи
Вырываетъ косы.

— «Охъ ты, сердце моё, доля!
Дай взглянуть мнѣ въ очи!
Погляди же, улыбнися!
Аль ужь нѣтъ и мо̀чи?»
Плачетъ, падаетъ на землю,
Очи ей цалуетъ,
Раскрываетъ. «Погляди жѐ!..
Нѣтъ, она не чуетъ!»
На пескѣ лежитъ недвижно,
Руки раскидала...
Рядомъ съ нею мать-старуха
Мёртвая лежала:
На̀ лобъ выкатились очи
Отъ ужасной муки;
Глубоко̀ въ песокъ впилися
Скорченныя руки.
Долго плакалъ чернобровый:
«Нѣтъ у парня роду,

Нѣту доли здѣсь на свѣтѣ,
Такъ пойдёмъ же въ воду!»
Поднялъ дѣвицу — цалуетъ...
Бездна застонала,
Разступилась, вновь закрылась —
И слѣда не стало...

Съ той поры къ пруду дорога
Заросла травою;
Не купаются въ нёмъ дѣвки —
Ходятъ стороною;
А завидятъ — начинаютъ
Набожно креститься,
И зовутъ его заклятымъ...
А въ ночи, дѣвицы,
Выплываетъ мать-старуха,
Сядетъ на откосѣ,
Въ мокрой, порванной сорочкѣ,
Рвётъ и треплетъ косы,
И глядитъ на берегъ дальній
И чего-то проситъ...
А волна межъ-тѣмъ Ганнусю
Нà берегъ выноситъ.
Вся нагая, встрепенётся,
Сядетъ на песочкѣ...

И рыбакъ плывётъ съ подаркомъ
Ганнѣ на сорочку:
Онъ несётъ ей травъ душистыхъ...
Поцалуетъ въ очи —
Да и въ воду: любоваться
На красу нѣтъ мòчи!
И никто того не знаетъ,
Что въ лѣсу бываетъ:
Только вѣтеръ у осòки
Пошептомъ пытаетъ:
Кто тамъ, лёгкой, свѣтлой тѣнью
Бродитъ по откосу,
И, раняя слёзы, чешетъ
Шолковую косу?»

В. Крестовскій.

VIII.

ПОРЧЕНАЯ.

Ревётъ и стонетъ Днѣпръ широкій.
Сердитый вѣтеръ вербы гнётъ,
И гребни волнъ горой высокой
Взметаетъ вверхъ и вдаль несётъ.
А мѣсяцъ блѣдный той порою
Сквозь тучи изрѣдка сіялъ,
Какъ челнъ надъ бездною морскою,
То вынырялъ, то утопалъ.
Ещё въ селѣ не просыпались,
Три раза пѣтелъ не пропѣлъ,
Сычи въ лѣсу перекликались,
Да ясень гнулся и скрипѣлъ.

Въ эту пору у дубровы,
Подъ крутой горою,

Что-то бѣлое мелькаетъ,
Бродитъ надъ водою.
Можетъ-быть, русалка вышла
Мать искать сироткой,
Али парня ждётъ, чтобъ ночью
Извести щекоткой.
Нѣтъ, то дѣвица гуляетъ,
И сама не знаетъ —
Знать, испорчена бѣдняжка —
Что въ ночи блуждаетъ.
Такъ колдунья своротила,
Чтобы не скучала,
Чтобъ, бродя въ глухую полночь,
Спала-поджидала
Козака, что̀ прошлымъ лѣтомъ
Бѣдную покинулъ,
Обѣщался воротиться,
Да, должно̀-быть, сгинулъ.
Не китайкой синей очи
Зоркія покрылись,
Не дѣвичьи слёзы градомъ
На лицо катились:
Во̀ронъ вынулъ кари-очи
Средь чужого поля,
Тѣло волки растерзали —
Знать, такая доля!

Ночь, а дѣвица милòго
    Ждётъ да поджидаетъ.
Не вернётся чернобровый
    И не приласкаетъ,
Не расчешетъ чудо-косу,
    Шеи не повяжетъ:
Не въ постель она — въ могилу
    Сиротою ляжетъ.

Такая ей доля... Господняя сила,
За что жь ты караешь ея красоту?
За тò ль, что такъ крѣпко она полюбила
Козацкія очи?.. Прости сироту!
Кого жь ей любить?—ни отца, ни родимой...
Одна, какъ касатка въ далёкомъ краю.
Пошли жь ты ей долю — быть тоже любимой,
А то засмѣютъ сиротину мою.
Виновна ль голубка, что голубя любитъ?
Аль виненъ тотъ голубь, что палъ подъ грозой?
Тоскуетъ голубка, да думу голубитъ,
Что, можетъ, въ лѣсу заблудился милòй.
Счастлива голубка: высоко летаетъ,
Летитъ она къ Богу — про друга пытать.
Кого жь сиротина разспроситъ — узнаетъ,
И кто ей разскажетъ, и кàкъ кому знать,

Гдѣ милый ночуетъ: въ лѣсу ль, въ чуждомъ краѣ,
Аль поитъ коня во быстрòмъ во Дунаѣ,
Аль, можетъ, другую давно полюбилъ,
И чорныя брови ея позабылъ?
Когда бъ ей даны были орлія крылья,
За синимъ бы моремъ милòго нашла,
Живого бъ — любила, её бъ — задушила,
А къ мёртвому въ яму сама бы легла!
Не такъ любитъ сердце, чтобъ съ кѣмъ подѣлиться,
Не такъ оно хочетъ какъ Богъ намъ велитъ;
Жить сердце не хочетъ, не хочетъ крушиться.
«Крушись!» молвитъ думка — и горе сулитъ.
О, Боже мой! знать такова Твоя воля,
Такое ей счастье, такая ей доля!

Она всё ходитъ; съ устъ ни вздоху...
Тиха Днѣпра стальная грудь:
Разбивъ мракъ тучъ, съ переполоху
Лёгъ вѣтеръ къ морю отдохнуть;
А мѣсяцъ пò небу гуляетъ,
И лѣсъ и воду озаряетъ;
Кругомъ, какъ въ ухѣ, всё молчитъ.
Анъ глядь — смѣясь повыныряла
Толпа дѣтей изъ водной мглы
«Пойдёмъ-ко грѣться!» закричала:

«Зашло ужь солнце!» Всѣ голы;
Зелёныхъ косъ густыя сѣти,
Переплетаясь здѣсь и тамъ,
Бѣгутъ по мраморнымъ плечамъ,
Затѣмъ-что дѣвочки тѣ дѣти...
«Аль всѣ вы тутъ?» скликаетъ мать:
«Пойдёмъ-ко ужина искать.»

«Запоёмъ-ко, поиграемъ,
«Съ нашей пѣсней погуляемъ.
«Ухъ! ухъ!
«Соломенный духъ, духъ!
«Мать меня на свѣтъ родила,
«Некрещённой положила...
«Мѣсяцъ молодой,
«Сердцу дорогой!
«Приходи-ко къ намъ на ужинъ:
«Съ нами парень; онъ недуженъ,
«Спитъ въ зелёномъ тростникѣ;
«Зо̀лотъ-перстень на рукѣ;
«Молодъ, статенъ, чорны брови;
«Мы нашли его въ дубровѣ.
«Свѣтъ свой дольше́ лей по по̀лю —
«Нагуляться бы намъ въ волю.
«Пока вѣдьмы пролетаютъ,
«Пѣтухи не запѣваютъ,

«Посвѣти намъ... Кто-то ходитъ —
«Вонъ подъ дубомъ кто-то бродитъ!
«Ухъ! ухъ!
«Соломенный духъ, духъ!
«Мать меня на свѣтъ родила,
«Некрещённой положила».

Захохотали зубоскалки...
Лѣсъ отозвался: зыкъ и вой...
Какъ сумасшедшія, русалки
Подъ дубъ кидаются толпой.

Притаилися — и смотрятъ
Сквозь покровъ листви́ны:
Что то лѣзетъ вверхъ по дубу,
Лѣзетъ до вершины.
Это та краса-дѣвица,
Что во снѣ бродила:
Такъ проклятая колдунья
Ей наворожила.
Влѣзла, стала на вершинѣ...
(По̀дъ сердце подводитъ!)
Вкругъ взглянула, поглядѣла —
И на землю сходитъ.
Некрещённыя вкругъ дуба
Молча поджидали;

Подхватили молодую —
И защекотали.
Долго, долго дивовались
На ея породу...
Третьи пѣтелы пропѣли —
Побросались въ воду.
Залился, взлетая къ небу,
Жаворонокъ звонкой;
Вотъ кукушка гдѣ-то стала
Куковать сторонкой;
Соловей запѣлъ-защёлкалъ...
Мѣсяцъ потухаетъ;
Зорька рдѣетъ за горою;
Пахарь напѣваетъ.
Лѣсъ чернѣетъ за горою,
Гдѣ враги ходили;
Заснѣли длиннымъ рядомъ -
Надъ Днѣпромъ могилы;
Шелестъ, гулъ пошолъ дубровой;
Шепчутся былинки...
А дѣвица спитъ подъ дубомъ
На краю тропинки.
Знать, что крѣпко спитъ — не слышитъ
Гула на разсвѣтѣ,
Не пытаетъ у кукушки —
Долго ль жить на свѣтѣ?

А козакъ межь-тѣмъ изъ лѣса
Ѣдетъ — выѣзжаетъ;
Конъ подъ нимъ, какъ воронъ чорный,
Чуть переступаетъ.

«Изнемогъ ты, знать, товарищъ!
Скоро — прочь забота:
Близко хата, гдѣ отворитъ
Дѣвица ворота.
Ужь, быть-можетъ, отворила,
Да не мнѣ — другому...
Шибче, конь! несись стрѣлою
Ты къ селу родному!»

Притомился конь ретивый,
Шагъ — и спотыкнётся...
А вкругъ сердца удалого
Дума змѣемъ вьётся.
«Вотъ и онъ, тотъ дубъ кудрявый...
Боже! Катерина!
Задремала, поджидая
Друга, сиротина!»
Кинулъ поводъ — и къ желанной.
«Боже Ты мой, Боже!»

Кличетъ милую, цалуетъ...
Не помо̀чь... «За что же,
Охъ, за что же разлучили
Насъ они съ тобою?»
Засмѣялся, разбѣжался —
Да въ дубъ головою.

Вотъ и́дутъ жницы въ полѣ жать,
Да распѣваютъ идучи́:
Какъ провожала сына мать,
Какъ бились нехристи въ ночи́.
Идутъ — подъ дубомъ вороно̀й,
Понуривъ голову, стоитъ,
Съ нимъ рядомъ парень молодой
Съ пригожей дѣвицей лежитъ.
И къ парню каждая спѣшитъ,
Чтобы, подкравшись, испугать;
Взглянули — видятъ, что убитъ,
И съ перепугу ну бѣжать.

Собиралися подружки —
Слёзы утираютъ;
Собиралися сосѣди —
Ямы имъ копаютъ;

Шли священники съ крестами...
    Много было звону...
Схоронили цѣлымъ міромъ,
    Съ честью, по закону,
И насыпали надъ ними
    Двѣ могилы въ житѣ.
Кто допытываться станетъ,
    Кѣмъ они убиты?
Посадили надъ удàлымъ
    Яворъ и рябину,
А надъ дѣвицей пригожей
    Красную калину.
Прилетаетъ къ нимъ кукушка
    Куковать зарями;
Прилетаетъ соловейко
    Щебетать ночами;
И поётъ покамѣстъ мѣсяцъ
    Встанетъ, загорится,
Да русалки изъ пучины
    Выйдутъ порѣзвиться.

В. Крестовскій.

IX.

СОНЪ.

Она на барскомъ полѣ жала —
И тихо побрела къ снопамъ —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребёнка тамъ.

Въ тѣни лежалъ и плакалъ онъ.
Она его распеленала —
Кормила, няньчила, ласкала —
И незамѣтно впала въ сонъ.

И снится ей — житьёмъ довольный —
Ея Иванъ... Пригожъ, богатъ...
На вольной, кажется, женатъ —
И потому, что самъ ужь вольный...

Они съ лицомъ весёлымъ жнутъ
На полѣ собственномъ пшеницу;
А дѣтки имъ обѣдъ несутъ...
И тихо улыбнулась жнйца.

Но тутъ проснулась... Тяжко ей!
И, спеленавъ малютку быстро,
Взялась за серпъ — дожать скорѣй
Урочный снопъ свой до бурмистра.

А. Плещеевъ.

X.

ВДОВА.

Воетъ вѣтеръ, злится вьюга,
Снѣгъ кругомъ взметаетъ.
По селу вдова-старуха
Бродитъ — чуть ступаетъ.

Осыпаемая снѣгомъ
Спереди и сзади,
Бродитъ — проситъ горемыка,
Проситъ Христа-ради.

Бродитъ — проситъ со слезами
У тѣхъ у богатыхъ,
Что̀ ея кормильца-сына
Отдали въ солдаты.

А, вѣдь, думала когда-то:
«Вотъ женю сыночка:
Отдыхать подъ старость буду
За невѣсткой-дочкой.»

Не сбылось! Пошла старуха
Пò міру съ сумою
По чужимъ угламъ скитаться
Горькой сиротою.

На добытую копѣйку
Свѣчечку за сына
Богу ставитъ, сама плачетъ —
Плачетъ сиротина.

И. Суриковъ.

XI.

БЕЗДОЛЬНЫЙ.

«Горько, тяжко жить на свѣтѣ
Сиротѣ безъ роду:
Негдѣ дѣться, пріютиться —
Хоть съ горы да въ воду.
Утопился бъ горемычный,
Чтобы не томиться;
Утопился бъ... тяжко сердцу,
Негдѣ схорониться.
У иного доля въ полѣ
Колоски сбираетъ;
А моя далёко гдѣ-то
За̀ моремъ гуляетъ.
Кто богатъ, того на свѣтѣ
Люди уважаютъ;
А меня, какъ повстрѣчаютъ,
Словно и не знаютъ.

За богатымъ, тороватымъ
Дѣвки такъ и вьются;
Надо мною, сиротою,
Красныя смѣются.
Аль пришолся не по сердцу,
Какъ съ тобой спознался?
Аль люблю тебя некрѣпко?
Али насмѣялся?
Ты люби, моя голубка,
Какъ умѣешь-знаешь,
Да не смѣйся надо мною,
Ежели вспомянешь.
Я жь пойду бродить по свѣту...
Исхожу чужбину —
Аль найду тебя пригожѣй,
Аль, какъ листъ, загину.»
И пошолъ козакъ, горюя —
Никого не кинулъ;
Думалъ — долю въ чуждомъ полѣ
Сыщетъ — да и сгинулъ.
Умирая, всё на солнце
Онъ глядѣлъ, печальный...
Тяжко съ свѣтомъ разставаться
На чужбинѣ дальней!

Н. Гербель.

XII.

ПОКИНУТАЯ ИЗБУШКА.

Рано утромъ новобранцы
Выходили изъ села,
А за ними, молодыми,
Красна дѣвица брела.
Мать-старуха не пускала —
Дочку съ милымъ разлучала...
Разлучила — и корила
До-тѣхъ-поръ, пока землёй
Дочь засыпала, зарыла,
А сама пошла съ сумой.

Всё попрежнему въ деревнѣ —
Не перемѣнилось.
Только крайняя избушка
На̀ бокъ наклонилась.

Вкругъ избы служивый бродитъ,
Чуть переступаетъ:
Онъ заглядываетъ въ ὀкна,
Садикъ озираетъ.
Но не выглянетъ красотка
Изъ пустой избушки;
Не услышитъ онъ привѣта
Матери-старушки.
А когда-то былъ онъ званый,
Полотенцы ткàлись
И платки цвѣтнымъ узоромъ,
Шолкомъ вышивались.
Думалъ вѣкъ прожить счастливо,
Съ милой веселиться,
А пришлось, мой голубь сизый,
Плакать и томиться!

У избы сидитъ служивый.
На дворѣ темнѣетъ,
А въ окно сова ночная
Пристально глазѣетъ.

Н. Гербель.

———

XIII.

СИРОТКА.

Въ день великій Пасхи дѣти
　　На дворѣ играли —
И обновками своими
　　Похваляться стали.

Одному сапожки сшили,
　　Этому — сорочку,
Этой ленту подарили,
　　Этимъ — по платочку.

Лишь одна въ кругу ихъ тѣсномъ
　　Сирота сидѣла
Безъ обновы и уныло
　　На дѣтей глядѣла.

— «Это всё мнѣ батько справилъ!»
    — «Мать мнѣ подарила!»
— «Это крёстная мнѣ нынче
    Къ празднику купила!»

— «Я обѣдала сегодня
    У попа съ гостями!»
Проронила сиротинка,
    Поводя глазами.

Н. Гербель.

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

ВЕЧЕРЪ.

Вишнёвый садикъ возлѣ хаты;
Жуки надъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пахари тащàтъ
И, распѣваючи, дѣвчàты
Домой на вѐчерю спѣшатъ.

Семья ихъ ждётъ — и всё готово.
Звѣзда вечерняя встаётъ —
И дочка ужинъ подаётъ,
А мать сказала бы ей слово,
Да соловейко не даётъ.

Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ-дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ...
Затихло всё: однѣ дѣвчата,
Да соловейко не затихъ.

Л. Мей.

II.

И долину, и могилу,
И вечерній тихій часъ —
Всё, что снилось, говорилось
Вспоминалъ я много разъ.

Розошлись мы, — будто вовсе
И не знались никогда —
И минули невозвратно
Наши лучшіе года.

Отцвѣли мы: я въ неволѣ,
Ты вдовой... Мы не живёмъ,
Только бродимъ, вспоминая,
Какъ живалось намъ въ быломъ.

А. Плещеевъ.

III.

Мы всѣ живёмъ и всѣ не знаемъ,
Зачѣмъ судьба намъ жизнь дала?
Добра ли ждать намъ или зла?
Къ чему идёмъ, чего желаемъ?
За что въ незнаньи умираемъ
Безъ силъ на свѣтлыя дѣла?

Суди жь, моей виновникъ доли,
Меня за всѣ дѣла мои!
Ахъ! лучше бъ дѣти не росли,
Которыя, родясь въ неволѣ,
Позоръ себѣ же принесли!

Н. Курочкинъ

IV.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

Не домой идя въ полу̀ночь
Изъ знакомой хаты
И не спать ложась, мой милый,
Вспомяни меня ты,
А когда придётъ невзгода,
Просидитъ до свѣта —
Вотъ тогда меня ты вспомни,
Попроси совѣта!
Вотъ тогда про друга вспомни —
Далекò, надъ моремъ,
Какъ, онъ мается въ неволѣ,
Какъ онъ бьётся съ горемъ,
Какъ свои онъ злыя думы
И души тревогу
Схоронивъ, въ пустынѣ бродитъ,
Молится лишь Богу,

Объ Украйнѣ вспоминаетъ,
    О тебѣ, сердечный,
И грустить порой... не сильно
    И безъ слёзъ, конечно,
А такъ только... На дворѣ, вѣдь,
    Праздникъ наступаетъ...
Тяжело тому, кто праздникъ
    Безъ друзей встрѣчаетъ
На чужбинѣ! Завтра рано
    Благовѣстъ раздастся
По Украйнѣ. Завтра рано
    Станутъ собираться
Люди въ церковь... Завтра рано
    Заревётъ голодный
Звѣрь въ пустынѣ, да подуетъ
    Ураганъ холодный
И завѣетъ бѣлымъ снѣгомъ
    Мой курень печальный...
Вотъ какъ встрѣчу я нашъ праздникъ
    На чужбинѣ дальной!

Н. Гербель.

V.

КОЗАЦКАЯ ДОЛЯ.

Для чего бы мнѣ жениться?
Для чего вѣнчаться?
Станутъ только надо мною
Козаки смѣяться.
«Вишь. женился», скажутъ люди,
«Голый да голодный:
Только волю молодую
Загубилъ, безродный!»
Ваша правда. Что жь мнѣ дѣлать?
Къ вамъ я за совѣтомъ.
Аль въ наймы закабалиться?
Да что проку въ этомъ?
Не заѣмъ. не загоняю
Я чужую долю;
Не сгублю между чужими
Молодую волю.

Лучше буду красоваться
　　Въ голубомъ жупанѣ,
На конѣ лихомъ носиться
　　Передъ козаками.
Пріищу себѣ невѣсту
　　Въ полѣ при долинѣ —
Одинокую могилу
　　Въ нашей Украинѣ.
Къ молодому сослуживцы
　　Прійдутъ на пирушку,
Принесутъ съ собой мушкеты,
　　Выкатятъ и пушку.
Какъ меня на новоселье
　　Понесутъ родные —
Загрохочутъ самопалы,
　　Ружья боевыя.
Какъ положатъ атамана
　　Въ новую избушку —
Словно мать, завопитъ громко
　　Заревая пушка.
Долго будетъ раздаваться
　　Голосъ величавый —
И тотъ голосъ по Украйнѣ
　　Разнесётся славой.

Н. Гербель.

VI.

МУЗА.

И ты, прекрасная, святая,
Подруга Феба молодая,
Меня въ объятія взяла,
И, съ колыбелью разлучая,
Далёко въ поле отнесла.
Тамъ на могилу положила,
Туманомъ сизымъ обвила —
И на раздольѣ ворожила,
И пѣть, и плакать зачалà...

То были чары... чаровницы!
Вездѣ и всюду, съ-этихъ-поръ,
Какъ свѣтлый день, какъ лучъ денницы,
Горитъ на мнѣ твой дружній взоръ!

Въ степи безлюдной, вдалекѣ,
Блистала ты въ моей неволѣ
Въ моёмъ страдальческомъ вѣнкѣ,
Какъ пышный цвѣтъ сіяетъ въ полѣ!
Въ казармѣ душной надо мной
Ты лёгкимъ призракомъ носилась —
И мысль тревожно за тобой
На волю и просторъ просилась!
Золотокрылой, дорогой
Ты пташкой надо мной парила,
И душу мнѣ живой водой
Ты благотворно окропила!

Пока живу я — надо мною
Своей небесною красою
Свѣти же, зоренька моя!
Моя заступница святая,
Моя отрада неземная,
Не покидай меня! Въ ночи
И яснымъ днёмъ, и вечерами
Ты людямъ истину учи
Вѣщать нелживыми устами!
За край любимый, край родной
Мнѣ помоги сложить молитву,
И въ самый часъ послѣдній мой,

Какъ я закончу жизни битву,
Не покидай меня — пока
Послѣдній свѣтъ въ очахъ не сгинетъ.
Поплачь о мнѣ, хотя слегка —
И горсть земли твоя рука
Пускай тогда на гробъ мой кинетъ.

Н. Курочкинъ.

VII.

ДОЛЯ.

Ты не лукавила со мною:
Ты другомъ, братомъ и сестрою
Была бѣднягѣ. Ты взяла,
Ещё дитёй, меня за руку
И въ школу мальчика свела
Къ дьячку разгульному въ науку.
«Учись! Со временемъ, дитя,
Людьми мы будемъ», ты сказала.
Я сталъ учиться — вѣрилъ я —
И научился... Ты жь солгàла:
Что мы за люди? Нужды нѣтъ!
Мы не лукавили съ тобою,
Мы прямо шли — и за собою
У насъ зерна неправды нѣтъ.
О, доля — да, ты не лукава!
Тебѣ, какъ другу, вѣрю я!
Идёмъ же дальше — дальше слава,
А слава — заповѣдь моя!

Н. Гербель.

VIII.

Несутся звуковъ стройныхъ хоры
По заламъ, свѣтомъ залитымъ;
Красавицъ юныхъ блещутъ взоры
Алмазомъ добрымъ, дорогимъ...
То праздникъ юности безпечной:
Повсюду танцы, радость, шумъ;
Тамъ шопотъ страстный, смѣхъ сердечный,
Тамъ — говоръ задушевныхъ думъ.
И всѣ они полны надеждой,
Ихъ жизнь — сіяніе весны,
Ихъ мысль, подъ праздничной одеждой,
Ласкаютъ радужные сны.
Лишь я одинъ толпы весёлой
Минутъ счастливыхъ не дѣлю.
Какъ страшный сонъ, какъ гнётъ тяжолый,
Я вспомнилъ молодость свою —
И горькихъ слёзъ потокъ невольный
Едва удерживаю я:
Въ трудѣ, въ слезахъ, въ тоскѣ безмолвной
Минула молодость моя!

Н. Курочкинъ.

IX.

КЪ ОСНОВЬЯНЕНКѢ.

Бьютъ пороги; мѣсяцъ всходитъ,
Всходитъ, какъ бывало...
Нѣту Сѣчи, нѣтъ гетмàновъ —
Всё на-вѣкъ пропало!
Нѣту Сѣчи! Днѣпръ широкій
Камыши пытаютъ:
«Гдѣ-то, гдѣ-то наши дѣти?
Гдѣ они гуляютъ?»

Стонетъ чайка, словно дѣтокъ
Ищетъ, призываетъ;
Солнце свѣтитъ; вольной степью
Вѣтеръ пробѣгаетъ.
А въ той степи длиннымъ рядомъ
Высятся могилы,

И пытают буйный вѣтеръ,
Тихи и унылы:
«Гдѣ-то наши, гдѣ гуляютъ?
Время воротиться!
Воротитесь! поглядите —
Жито колосится.
Гдѣ паслися ваши кони,
Гдѣ трава шумѣла
И гдѣ моремъ разливаннымъ
Вражья кровь алѣла...
Воротитесь!...»

Врагъ смѣётся:
Лишь ему забава...
Смѣйся! пусть погибла воля —
Не погибнетъ слава!
Не погибнетъ, а разскажетъ,
Что творилось въ свѣтѣ,
Чья тутъ правда, чья неправда,
Скажетъ, чьи мы дѣти.

Наша дума, наша пѣсня
Не умрутъ случайно...
Вотъ гдѣ, люди, наша слава,
Слава всей Украйны!

Нѣтъ въ ней золота, каменьевъ —
    Ничего таково,
А громкà, святà, правдива,
    Какъ Господне слово.

Такъ ли, другъ ты мой желанный?
    Правду ль говорю я?
Эхъ, когда бъ!... да голосъ рвётся...
    Да и что скажу я?
Всё кругомъ чужіе люди —
    Не спѣшатъ съ привѣтомъ...
«Не кручинься!» можетъ, скажешь;
    Да что проку въ этомъ?
Осмѣютъ псаломъ тотъ люди,
    Вылитый слезами —
Осмѣютъ... Орѐлъ мой сизый,
    Тяжко жить съ врагами!
Поборолся бы я съ ними,
    Лишь была бы сила,
И запѣлъ бы — былъ и голосъ —
    Да судьба сломила.

Вотъ въ чёмъ горе, другъ мой милый!
    И бреду я снова

По сугробамъ, да мурлычу:
«Не шуми дуброва!»
Вотъ и всё тутъ. У тебя же
Голосъ полонъ силы;
Всѣ тебя и чтутъ, и любятъ:
Пой имъ про могилы,
Про козацкія могилы,
Какъ ихъ насыпàли,
И давно ли, и кого въ нихъ
Хоронили — клали.
Пой про старь, про тò, что было —
Было, миновало...
Пой, орёлъ мой, чтобъ на свѣтѣ
Всё живое знало,
Цѣлый свѣтъ, за что Украйна
Много такъ терпѣла;
Отчего козачья слава
Свѣтъ весь облетѣла.
Пой, орёлъ мой! пусть заплàчу —
Не схоронишь тайну!
Пусть хоть разъ ещё увижу
Я свою Украйну,
Пусть хоть разъ ещё услышу,
Какъ играетъ море,
Какъ поётъ душа-дѣвица
Про своё про горе!

Пусть хоть разъ ещё забьётся —
Сердце сердцу скажетъ,
И тогда въ чужую землю
Пусть на-вѣки ляжетъ!

Н. Гербель.

X.

ЗАВѢЩАНЬЕ.

Какъ умру — пусть степь родная
    Будетъ мнѣ могилой:
Вы меня похороните
    На Украйнѣ милой;
Чтобъ поля и Днѣпръ, и берегъ,
    Дальній и зыбучій,
Были видны, было слышно,
    Какъ ревётъ могучій...

Н. Гербель.

КАТЕРИНА

ПОВѢСТЬ

КАТЕРИНА.

I.

Чернобровыя, любитесь,
    Но не съ москалями: *)
Москали чужіе люди,
    Помыкають вами.
Что̀ ему? — шутя полюбитъ
    И шутя покинетъ:
Онъ простится и уѣдетъ,
    А она — загинетъ.
Пусть сама бъ... ещё не горе!
    Пусть!... а то могила

---

*) Въ Малороссіи москалемъ называютъ каждаго великоросса (московца) и, въ особенности, военнаго, солдата, въ отличіе отъ козака. Даже хохолъ, ставшій солдатомъ, уже есть *москаль*, по пословицѣ «Якъ надивъ московьску сумку, то взявъ и московьску думку».

Съ нею ждётъ и мать-старуху,
Что̀ на свѣтъ родила.
Сердце вянетъ, распѣвая,
Какъ причину знаетъ;
Люди сердца не распросятъ —
Прямо осуждаютъ.
Чернобровыя, любитесь,
Но не съ москалями:
Москали — чужіе люди,
Помыкаютъ вами.

Полюбила Катерина
Москаля лихова:
Полюбила — не сказала
Никому ни слова.
Полюбила молодого;
По ночамъ ходила
Въ садъ, пока себя и долю
Тамъ не загубила.
Кличетъ ужинать старуха —
Не докличетъ дочку:
Гдѣ съ соколикомъ гуляетъ,
Тамъ проспитъ и ночку.
Дни и ночи кари очи
Жарко целовала,

А тѣмъ временемъ дурная
    Слава вслѣдъ бѣжала.
Пусть позорятъ злые люди —
    Что ей въ томъ позорѣ?
Полюбила — не слыхала
    Какъ подкралось горе.
Пронеслись дурныя вѣсти —
    Въ трубы затрубили.
На войну москаль поѣхалъ;
    Дѣвицу *покрыли*. *)
Не печалитъ Катерину,
    Что коса покрыта:
Любы слёзы, словно пѣсни,
    Если не забыта.
Обѣщался чернобровый,
    Если цѣлъ вернётся,
Обѣщался къ ней пріѣхать.
    То-то заживётся!
Будетъ дѣвица московкой,
    Горе позабудетъ...
А пока — пусть осуждаютъ,
    Пусть смѣются люди.

*) На Украйнѣ дѣвушка, уличённая въ преступной связи, не смѣетъ являться въ люди съ непокрытой головой; её *покрываютъ* насильно, то-есть повязываютъ голову платкомъ, какъ замужней. Такую дѣвушку называютъ *покрытою*.

Не тоскуетъ Катерина —
Слёзы утираетъ,
Что её съ собой подружки
Пѣть не зазываютъ.
Не тоскуетъ Катерина,
Хоть и плачутъ очи...
Съ коромысломъ за водою
Выйдетъ о-полъ-ночи,
Чтобъ враги не увидали;
Станетъ подъ калиной
У колодца и про «Гриця» *)
Запоётъ съ кручиной.
И калина плачетъ — столько
Въ пѣснѣ той печали.
Воротилася — и рада,
Что не повстрѣчали.
Не тоскуетъ Катерина,
Тяжкихъ думъ не знаетъ —
У окна, въ цвѣтномъ платочкѣ,
Друга поджидаетъ.
Поджидала Катерина
Цѣлые полгода:
Защемило возлѣ сердца,
Подошла невзгода.

*) Извѣстная народная малорсссійская пѣсня.

Расхворалась Катерина·
    Еле-еле дышетъ...
Чуть оправилась — къ запечку
    И дитя колышетъ.
А соседки-щебетухи
    Матери толкуютъ,
Что у дочки, по дорогѣ,
    Москали ночуютъ.
«У тебя красотка дочка
    И не одиночка:
Няньчитъ, холитъ у запечка
    Москаля-сыночка.
Чернобровымъ завелася...
    Вмѣстѣ, знать, грѣшили...»
Чтобъ васъ вѣдьмы, щебетухи,
    Злыдни задавили!

Катерина, разразилось
    Горе надъ тобою!
Гдѣ ты голову приклонишь
    Съ малымъ сиротою?
Кто распроситъ, приголубитъ
    Въ свѣтѣ безъ милòва?
Мать, отецъ — чужіе люди:
    Тяжко это слово!

Вотъ оправилась бѣдняжка —
Подойдётъ къ окошку,
И всё няньчится съ ребёнкомъ,
Смотритъ на дорожку.
Смотритъ — нѣтъ да нѣтъ милова...
Можетъ, и не будетъ?
Въ садъ поплакать бы сходила,
Да увидятъ люди.
Ночь настанетъ — Катерина
По саду гуляетъ,
На рукахъ качаетъ сына,
Горе повѣряетъ:
«Здѣсь его я поджидала
Вечеромъ, бывало,
Тутъ клялись... а тамъ... сыночекъ...»
И не досказала.

Зацвѣли въ саду черешни,
Зацвѣла калина;
Какъ бывало, въ садъ зелёный
Вышла Катерина.
Вышла, только не поётся
Бѣдной, какъ бывало,
Какъ въ саду вишнёвомъ ночью
Друга поджидала.

Не поётся чернобровой —
    Проклинаетъ долю.
А межь-тѣмъ враги смѣются,
    Потѣшаясь вволю,
Распускаютъ злыя рѣчи —
    Бѣдной не оставятъ...
Если бъ милый — онъ съумѣлъ бы
    Ихъ молчать заставить;
Но далёко чернобровый —
    Сердцемъ не почуетъ,
Какъ враги надъ ней смѣются,
    Какъ она горюетъ.
Можетъ, спитъ онъ за Дунаемъ
    Подъ сырой землёю,
Аль въ Московщинѣ слюбился
    Съ дѣвицей иною?
Нѣтъ, онъ живъ, здоровъ и веселъ —
    Онъ не пролилъ крови...
Гдѣ жь найдётъ такія очи
    И такія брови?
Нѣтъ въ Московщинѣ — пройди хоть
    Всю её до моря —
Нѣтъ такой, какъ Катерина,
    А живётъ на горе...
Мать съумѣла дать ей брови
    И глаза на диво,

Не съумѣла только сдѣлать
Дѣвицу счастливой.
А краса безъ доли, счастья,
Что̀ цвѣточекъ въ полѣ:
Сушитъ солнце, треплетъ вѣтеръ,
Каждый рвётъ по волѣ.
Лей же слёзы, Катерина,
Въ хижинѣ убогой:
Ой, москалики вернулись,
Да не той дорогой!

———

II.

За столомъ сидитъ родимый —
Нà руки склонился.
Не глядитъ на свѣтъ онъ божій:
Сердцемъ истомился.
Рядомъ мать сидитъ старуха —
Старая, сѣдая —
И, сквозь слёзы, еле-слышно
Говоритъ, вздыхая:
«Что же сватьба, Катерина?
Гдѣ женихъ твой — пара?
Гдѣ подруги, сваты, дружки,
Старосты, бояра?
Знать, въ Московщинѣ! Иди же
Къ нимъ, когда посмѣешь,
Да не сказывай дорогой,
Что ты мать имѣешь.

Видно, въ день и часъ проклятый
Я тебя родила!
Если бъ знала, до восхода
Солнца утопила:
Пусть бы гадина сглодала —
Не москаль поганый!
Ой, дитя моё родное,
Цвѣтикъ мой румяный!
Точно ягодку, какъ пташку
Нѣжила, ростила —
На бѣду, знать... Такъ-то, дочка,
Мнѣ ты отплатила!
Ну, иди же — на чужбинѣ
Поищи свекрухи,
Если слушать не хотѣла
Матери-старухи!
Поищи её: отыщешь —
Крѣпко приласкайся!
Будь счастлива межъ чужими,
Къ намъ не возвращайся —
Никогда не возвращайся
Изъ чужого края!
Кто-то мнѣ глаза закроетъ,
Безъ тебя, родная?
Кто меня здѣсь пожалѣетъ
Въ людяхъ сиротину?

Кто посадитъ на могилѣ
Красную калину?
Кто помянетъ — кто молиться
Будетъ надо-мною?
Ой, ты, дочка дорогая,
Дитятко родное...
Ну, иди жь!...»

Благословила:
«Богъ съ тобой, родная!»
И на лавку повалилась,
Будто не живая.

Всталъ отецъ и молвилъ: «съ Богомъ!
Съ Богомъ, сиротина!»
Зарыдала и упала
Въ ноги Катерина:
«Ты прости меня, родимый,
Въ чёмъ я согрѣшила!
Не кляни меня ты бѣдной,
Если опостыла!»

— «Пусть Господь тебя и люди
Добрые прощаютъ!

Помолись — и въ путь-дорогу...
Сердце зла не знаетъ!»

Еле встала, поклонилась,
Вышла со слезами —
И старикъ съ своей старухой
Стали сиротами.
Вышла въ садикъ, помолилась,
Горсть земли набрала
И на крестъ её въ мѣшочкѣ
Крѣпко навязала.
«Не вернусь!» проговорила:
Далекò умру я —
И чужіе закопаютъ
Въ землю мнѣ чужую;
А своя — щепотка эта —
Надо мною ляжетъ,
И про долю, и про горе
Добрымъ людямъ скажетъ...
Не разсказывай, голубка,
Гдѣ бъ ни схоронили,
Чтобы грѣшницу по смерти
Люди не бранили!
Ты не скажешь — вотъ кто скажетъ,
Кто его родная?

Боже мой, куда я дѣнусь,
Убѣгу куда я?
Я сама, дитя родное,
Спрячусь подъ водою,
Ты же грѣхъ мой отстрадаешь
Въ людяхъ сиротою,
Безъ отца!...» Пошла деревней —
Плачетъ Катерина;
Повязалася платочкомъ
И глядитъ на сына.
За деревней оглянулась —
Сердце въ ней заныло —
Покачала головою
И заголосила.
Стала въ полѣ при дорогѣ,
Словно тѣ берёзы;
Какъ роса передъ зарёю,
Полилися слёзы.
Изъ-за слёзъ изъ-за горючихъ
Бѣла-дня не чуетъ,
Только сына обнимаетъ,
Плачетъ да цалуетъ.
А ребёнокъ, точно ангелъ,
Ничего не знаетъ:
Къ груди крохотной ручонкой
Тянется, хватаетъ.

Солнце сѣло; за дубровой
Зорька догораетъ...
Отвернулась — и въ дорогу...
Вотъ ужь чуть мелькаетъ...
На селѣ ещё сосѣдки
Долго толковали,
Но ни мать, ни старый батька
Ихъ ужь не слыхали.

Такъ-то съ ближними на свѣтѣ
Люди поступаютъ!
Рѣжутъ, тѣшатся... иной же
Самъ себя терзаетъ.
А за что? Господь ихъ знаетъ.
Свѣтъ, кажись, широкой,
А въ нёмъ мѣста не отыщетъ
Странникъ одинокой.
Одному отмѣритъ доля
Съ краю и до краю;
А другому лишь оставитъ
То̀, гдѣ закопаютъ.
Гдѣ жь тѣ люди, гдѣ жь тѣ братья,
Съ кѣмъ мы такъ желали
Жить, кого любить сбирались?
Сгинули, пропали!

Есть на свѣтѣ доля —
Съ кѣмъ она спозналась?
Есть на свѣтѣ воля —
Да кому досталась?
Есть на свѣтѣ люди —
Золотомъ сіяютъ.
Кажется, чего бы —
Долюшки не знаютъ.

Ни доли, ни воли!
Кафтанъ надѣваютъ
Съ кручиной, а плакать —
Такъ стыдъ запрещаетъ.

Золото возьмите,
Будьте имъ богаты,
Мнѣ же — дайте слёзы
Выплакать утраты.
Затоплю недолю
Частыми слезами.
Затопчу неволю
Босыми ногами!

Тогда я богатый,
Тогда я довольный —
Какъ сердце взыграетъ
Касаткою вольной.

III.

Стонутъ совы; спитъ диброва;
Звѣздочки сіяютъ;
По окраинамъ дороги
Суслики играютъ.
Люди добрые уснули:
Каждаго стомило
Или счастье, или слёзы —
Ночка всё покрыла.
Всѣхъ покрыла, словно дѣтокъ
Мать, когда уснули...
Гдѣ жь уснула Катерина:
Въ хатѣ ли, въ лѣсу ли?
Сына ль въ полѣ, подъ копною,
Тѣшитъ, забавляетъ,
Аль въ лѣсу изъ-за колоды
Волка выжидаетъ?

Пропадайте, чорны-брови!
    Лучше не родиться,
Чѣмъ такой бѣдою въ жизни
    Изъ-за васъ платиться.
Что-то дальше повстрѣчаетъ?
    Тяжко будетъ, тяжко!
Зной, пески, чужіе люди
    Ждутъ тебя, бѣдняжка!
Встрѣтитъ стужа; но желанный
    Встрѣтитъ ли — кто знаетъ:
Приласкаетъ ли бѣдняжку,
    Нѣтъ ли — всё бываетъ!
Нѣтъ! съ нимъ дѣвица забудетъ
    Зной, пески, кручину:
Онъ, какъ мать, какъ братъ, привѣтомъ
    Встрѣтитъ Катерину.

Всё увидимъ, всё услышимъ!
    А пока немного
Отдохнёмъ, да поразспросимъ
    На Москву дорогу.
Дальній путь! Дорогу эту
    Знаю, братцы, знаю!
Даже сердце замираетъ,
    Какъ припоминаю.

Вымѣрялъ и я когда-то —
Чтобъ её не мѣрить!
Разсказалъ бы я про горе,
Только не повѣрятъ!
Скажутъ: «лжотъ онъ!» да и станутъ
За глаза порочить:
«Вишь разсказываетъ сказки,
Да людей морочитъ!»

Правда, братцы, ваша правда!
Для чего предъ вами
Стану горе да кручину
Выливать слезами?
Знать, печали да заботы
Каждому не диво...
Ну ихъ къ бѣсу!... Лучше дайте
Трубку да огниво,
Чтобы, знаете, родные
Дома не крушились.
Что̀ разсказывать про бѣды!
Развѣ, чтобъ приснились!
Ну ихъ къ бѣсу!... Лучше взглянемъ,
Что-то, той порою,
Сталось съ нашей Катериной,
Съ малымъ сиротою.

За Днѣпромъ, дорогой въ Кіевъ,
Идутъ тёмнымъ боромъ
Чумаки, родную пѣсню
Распѣвая хоромъ.
Ввстрѣчу имъ идётъ молодка:
Видно, съ богомолья.
Что жь глаза у ней припухли?
Али отъ бездолья?
Въ свиткѣ худенькой, въ заплатахъ,
Въ лаптяхъ и съ клюкою;
На рукахъ ея ребёнокъ,
Узелъ за спиною.
Повстрѣчалась съ чумаками,
Мальчика прикрыла.
«Какъ въ Москву пройдти мнѣ, братцы?»
Ихъ она спросила.

— «Прямо, прямо, молодица!
А куда дорога?»

— «Да въ Москву иду. Подайте
Бѣдной, ради Бога!»

Дали грошъ ей. Задрожала:
Тяжко брать ей, тяжко!

И зачѣмъ ей?... А ребёнокъ?
  Жаль его, бѣдняжки!
Зарыдала, поплелася;
  Въ Броворахъ *) немного
Отдохнула, да купила
  Пряникъ на дорогу.
Долго, долго горемыка
  Шла, разузнавала...
А случалось — подъ заборомъ
  Съ сыномъ ночевала.

Видите ль, на что ей очи пригодились:
Чтобъ изъ нихъ рѣкою слёзы лились, лились.
Слушайте и кайтесь, красныя дѣвицы,
Чтобъ не довелося плакать и томиться,
Чтобъ не довелося мужа на чужбинѣ
Вамъ искать, какъ нашей бѣдной Катеринѣ.

Тогда не пытайтесь развѣдать, узнать,
За что не пускаютъ въ избу ночевать!

---

*) Мѣстечко Броворы — есть первая станція отъ Кіева по дорогѣ въ Москвѣ.

Не пытайтеся развѣдать —
Люди. вѣдь, не знаютъ:
Тѣхъ, кого Господь караетъ,
И они караютъ...
Люди гнутся, точно лозы,
Вѣтеръ чуть повѣетъ.
Солнце свѣтитъ сиротинѣ —
Свѣтитъ, да не грѣетъ...
Люди бъ солнце заступили,
Если бъ можно было,
Чтобы сирымъ не свѣтило,
Слёзы не сушило.
А за что, за что не знаетъ
Бѣдная отрады?
Чѣмъ она не угодила?
Что имъ, людямъ, надо?
Чтобы плакала!... Не плачь же,
Сердце-Катерина!
Пусть не видятъ слёзъ тѣхъ люди!
Прочь, змѣя-кручина!
А чтобъ личико не блёкло
Съ чорными бровями,
До зари, въ лѣсу дремучемъ,
Вымойся слезами.
И никто тогда бѣдняжку
Лихомъ не помянетъ;

А пока струятся слёзы,
Сердцу легче станетъ.
Но не лучше ль намъ вернуться
Къ нашей Катеринѣ
И взглянуть, какъ ей живётся,
Круглой сиротинѣ.
Подъ плетнями ночевала,
На зарѣ вставала —
И такъ шла всё дальше, дальше...
Глядь — зима настала,
Свищетъ вѣтеръ, стонетъ вьюга,
А она въ убогой
Свиткѣ и лаптяхъ плетётся
Снѣжною дорогой.
Чуть ступаетъ... Вдругъ мелькнуло!
Глянула — блѣднѣетъ:
Москали идутъ дорогой...
Горе! сердце млѣетъ!...
Повстрѣчала. «Не слыхали ль —
Говоритъ — случаемъ,
Гдѣ Иванъ мой чернобровый?»
Тѣ ей: «Знать не знаемъ!»
И, какъ водится, солдаты
Шутятъ да смѣются:
«Ай да баба! ай да наши!
Всюду доберутся!»

Посмотрѣла Катерина:
«Охъ, ты доля, доля!...
Ты не плачь, мой горемычный!
Видно, Божья воля!...
Побреду — ходила больше...
Можетъ и найду я:
Передамъ тебя, голубчикъ,
А сама умру я».

Воетъ вьюга, стонетъ вьюга,
По̀ полю гуляетъ.
Катерина среди поля
Слёзы проливаетъ.
Уходилась злая вьюга —
Еле повѣвала...
Всё бы плакала бѣдняжка,
Только слёзъ не стало.
Посмотрѣла на ребёнка:
По̀литый слезою,
Рдѣетъ крошка, какъ цвѣточекъ
Утромъ подъ росою.
Усмѣхнулась Катерина,
Горько усмѣхнулась:
Возлѣ сердца лютымъ змѣемъ
Горе шевельнулось.

Осмотрѣлась Катерина,
Видитъ — лѣсъ чернѣетъ,
А подъ лѣсомъ, у дороги,
Огонёкъ свѣтлѣетъ.

«Ну пойдёмъ же, можетъ, пустятъ
Въ хату насъ съ тобою;
А не пустятъ — заночуемъ
Въ полѣ, подъ межою;
Подъ избою заночуемъ —
Мѣста намъ достанетъ...
Гдѣ-то будешь ночевать ты,
Какъ меня не станетъ?
Ты съ собаками дружися —
Право, лучше будетъ!
Если злыя — покусаютъ,
Всё же не осудятъ...
Съ ними ѣсть и пить придётся
Моему Ивану...
Охъ, ты, доля моя, доля!
Что я дѣлать стану?»

IV.

Свищетъ вѣтеръ, стонетъ вьюга;
    Пò лѣсу завыло;
Словно море, бѣлымъ снѣгомъ
    Поле обложило.
Изъ избы лѣсничій вышелъ,
    Чтобъ пройти дозоромъ —
Такъ куда ты! зги не видно:
    Такъ и свищетъ боромъ.

— «Еге-гѐ, какая вьюга!
    Нѣтъ, тутъ не до лѣсу...
Лучше въ хату... Что такое?
    Э, да ну ихъ къ бѣсу!
Вѣдь несётъ же вражья сила,
    Будто и за дѣломъ.
Какъ ихъ снѣгомъ-то... Никифоръ,
    Глянь-ко — точно въ бѣломъ».

— «Москали́?... да гдѣ?... да гдѣ же?»

— «Что ты? Богъ съ тобою!»

— «Гдѣ они, мой голубь сизый?»

— «Вонъ идутъ межою».

Побѣжала Катерина,
Вихремъ понеслася.

— «Знать, Московщина бѣдняжкѣ
Солона пришлася!
По ночамъ — одно и знаетъ —
Москаля̀ все кличетъ».

Черезъ пни бѣжитъ бѣдняжка,
Еле-еле дышетъ.
Добѣжала... утираетъ
Слёзы рукавами.
Ей на встрѣчу выѣзжаютъ
Москали́ рядами.

«Охъ, ты доля моя, доля!»
Къ нимъ... глядитъ — узнала:
Впереди всѣхъ ѣдетъ старшій.
«Милый!» закричала:
«Мой Иванъ, мой ненаглядный!
Что жь ты не вернулся?»
И къ нему... хватаетъ стремя...
Старшій оглянулся —
И коня въ бока толкаетъ.

«Что жь ты уѣзжаешь?
Аль забылъ меня, желанный?
Аль не распознаешь?
Погляди: я Катерина,
Я твоя, мой милый!
Что жь ты стремя вырываешь
У меня — постылой?»

А онъ будто и не видитъ —
Всё коня торопитъ.
«Посмотри — ужь я не плачу!»
Катерина вопитъ:
«Не узналъ меня, мой милый?
Посмотри, вглядися:
Я, ей-богу, Катерина!»

— «Дура, отвяжися!
Прочь безумную! возьмите!»

— «Боже! отказался!...
Хочешь бросить Катерину...
А не ты ли клялся?...»

— «Да возьмите жь! Что стойте?»

— «Какъ? ты прогоняешь?
Да за что жь, скажи, мой голубь?
На кого оставишь
Катерину, что, бывало,
Въ садъ къ тебѣ ходила,
Что тебѣ малютку-сына
Скорбная родила?
О, мой соколъ ненаглядный!
Ты хоть не гнушайся!
Я твоей батрачкой буду...
Ты жь съ другой спознайся,
Съ цѣлымъ свѣтомъ... Я забуду,
Что счастливы были,
Отъ тебя имѣла сына,
Что меня *покрыли*...

Стыдъ-то, стыдъ-то! И за что мнѣ
Гибнуть безталанной?
Ты покинь меня, но сына
Не кидай, желанный!
Не покинешь?... Не бѣги же
Отъ меня; мой милый!
Принесу тебѣ я сына».

Стремя опустила —
И въ избушку. Воротилась,
Обнимаетъ сына:
Неповитый, неодѣтый,
Плачетъ сиротина.

«Посмотри — вотъ онъ, желанный!
Гдѣ жь ты? — схоронился?
Онъ уѣхалъ... Сына, сына
Бросилъ — отступился!
Боже мой!... Куда я дѣнусь,
Дитятко, съ тобою?...
Люди добрые, возьмите
Бѣднаго съ собою:
Не гнушайтесь имъ, родные —
Онъ вѣдь сиротина!

Ой, возьмите — и отдайте
    Старшему за сына,
А не то — й я покину,
    Какъ отецъ покинулъ:
Чтобъ его не покидала
    Горькая судьбина!
Ой, грѣхомъ на свѣтъ, мой цвѣтикъ,
    Мать тебя родила —
Выростай же на̀ смѣхъ людямъ!»
    (На̀ земь положила).
«Поищи отца по свѣту —
    Я ужь поискала.»
И съ дороги, какъ шальная,
    Въ лѣсъ — и убѣжала.
Плачетъ мальчикъ... Москали́ же —
    Что имъ — миновали...
Что жь, и лучше! Да на горе
    Люди услыхали.

Вотъ ужь ночь, а Катерина
    По̀ лѣсу блуждаетъ,
Проклинаетъ долю злую,
    Стонетъ и рыдаетъ.
Но вотъ вышла на поляну,
    Глянула — спустилась

Внизъ, къ пруду, взглянула въ прорубь
И остановилась.

«Упокой, Господь, мнѣ душу,
Вы жь — примите тѣло,
Воды тёмныя!» — и въ прорубь...
Только зашумѣло
Подо льдомъ.

Нашла бѣдняжка
То, чего искала.
Прошумѣлъ, пронёсся вѣтеръ —
И слѣда не стало.

То не вѣтеръ, то не буйный,
Что дубы ломаетъ;
То не горе, что родная
Рано умираетъ;
Та семья не стала сирой,
Что похоронила
Мать свою: у ней остались
Имя и могила.
Насмѣются злые люди —
Сироту осудятъ:

Выльетъ слёзы на могилу,
Горе позабудетъ.
А тому, тому на свѣтѣ,
Чтò тому осталось,
Кто отца въ глаза не видѣлъ,
Мать же — отказалась?
Что безродному осталось?
Люди злы и строги!
Ни родни, ни тёплой хаты...
Трудъ, пески, дороги...
Брови, личико — на диво...
Чтò въ нихъ? Чтобъ узнали!
Расцвѣтила, не укрыла...
Лучше бъ полиняли!

V.

Шолъ кобзарь въ престольный Кіевъ,
Шолъ — и сѣлъ дорогой.
Съ нимъ вожакъ. Онъ весь обвѣшанъ
Сумками, убогой.
Мальчуганъ прилёгъ — и дремлетъ,
Дремлетъ, засыпаетъ;
А кобзарь-слѣпецъ «Ісуса»
Тихо напѣваетъ.
Подаютъ — кто грошъ, кто хлѣба
Край — ни кто не минетъ:
Всякъ — слѣпому, а молодка —
Та малюткѣ кинетъ.
«И босой-то онъ, и голый!»
Думаетъ молодка:
«Есть краса, да нѣту счастья,
Потому — сиротка!»

Экипажъ, дорогой въ Кіевъ,
Ѣдетъ шестернёю.
Въ экипажѣ ѣдетъ баринъ
Съ молодой женою.
Ѣдетъ — вдругъ остановился:
Взвились клубы пыли.
Подбѣжалъ Ивась: въ окошко
Крошку поманили.
Бросивъ грошъ, она малюткой
Бѣднымъ заняла̀ся.
Баринъ глянулъ — отвернулся:
Онъ узналъ Ивася!
Онъ узналъ собольи брови
И сокольи очи;
Онъ узналъ въ малюткѣ сына,
Да признать — нѣтъ мочи.
— «Какъ зовутъ тебя?» — «Ивасемъ!»
— «Прелесть!» проронила...
Пыль взвилась изъ-подъ дормеза
И малютку скрыла.
Бѣдняки сочли подачку,
Помолились Богу,
Помолились и пустились
Снова въ путь-дорогу.

Н. Гербель.

БАТРАЧКА

ПОВѢСТЬ

БАТРАЧКА.

ПРОЛОГЪ.

Въ воскресенье, раннимъ-раномъ,
Поле крылося туманомъ;
Подъ туманомъ, на могилѣ,
Словно тополь наклонили,
Молодица молодая,
Что-то къ груди прижимая,
Говоритъ: «Туманъ, туманъ,
Горемычный мой таланъ!
Что̀ меня ты здѣсь на полѣ
Не схоронишь, не задавишь,
Въ мать-сыру̀-землю не вдавишь?
Что̀ мнѣ, вмѣстѣ съ злой недолей,
Злого вѣку не убавишь?

Нѣтъ, туманъ мой, не дави,
А зарой меня на полѣ,
Чтобъ никто не зналъ, не вѣдалъ
Горькой, злой моей недоли!
Не одна я: у меня
Есть и батька и родня;
Есть ещё, туманъ дружочекъ,
Некрещёный мой сыночекъ.
Не крестить, на горе злое,
Мнѣ тебя, дитя родное,
А чужимъ... Мнѣ не узнать,
Какъ тебя, дитя, и звать...
Ахъ! и я была когда-то
И счастлúва и богата!
Не кляни меня постылой!
Съ неба сàмаго, мой милый,
Долю выплачу слезами
И пошлю тебѣ съ мольбами!»

И, рыдая, полемъ кралась,
Подъ туманомъ укрывалась,
Да сквозь слёзы про вдовỳ
Тихо напѣвала,
Какъ въ Дунай дѣтей вдова
Хоронила-клала:

«Ой нà полѣ могила!
По ней вдова ходила,
По ней она гуляла
Да зельица искала...

«Только зелья не нашла —
Сыновей двухъ привела,
Ихъ въ китайку повилà
И къ Дунаю отнесла....

«Тихій, тихій Дунай,
Мнѣ сынковъ забавляй!
Ты, мой жолтый песокъ,
Будь для нихъ ты легòкъ!
Накорми, успокой
И собою укрой!»

I.

Жилъ-былъ себѣ старикъ съ старушкой.
Они съ издавна надъ прудомъ
Живутъ на хуторѣ вдвоёмъ,
Не разлучаяся другъ съ дружкой.
Дѣтьми овецъ пасли вдвоёмъ,
Потомъ слюбились — повѣнчались
И своего добра дождались:
Нажили хуторъ надъ прудомъ;
Въ лѣсу садочекъ развели,
Въ садочкѣ пчельникъ обрядили —
Всего, казалося, нажили;
Да Богъ обидѣлъ ихъ дѣтьми,
А смерть съ косою за плечьми.

Кто жъ ихъ старость приголубитъ?
Вмѣсто дѣтокъ станетъ?

Кто заплачетъ, кто облюбитъ?
    Душу кто помянетъ?
Кто добро схоронитъ честно,
    Въ холѣ да въ покоѣ?
Кто сберечь его съумѣетъ,
    Какъ дитя родное?
Тяжко, горько няньчить дѣтокъ
    Въ непокрытой хатѣ,
А ещё тяжелѣ старость
    Въ каменной палатѣ —
Старость, смерть, тоска-злодѣйка,
    Сирость и кручина
И залёжная копейка,
    На̀ смѣхъ чужанина.

II.

Старикъ съ старухой, въ воскресенье,
Сидятъ на при́сыпкѣ вдвоёмъ,
Въ соро̀чкахъ бѣленькихъ — чистенько...
А солнце въ небѣ голубомъ
Прогна̀ло тучки: тихо-тихо
И ясно, словно бы въ раю,
И схоронилось въ сердцѣ горе,
Какъ хищный звѣрь въ потёмномъ борѣ.

Вотъ и рай... О чёмъ, кажися,
Старымъ бы взгрустнулось?
Али къ нимъ былое горе
Въ хату навернулось?
Аль вчерашнее, что только
Придавили, живо?
Аль наклюнулась кручина
Новая на диво?

Не знаю я, какъ и почтò
Взгрустнулось старымъ? Можетъ, тò,
Что собрались они ужь къ Богу—
Да кто жь въ далёкую дорогу
Имъ добрыхъ кòней запряжотъ?

— «А кто насъ, Настя, похоронитъ,
Когда помрёмъ?»

— «Да Богъ вѣсть — кто!

Я вотъ всё про тò смекала —
Даже грусть-тоска напала:
Одиноки постарѣли,
А кому добра хотѣли
И нажили?»

— «Дай пелёнокъ...
Чу! въ воротахъ плачетъ
Ктò-то... словно бы ребёнокъ...
Побѣжимъ-ко!... Значитъ —
Угадалъ я: будетъ что-то!»

Оба съ мѣста разомъ
Къ воротàмъ — и отступили:
Передъ перелàзомъ —

Запелёнанный младенецъ —
И не туго, новой
Свиткой крытъ, за одѣяло:
Видно, матерпно сердце
Крыло-пеленало,
Вмѣсто бѣлыхъ рукъ, младенца,
Можетъ-быть, послѣдней
Свиткой! Старые дивились,
Молча — и молились
О подкидышѣ-ребёнкѣ;
А дитя ручёнки
Къ нимъ тянуло, замолкая...

«Видишь, Настя, видишь:
Зналъ я: доля не такая
Намъ, чтобъ безъ дитяти
Хорониться одинокимъ...
Отыщи пелёнки —
И неси ребёнка въ хату;
Ну, а тѣми я часами
Погоню за кумовьями
Въ Городище.»

Чудно что-то
Въ жизни между нами!

Тутъ иной изъ хаты сына
Гонитъ, проклинаетъ.
А иной, сердечный, свѣчку
Пòтомъ добываетъ
И, рыдàючи, становитъ
Передъ образами,
Чтобъ дѣтей далъ Богъ. Да, чỳдно
Въ жизни между нами!

III.

Вотъ на радостяхъ три пары
Кумовьёвъ набра̀ли,
За вечерней окрестили
И Маркомъ назва̀ли.
Онъ ростётъ; а тутъ не знаютъ —
Какъ и быть съ дитятей:
Гдѣ сажать, гдѣ класть, чѣмъ холить
Маленькаго въ хатѣ?

Минулъ годъ. Ростётъ нашъ Марко;
Дойная корова
Отъѣдается. Вдругъ, какъ-то,
Съ виду черноброва,
Молода и бѣлолица,
Входитъ молодица

Къ старикамъ въ укромный хуторъ
По найму проситься.

— «Али взять её къ намъ, Настя?»

— «Что жь, Трофимъ, пожалуй:
Мы и стары, и недужны,
А ребёнокъ малый...
Хоть дитя и подростаетъ,
Всё-таки, вѣдь, надо,
Присмотрѣть за нимъ порядкомъ.»

— «То-то вотъ, что надо!
Старость точно-что не радость,
Какъ тамъ ни судите...
Что же съ насъ возьмёшь, голубка,
Въ годъ?»

— «А что дадите!»

— «Нѣтъ! ты знаешь, деньги любятъ
Счотъ; кто не считаетъ
Трудовыхъ своихъ копѣекъ.
Тотъ и обнищаетъ.
Такъ послушай-ко, голубка:
Мы тебя не знаемъ,

Да и ты-то насъ не знаешь...
Ну, а скоротаемъ
Вмѣстѣ день, другой и третій,
Молвимъ и про плату.
Такъ-ли, дочка?»

— «Ладно, батька!»

— «Ну, такъ просимъ въ хату!»

Порядились. Молодица
Весела и рада,
Словно съ паномъ повѣнчалась,
Аль дождàлась клада.
Съ ỳтра дò ночи хлопочетъ
На дворѣ и въ хатѣ,
Или около скотины;
А ужь для дитяти —
Будто мать она родная —
Не поспитъ и ночки,
Каждый день головку моетъ,
Бѣлую сорочку
Каждый Божій день надѣнетъ,
Пѣсней забавляетъ
И игрушками, а въ праздникъ
Съ рукъ вотъ не спускаетъ.

Старики мои дивятся —
Богъ имъ далъ подружку…
А безсонная батрачка
Грянется въ подушку,
Проклинаетъ горе-долю
И навзрыдъ рыдаетъ,
И никто того не видитъ,
И никто не знаетъ,
Кромѣ маленькаго Марка,
Да и онъ не знаетъ
Отчего его слезами
Ночью умываетъ
Безталанная батрачка,
Отчего такъ жарко
И цалуетъ и милуетъ?
Да, не знаетъ Марко,
Что когда онъ въ колыбели
Еле шелохнётся
Въ ночь глухую — на постелѣ
Бѣдная проснётся.
Укрываетъ, нѣжно креститъ,
Колыбель колышетъ:
Ей и сонной чутко-слышно,
Какъ ребёнокъ дышетъ.
Но за-то свои ручёнки
Тянетъ къ ней онъ съ-рàну;

Какъ проснётся только — ма̀мой
Величаетъ Ганну...
Такъ ростётъ да выростаетъ
Марко — и не знаетъ...

IV.

Не мало лѣтъ перебѣжало;
Воды не мало утекло...
И въ хуторъ горе завернуло —
И слёзъ не мало принесло.
Старушку Настю схоронили
И еле-еле отходили
Трофима дѣда. Да ушло
Куда-то горе проклятое,
И вновь на хуторъ благодать
Изъ лѣсу тёмнаго вернулась
У дѣда въ хатѣ ночевать.

Вотъ ужь Марко чумакуетъ,
И подъ осень не ночуетъ
Ни подъ хатою, ни въ хатѣ...
Время думать и о сватѣ.

— «За кого жь бы?» дѣдъ смѣкаетъ,
И батрачку призываетъ
На совѣтъ; а та бы рада
Хоть царевну сватать.

— «Надо —
Говоритъ — спросить у Марка,
Кто и гдѣ его товарка?»

— «Ладно, спросимъ — и за дѣло,
Если время подоспѣло.»

Разузнали, допросились.
Марко — къ сватамъ. Воротились
Съ рушниками, съ освящённымъ
Короваемъ обмѣнённымъ —
И просватали же панну,
Хоть гетмàну по жупану:
Просто краля дѣвка, либо
Царь-дѣвица...

— «Ну, спасибо!»
Молвилъ старый: «только знать бы,

Скоро ль намъ дождаться свадьбы,
Гдѣ къ вѣнцу пойдётъ невѣста,
Да и въ материно мѣсто
Звать кого намъ? Эхъ, когда бы
Свѣтикъ-Настя дожила бы!...»

И залился дѣдъ слезами.
А батрачка за дверями,
Въ косяки вцѣпясь руками,
Словно мёртвая стояла:
«Мать! мать! мать!» она шептала.

V.

Въ ту жь недѣлю молодицы
Коровай мѣсили
У Трофима; а старикъ-то
Изо всей изъ силы
Съ молодицами танцуетъ,
Дворъ свой подметаетъ,
Да прохожихъ, да проѣзжихъ
На̀ дворъ закликаетъ,
Угощаетъ варенухой
И на свадьбу проситъ.
Такъ и мечется, хоть ноги
Еле-еле носятъ.
Смѣхъ и гамъ въ избѣ у дѣда;
Дворъ кипитъ народомъ.
Изъ каморки новой бочки
Выкатили съ мёдомъ.

Всюду моется, метётся,
Жарится, варится —
Всё чужими. Гдѣ жь батрачка?
Въ Кіевъ помолиться
Отпросилась Ганна. Старый
Мало ль съ ней калякалъ,
Ублажалъ её, а Марко —
Тотъ такъ даже плакалъ
И въ упросъ-просилъ батрачку
Въ материно мѣсто.
«Нѣту, Марко, не годится,
Не по мнѣ невѣста:
Изъ семьи она богатой,
А вѣдь я-то что же?...
Надъ тобой же посмѣются...
Помогай вамъ Боже!
Я пойду молиться въ Кіевъ,
А потомъ вернуся,
Если примете, къ вамъ въ хату,
Да и потружуся,
Сколько хватитъ силъ.»

Всѣмъ сердцемъ
Поручила Богу
Ганна Марка — зарыдала
И пошла въ дорогу.

Принялись играть и свадьбу.
Музыкѣ работа
И подковамъ. Варенухи
Ро̀злито безъ счёта —
Ею столъ и лавки моютъ.
А бѣдняжка Ганна
Всё идётъ себѣ на Кiевъ
Спѣшно, неустанно...
И дошла, да не на отдыхъ...
У мѣщанки стала;
Нанялась носить ей воду:
Денегъ не достало
Для акаѳиста, а такъ же
Дѣтямъ для подарку...
Вотъ скопила гривенъ восемь —
И купила Марку
Камилавочку въ пещерѣ
Старца Iоанна,
Чтобъ головка не болѣла;
Вы̀мѣняла Ганна
И кольцо святой Варвары
Для невѣстки; Богу,
Преподобнымъ поклонилась
И опять въ дорогу.
Воротилась. Катерина
Съ Маркомъ повстрѣчали

За ворòтами — и въ хату.
И за столъ сажали...
Напоили, накормили,
Чтò про Кіевъ знала —
Распросили. Катерина
Ей постель постлала.

«Да за что жь меня такъ любятъ,
Столько уважаютъ?
Охъ, мой Боже милосердый!
Можетъ вѣдь и знаютъ...
Можетъ вѣдь и догадались...
Нѣтъ!... Я угадала:
Просто, дòбры!»

И батрачка
Горько зарыдала.

VI.

Трижды мёрзло въ чистомъ полѣ,
Трижды отпускало,
Трижды къ Кіеву батрачку
Ка̀тря провожала,
Словно мать свою; въ четвёртый
Провела въ дорогу
Вплоть до поля, до кургана,
И молилась Богу,
Чтобъ скорѣй она вернулась:
Безъ нея, любимой,
Сиротливо, тёмно въ хатѣ,
Точно безъ родимой.

Введенье разломало ужь леденье;
Прошла и первая недѣля. Въ воскресенье
Погрѣться на заваликѣ Трофимъ
Засѣлъ, въ сорочкѣ бѣлой, какъ и всякой

Хорошій христіанинъ. Передъ нимъ
Малютка-внукъ игралъ съ собакой;
А внучка въ юбку Катри облеклась —
И будто бы приходитъ въ гости къ дѣду:
И онъ заводитъ съ ней бесѣду,
И говоритъ онъ съ ней, смѣясь,
Какъ и взаправду съ молодицей:

— «А что же ты не съ паляницей?
Ужь не въ лѣсу-ль кому отнять
Пришла охота? аль забыла?
Аль просто въ печку не садила?
Эхъ, стыдно, право стыдно, мать!»
Анъ, глядь — негаданно, нежданно —
Калитка скрипъ — и входитъ Ганна.
Старикъ пошолъ её встрѣчать;
А та: «Что, Марко всё въ дорогѣ?»

— «Да, въ дорогѣ по сей часъ».

— «Вотъ и я чуть доплелась
Къ вашей хатѣ: стары ноги.
Не хотѣлось одинокой
Гибнуть на чужбинѣ.
Только бъ Марка мнѣ дождаться...
Вся душа въ кручинѣ!»

И гостинцы вынимала,
Развязавъ мѣшочекъ:
Внучкамъ — крестики и бусы
И шерстей моточекъ,
И въ окладѣ изъ червонной
Фольги образочекъ.
А для Карпа — соловейка
И лошадокъ пару,
И четвертое колечко
Отъ святой Варвары
Для своей для Катри; дѣду,
На замѣнъ подарку,
Принесла она три свѣчки;
А себѣ и Марку —
Ничего: не стало денегъ,
А самой хворалось,
Работать была не въ силахъ.
«Вотъ ещё осталось
«Полбаранка!» И внучатамъ
По куску досталось.

VII.

Входитъ въ хату. Катерина
Ей обмыла ноги
И за ужинъ посадила —
Закусить съ дороги;
Да не ѣстъ, не пьётъ бѣдняга.

— «Катря!» молвитъ Ганна:
«Скоро ль будетъ воскресенье?»

— «Послѣзавтра, Ганна.»

— «Отслужить акаѳистъ надо
Вешнему Николѣ
И частицу тоже вынуть:
Никогда, вѣдь, долѣй
Марко нашъ въ дорогѣ нѐ былъ?...
Что̀, коль онъ недуженъ?»

И слезами залилася.
Ну, какой тутъ ужинъ!
Еле-еле встала съ лавки,
Молвитъ:

«Катерина!
Охъ, не тà теперь я стала:
Извела кручина;
Еле-еле носятъ ноги.
Тяжко, Катря, тяжко
Умирать въ чужой, знать, хатѣ!»
И слегла бѣдняжка.

Ужь её и пріобщили,
Переждавши мало,
И соборовали также:
Всё не помогало.
Старый дѣдъ — тотъ по надворью,
Что убитый, бродитъ;
Катерина — та съ болящей
И очей не сводитъ;
Катерина у болящей
Днюетъ и ночуетъ.
А сычи въ ночи́ на крышѣ —
Словно сердце чуетъ —

Не къ добру кричатъ. Больная
Каждый часъ, что льдина,
Таетъ, только всё лепечетъ
Тихо: «Катерина,
Чтò нашъ Марко, не вернулся?
Охъ, когда бъ я знала,
Что дождуся и увижу,
Я бы подождала!»

VIII.

Ѣдетъ Марко съ чумаками,
Пѣсни распѣваетъ,
Не спѣшитъ — воловъ дорόгой
На траву пускаетъ.
И везётъ онъ Катеринѣ
Сукнеца цвѣтного,
Батькѣ — пышно шитый поясъ
Шолку дорогого,
А батрачкѣ на очи́покъ,
Съ золотой парчёю,
Онъ везётъ платочекъ алый
Съ бѣлою коймою;
А ребятамъ — черевички,
Фигъ да винограду;
А всѣмъ вмѣстѣ — не простого
А изъ Цареграду —

Онъ везётъ вина въ бочёнкѣ
Съ три ведра; да съ Дону
Онъ везётъ икры... Не знаётъ,
Подъѣзжая къ дому,
Что творится тамъ. Пріѣхалъ —
Ну, и слава Богу!
Отворяетъ онъ ворòта,
Помолился Богу.
«Аль не слышишь, Катерина?
Встрѣтила пошла бы!
Онъ пришолъ!... Скорѣе въ хату
Марка привела бы!
Слава Богу, что дождалась!
Долго поджидала!»
И, сквозь сонъ какъ-будто, тихо
Отче нашъ читала.

Старый сивыхъ выпрягаетъ,
Упряжь прибираетъ
Вырѣзную. Катерина
Марка озираетъ.

— «Гдѣ же Ганна, Катерина?
Мнѣ по ней взгрустнулось...

Ужь жива ли?»

— «Да жива-то,
Только прихворнулось
Крѣпко ей. Покамѣстъ батька
Сивыхъ выпрягаетъ,
Сходимъ въ хату поскорѣе:
Ганна поджидаетъ.»

Входитъ Марко съ нею въ хату;
Сталъ онъ у порогу:
Испугался. Ганна шепчетъ:
«Слава... слава Богу!
Подойди сюда, не бойся...
Выйди, Катерина:
Распросить его мнѣ надо,
Разсказать кручину».

Катря вышла, а нашъ Марко
Подошолъ поближе
И склонился надъ больною.

«Марко! погляди же,

Погляди ты на старуху:
Видишь — похудѣла?
Я — не Ганна, не батрачка,
Я...» И онѣмѣла.

Марко плакалъ и дивился...
Вновь глаза открылись:
Долго, пристально глядѣла —
Слёзы покатились.

«Ты прости меня! Томилась
Вѣкъ въ чужой я хатѣ
Для тебя, сыночекъ милый,
Для тебя, дитяти!
Я... я мать твоя!» И смолкла.
Вся земля вздрогнула
Подъ подкидышемъ... Онъ къ Ганнѣ —
А ужъ та заснула...

Л. Мей.

ГАЙДАМАКИ

ПОЭМА

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

«Въ 1762 году вступила на престолъ Екатерина Великая. Утомленная длиннымъ рядомъ злодѣяній поляковъ, царица, черезъ Кейзерлинга и Рѣпнина, потребовала немедленнаго прекращенія безумства и кровопролитій. Архіепископъ бѣлорусскій, знаменитый Георгій Кониcскій, загремѣлъ рѣчью передъ королёмъ. Сотникъ Харько заговорилъ иначе: онъ собралъ семьсотъ козаковъ и произвёлъ сильное кровопролитіе за утѣсненіе вѣры. Король объявилъ свободу вѣроисповѣданія; конфедерація барская возстала противъ короля. Харька поймали въ Жаботинѣ и отрубили ему голову въ конюшнѣ.

«Въ Смѣломъ, въ вотчинахъ князя Любомирскаго, священники были иные закованы, иные истиранены, иные умерщвлены, домы ихъ раззорены и разграблены. Подъ Ольшаною Данило Кожевскій былъ обвёрнутъ пенькою, облитъ смолой и зажжонъ; въ Мошнахъ, въ Корсунѣ, священство было замучено; въ Таганчѣ православныхъ били нещадно, давая розгами по шести-сотъ и по восьми-сотъ ударовъ. Женщины, дѣвицы, дѣти были истерзаны. Польки участвовали въ мучительствахъ не менѣе своихъ мужей. Маршалекъ Пулавскій взялъ насильно въ Лисянкѣ, у рейментаря Воронича, полкъ кавалеріи, навербовалъ шляхты и явился въ староство чигиринское склонять народъ къ Уніи вооружонною рукою. Полковникъ чигиринскихъ козаковъ

Квасневскій спѣшилъ унять Пулавскаго. Уніяты вышли изъ староства; но мѣра терпѣнія народнаго преисполнилась.

«Духовенство взволновалось и спѣшило въ чигиринскій монастырь, къ архимандриту Мельхиседеку Значко-Яворскому. Этотъ поборникъ вѣры ужь былъ однажды въ рукахъ уніятовъ: за отклоненіе народа отъ Уніи, его схватили въ Радомыслѣ и посадили въ Дерманѣ въ тюрьму, по повелѣнію уніятскаго митрополита Феликіана Володковича; онъ спасся бѣгствомъ. Епископъ переяславскій Гервасій благословилъ на возстаніе. Въ монастырѣ составили совѣтъ, послали духовное посольство на Запорожье просить помощи. Питомецъ Сѣчи, монастырскій послушникъ, уроженецъ чигиринскій, Максимъ Желѣзнякъ, рѣшился защищать православіе. Собравъ охотниковъ, соединился онъ съ запорожцами, которые гуляли въ мотренинскомъ лѣсу, и расположился въ двухъ верстахъ отъ лѣса, у оврага Холоднаго, надъ ключёмъ, гдѣ шла дорога отъ мѣльницы къ монастырю черезъ лѣсъ. Они нарубили дубовъ и надѣлали рогатокъ. На другой день Желѣзнякъ явился къ Мельхиседеку, получилъ отъ него благословеніе, помолился объ успѣшномъ окончаніи добраго дѣла и возвратился въ таборъ, гдѣ нашолъ разные запасы и коней. Посовѣтовавшись, рѣшились поладить съ козаками, составлявшими надворное войско князя Яблоновскаго. Они надѣялись, что Квасневскій возьмётъ ихъ сторону, и были увѣрены въ согласіи съ ними прочихъ козацкихъ старшинъ. Разослали гонцовъ ко всѣмъ окрестнымъ чинамъ и сотникамъ. Желѣзнякъ съ нѣсколькими запорожцами поѣхалъ въ Медвѣдовку къ Квасневскому. Хозяина не было дома; полковница испугалась. Желѣзнякъ её успокоилъ и объявилъ въ чёмъ дѣло. Квасневскій, боясь и Желѣзняка и своего правительства, бѣжалъ. Желѣзнякъ занялъ мѣсто чигиринскаго полковника. Здѣсь присоединился къ нему уроженецъ медвѣдовскій, Иванъ Усачъ. Козаки сходились; несли отовсюду запасы, оружіе, порохъ, вели лошадей. Изъ лѣсовъ мошнинскихъ, каневскихъ, трахтимировскихъ, чигиринскихъ являлись толпы гайдамаковъ. Мельхиседекъ далъ Желѣзняку универсалъ, золотыми буквами

написанный, и прозванный *золотою грамотою.* Громада провозгласила Железняка полковникомъ. Вся ватага пришла въ монастырь въ троицынъ день, въ храмовой праздникъ. Отслуживъ молебенъ, толпа пошла по жаботинской дорогѣ — и расправа началась.

«Жиды и поляки смутились. Железнякъ пришолъ въ Жаботинъ, согналъ тѣхъ и другихъ на площадь, а управителя отдалъ въ руки тамошнему сотнику Мартыну Бѣлугѣ. Этотъ водилъ его и спрашивалъ: «а що, пане губернаторе, не одного теперь ляха голова заляже?» Жителей вырѣзали. То была первая поминка по Харьку. Она повторялась вездѣ по дорогѣ, по которой шолъ Железнякъ. Народъ встрѣчалъ его съ восторгомъ и съ подобострастіемъ слушалъ золотую грамоту. Сподвижники прибавлялись ежедневно. Съ лѣваго берега Днѣпра козаки толпами спѣшили къ Железняку. Иванъ Усачъ пришолъ въ Смѣлу и разорилъ зàмокъ. Затѣмъ всѣмъ крещонымъ, то-есть не полякамъ и не жидамъ, велѣлъ выбраться изъ города — и зажогъ его со всѣхъ концовъ. Гайдамаки, ставъ кругомъ, бросали бѣгущихъ обратно въ пламень. «Три ночи зарево отражалось на синихъ лѣсахъ; три дня солнце восходило и заходило въ-видѣ кроваваго круга, безъ лучей; трое сутокъ дымъ и чадъ клубились до Днѣпра и до Тясьминя.» Къ Усачу присталъ смѣлянскій сотникъ Шило; они пошли въ Богуславъ; тамъ всѣ шанцы завалили жидами и направили путь на Звѣнигородку.

«На кровавый слѣдъ Железняка сбирались толпы народа, ходили по окрестнымъ сёламъ и хуторамъ, опустошали, грабили, рѣзали пановъ и поссессоровъ; болѣе другихъ отличился одинъ Неживый, горшечникъ села Мельниковъ, мѣста, гдѣ родился Железнякъ.

«Король не могъ защитить жидовъ и шляхты: его занимала барская конфедерація. Было одно спасеніе для пановъ: скрываться отъ Железняка въ укрѣплённыхъ городахъ. Они сбѣжались въ Лисянку, въ Бѣлу-Церковь, а наиболѣе въ пространный и богатый Умань. Это Железняка радовало: онъ надѣялся

въ три взмаха истребить всё племя гонителей. Умань былъ силёнъ, могъ дать отпоръ; но силу его составляли козаки. Желѣзнякъ надѣялся, что паны погибнутъ отъ собственнаго оружія. Уманскій козакъ Дзюма перебѣжалъ къ Желѣзняку и объявилъ, что «изъ Уманя не втече навить и духъ ляцкій». Желѣзнякъ готовился туда идти, а на Лисянку и на Бѣлу-Церковь отправилъ два отряда, съ повелѣніемъ рѣзать поляковъ и жидовъ, но беречь православныхъ.

«Лисянка принадлежала Яблоновскому; въ ней и нынѣ находится каменный четвероугольный замокъ на крутомъ возвышеніи надъ Гнилымъ Тикачемъ. Въ то время по угламъ замка были башни, вооружонныя гаковницами или висячими пушками; онъ былъ обведёнъ высокимъ палисадомъ; въ нёмъ гарнизонъ былъ значителенъ и военнаго припасу много. Въ ту пору главноуправляющій князя, Кучевскій, пріѣхалъ осмотрѣть волость лисянскую, въ которой было въ то время до тридцати тысячъ душъ. Шляхта и жиды бросились къ нему подъ защиту. Золотая грамота заставила гарнизонъ отпереть ворота. Шляхту и жидовъ перерѣзали; на Кучевскомъ ѣздили верхомъ и потомъ подняли его на копья; разграбили княжескую казну, и цѣлую ночь пили въ подвалахъ мёдъ и вино. Наконецъ повѣсили на костёлѣ жида, ксендза и собаку — рядомъ.

«Бѣлая-Церковь спаслась. Ея замокъ былъ сильно укрѣплёнъ. Стоя надъ Росью и будучи выше прочихъ домовъ, онъ встрѣтилъ отрядъ сильною пальбою; ядра, ещё за городомъ, повалили нѣсколько козаковъ. Сберегая себя для Уманя, они отступили.

«Средоточіе украинскихъ владѣній графа Потоцкаго, уманская волость, простиралась на сто пятьдесятъ вёрстъ; городъ былъ одинъ изъ лучшихъ городовъ западной Украйны. Греки, армяне и жиды вели въ нёмъ богатую торговлю; шестьдесятъ поссессоровъ имѣли волость на откупу и жили почти всегда въ городѣ. Базиліяне основали, на графскій счётъ, училище, гдѣ было до четырёхъ-сотъ учениковъ. Коммиссаръ, то-есть начальникъ города, жилъ въ экономическомъ домѣ, съ башнями, съ

частоколомъ, съ бастіонами; вокругъ города былъ высокій дубовый палисадъ; двѣ башни съ пушками стояли по бокамъ воротъ; ихъ охраняла графская пѣхота. Подъ Уманемъ была особая слобода уманскихъ козаковъ. Увольненные отъ податей, имѣя значительныя угодья, получая отъ графа одежду и оружіе, они любили своего пана; ихъ было двѣ тысячи шесть-сотъ; триста изъ нихъ ходили поочередно въ Кристинополь, гдѣ жилъ тогда графъ; цѣлый полкъ собирался, кромѣ военнаго времени, одинъ разъ въ годъ, на троицынъ день, для смотра. Жолтый жупанъ, голубые шаравары и кунтушъ, жолтая шапка съ чорнымъ смушковымъ околышемъ—таковъ былъ ихъ мундиръ. Вооружась по-козацки, они выѣзжали на коняхъ къ Грекову лѣсу и становились по сотнямъ. При церковномъ молебствіи, при звонѣ колоколовъ, при звукѣ трубъ и литавровъ, выносили изъ города знамёна, бунчуки и прапоры. Окончивъ смотръ, графскій коммиссаръ давалъ имъ пиръ. Подъ ихъ-то защиту собрались жиды и шляхта. Ихъ натолпилось столько, что не могли помѣститься въ городѣ, въ слѣдствіе чего стали таборомъ у Грекова и отдали свои пожитки коммиссару Младановичу и ректору базиліянъ Ираклію Костецкому подъ сохраненіе.

«Младановичъ собралъ полкъ, и, ублажая козаковъ новыми графскими милостями, приказалъ идти къ Желѣзняку на встрѣчу. Въ церкви Св. Николая козаки присягнули, и пошли по звенигородской дорогѣ. Ихъ полковникъ, шляхтичъ Обухъ, въ полку ничего не значилъ; главнымъ лицомъ былъ изъ крестьянскихъ дѣтей храбрый, умный, красивый и краснорѣчивый сотникъ Иванъ Гонта, уроженецъ деревни Росошки, которую потомъ графъ далъ ему во владѣніе, вмѣстѣ съ другою деревнею Орадовкою. Графъ любилъ Гонту, и Гонта былъ ему преданъ. Перейдя за предѣлы Уманьщины, Гонта сталъ таборомъ въ степи, и рѣшился ожидать здѣсь Желѣзняка. Къ концу третьей недѣли пріѣхали смѣлянцы уговаривать его стать *одностайне* за вѣру и Украйну; онъ отвѣчалъ, что не подниметъ рукъ на своего пана-батька.

«Вдругъ въ Уманѣ заговорили, что Гонта соединился съ Желѣзнякомъ. Кто обнародовалъ клевету — неизвѣстно; но самоуправство шляхты въ магнатскихъ владѣніяхъ было въ меньшемъ размѣрѣ то-же, что самоуправство магнатовъ въ королевствѣ. Поссессоры упросили Младановича вызвать Гонту и отрубить ему голову, съ помощію магдебургіи. Младановичъ послалъ гонца съ требованіемъ, чтобъ сотники явились для совѣщаній; всѣ три сотника и атаманы прискакали въ Умань. Тогда коммиссаръ, сопровождаемый ксендзами и панами, вышелъ на площадь и всенародно сказалъ: «Пане Гонта! доносятъ мнѣ, что ты ведёшь переговоры съ Желѣзнякомъ, но я не хочу этому вѣрить» и проч. Гонта до слёзъ былъ огорчёнъ, тѣмъ болѣе что, громогласно произнесённыя, эти слова опозоривали его честь. Ксендзы привели его къ новой присягѣ, послѣ чего онъ выѣхалъ изъ Умани. На дорогѣ онъ узналъ, что паны покушались на его жизнь, что есть письмо къ нему отъ графа, и что оно утаено Младановичемъ. Онъ разсвирѣпѣлъ и рѣшился, во чтобы то ни стало, отомстить. Пріѣзжаетъ въ таборъ — ему подаютъ письмо отъ Желѣзняка, который, указывая на готовность пановъ къ предательству, умоляетъ его стать за вѣру и родину и сулитъ уманское княжество. Узнавъ, что паны хотѣли казнить сотника, козаки рѣшили, что весь полкъ оскорблёнъ и объявили Гонтѣ, что не пойдутъ съ нимъ никуда, кромѣ на Умань. Гонта сказалъ, что исполнитъ волю товарищей, послѣ чего принялъ чинъ уманскаго полковника, далъ Обуху средство бѣжать за границу и отправилъ къ Желѣзняку обѣщаніе быть съ нимъ за-одно и ждать его подъ Уманемъ.

«Паны были въ тревогѣ. Извѣстій въ Умань изъ полка не было. Одни совѣтовали отправить въ Таращу жонъ и дѣтей; другіе противорѣчили. Страхъ овладѣлъ умами. Землемѣръ Шафранскій, нѣкогда служившій подъ знаменами Фридриха Великаго, взялся укрѣпить городъ и таборъ. Въ таборѣ было до шести тысячъ душъ; это число съ каждымъ днемъ увеличивалось; гарнизонъ былъ не великъ: всего шестьдесятъ человѣкъ. Для защиты стѣны нарядили жидовъ. Шафранскій взлѣзъ на

башню и наблюдалъ окрестности. Черезъ три дни появился уманскій полкъ; рѣшили, что Желѣзнякъ разбитъ, и что Гонта возвращается. Но Гонта подошолъ къ Грекову и сталъ готовиться къ битвѣ. Надежда ещё разъ обманула пановъ: они думали что Гонта готовится къ битвѣ съ Желѣзнякомъ. Вскорѣ пыль поднялась на пространствѣ необозримомъ по звѣнигородской дорогѣ; открылась страшная, пёстрая громада народа коннаго и пѣшаго. Передовой конецъ поравнялся съ Грековымъ и остановился. Изъ толпы выѣхалъ всадникъ; изъ полка выѣхалъ Гонта. Они съѣхались и подали другъ другу руки.

«Костецкій зазвонилъ во всѣ колокола и пошолъ крестнымъ ходомъ по городу. Въ костёлахъ и въ синагогахъ молились; Шафранскій строилъ въ боевой порядокъ гарнизонъ. Жиды становились по городскимъ стѣнамъ. Вдругъ пятьдесятъ арестантовъ вырвались изъ тюрьмы, перескочили черезъ частоколъ и ушли къ Гонтѣ, а съ ними и козаки, служившіе при экономіи.

«Толпа Желѣзняка и полкъ Гонты двинулись къ табору, положили его на мѣстѣ и облегли городъ. Козаки приступили къ воротамъ. Гайдамаки рубили и подкапывали палисадъ. Ихъ отражали картечью. Жиды стрѣляли безпрестанно; козаки отстрѣливались. Костецкій нѣсколько разъ обошолъ городъ съ процессіей. Осада длилась. Въ Уманѣ не стало воды. Осаждённые пили мёдъ, вино и наливку. Послѣ тридцати-часовой пальбы не стало и пороху. Желѣзнякъ и Гонта вступили въ городъ. По домамъ и по улицамъ полилась кровь. Гонтѣ подали письмо Потоцкаго. Онъ прочиталъ, подъѣхалъ къ костёлу и сказалъ: «берите коммиссара и всю его родню». — «Ратуй насъ, пане Яремо!» закричалъ Младановичъ одному сотнику. — «Нехай васъ Богъ ратуе, а я васъ теперь не обороню», жалобно отвѣчалъ Ярема. — «Измѣнникъ, предатель! ты виною этой крови! зачѣмъ ты мнѣ не отдалъ этого письма? Что тебѣ отъ этого прибыло?» сказалъ Гонта Младановичу и разрубилъ ему саблею голову. Шафранскаго убили въ башнѣ; Костецкаго вытащили изъ базиліянской церкви и подняли на копья, а его уче-

никами завалили колодезь, надъ которымъ послѣ поставлена была ратуша. Въ жидовской школѣ вырѣзали три тысячи жидовъ. Всѣхъ жидовъ и шляхты было истреблено въ одинъ день до восьмнадцати тысячъ. Этотъ день извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ: *уманской рѣзни* (rzez Humanska). Только тотъ и уцѣлѣлъ, кто рѣшился принять грекороссійскую вѣру. Крестилъ старый священникъ церкви Св. Михаила; воспріемниками были козаки. Гонта былъ крестнымъ отцомъ дѣтей Младановича. Множество жидовокъ и шляхтянокъ вышли замужъ за козаковъ.

«Желѣзнякъ сталъ обозомъ подъ Уманемъ, и здѣсь назначилъ свою главную квартиру. Съ утра до ночи раздавались клики пированія, козацкія пѣсни, громъ пушекъ, ружейная пальба. Желѣзнякъ объявленъ гетманомъ украинскимъ, княземъ смѣлянскимъ, батькомъ козацкимъ; Гонта—полковникомъ и княземъ уманскимъ; сотникъ Пантелеимонъ Власенко правителемъ и казначеемъ Уманщины. Но Гонта грустилъ: «Наварылы мы доброи варенои, паны-братья, да якъ-то вона выпьется!» Желѣзнякъ разсылалъ отряды, къ которымъ на каждомъ шагу прибывалъ народъ. Граново, Монастырище, Теплинъ, Дашево, Тульчинъ, Гайсинъ, Басовка, Жидячинъ, Ладыжинъ были разграблены, а фольварки, корчмы, панскіе домы выжжены. Жиды гибли болѣе другихъ. Козаки умѣли ихъ вездѣ отыскать. Однажды, идучи лѣсомъ, отрядъ гайдамацкій увидѣлъ монаховъ, сидящихъ подъ деревомъ. Гайдамаки поклонились и спросили: «куда Богъ несётъ?»—«Изъ Поцаева до Кіева», отвѣчали чернецы.—«Что жь вы тутъ дѣлаете?»—«*Сидаемъ*, да за Хмѣльныцького Бога *прохаемъ*».—«Отъ яки жь вы добры ченьци!» сказали гайдамаки: «идить же Бога прохать за пана Желѣзняка; а мы вамъ и дорогу покажемъ на той свитъ». И всѣхъ на одномъ деревѣ перевѣшали.

«Даже за границею не всегда жиды и шляхта находили спасеніе. Сотникъ Шило пришолъ въ Балту и увидѣлъ, что нѣкоторые прятались въ турецкой части города. Онъ потребовалъ ихъ выдачи, турки отказали. Тогда онъ пошолъ силою, вырѣзалъ бѣглецовъ, а вмѣстѣ съ ними и частицу турокъ.

«Дѣтей однако жь козаки миловали: во время взятія Смѣлой, одинъ куренной спасъ дочь управителя Вильнера. Послѣ поляки хотѣли его казнить. Дѣти Младановича, Вероника и Павелъ, были также спасены старикомъ осадничимъ села Оситной.

«Въ это время, какъ я сказалъ уже, усмиряли барскую конфедерацію; отрядить значительнаго войска противъ Желѣзняка было невозможно; отправили съ весьма небольшимъ отрядомъ рейментаря Іосифа Стемпковскаго и субалтерна его Якова Комаровскаго. Императрица прислала къ нимъ на помощь полковника Кречетникова съ большимъ полкомъ конницы и съ тысячью донцовъ.

«Кречетниковъ пошолъ на Умань — и засталъ, что козаки въ таборѣ разбираютъ серебряную и мѣдную монету и сыплютъ по сортамъ въ пустыя горѣлочныя бочки; груды денегъ и всякаго добра валялись вокругъ. Ясно было, что одному полку съ ними не совладать. Онъ объявилъ, что идётъ въ Бердичевъ противъ конфедератовъ и сталъ ждать донцовъ. Черезъ двѣнадцать дней ночью схватили Гонту съ двумя тысячами товарищей; остальная часть табора разбѣжалась. Стемпковскій хотѣлъ-было немедленно казнить Гонту; но у него было только четыреста человѣкъ въ отрядѣ: опасно было оставаться лишній день, а потому онъ пошолъ къ Могилёву на Днѣстрѣ, а Кречетниковъ къ Бердичеву.

«Казни начались. Стемпковскій остановился недалеко отъ Могилёва, въ селѣ Сербовѣ. Перваго казнили Гонту. Палачъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней сдиралъ полосами съ него кожу до пояса, отрубалъ то руку, то ногу, наконецъ облупилъ ему голову, натёръ кожу солью и снова натянулъ на черепъ. Его товарищей развозили по городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ, до самаго Львова, гдѣ вѣшали, рубили головы, отрубали на-крестъ руку и ногу, залѣчивали и пускали на страхъ народу. Инымъ увязывали руки вверхъ, обматывали соломою въ смолѣ, зажигали и водили по улицамъ. Въ Лисянкѣ Стемпковскій безъ розыска повѣсилъ шесть-сотъ человѣкъ, на память

чего у лисянскихъ дѣвицъ вошло въ обычай вплетать въ косы чорную ленту между разноцвѣтными. Такія казни и мучительства у поляковъ не были новы. Украинцы упрямо и равнодушно смотрѣли на нихъ и надѣялись заплатить сторицею...

«Полковникъ Чорба поймалъ Неживаго возлѣ Галагановки, близъ Чигирина. Бондаренкова ватага была переловлена сотникомъ Проскуринскимъ въ Макаровѣ. Изъ иныхъ деревень брали десятаго; виновныхъ и подозрѣваемыхъ привозили въ Житомиръ, въ судную коммиссію... Осуждённыхъ прежде мучили земляною работою, потомъ привозили въ мѣстечко Кодню, клали ихъ на колоду надъ глубокою ямою и рубили имъ головы. Когда же яма наполнилась, остальные осуждённые засыпали её и рыли новую для себя. На трёхъ висѣлицахъ было повѣшено около двухъ-сотъ козаковъ. На западномъ углу Кодни, въ пятидесяти шагахъ отъ крѣпостного вала, засыпано сто четырнадцать обезглавленныхъ. Смерть Желѣзняка не извѣстна... *)

«Но частная рѣзня не скоро унялась. Запорожцы каждое лѣто отправлялись въ чигиринскіе лѣса, въ Уманщину, истребляли людей и скотъ... Эти времена назывались *колiившиною* и *палiившиною*, судя по роду казней.»

(«Исторія Малороссіи» Н. Маркевича, томъ II, стр. 659—672.)

---

*) «Желѣзнякъ, со всѣми заднѣпровскими товарищами и всею захваченною добычей, былъ отосланъ въ Московскую землю, гдѣ онъ былъ сначала высѣченъ кнутомъ у позорнаго столба, а потомъ отведёнъ въ Сибирь.» («Основа» 1862, № III, отд II, стр. 23).

ПРОЛОГЪ.

Было время — въ Польшѣ шляхта
Гордо выступала:
Билась съ нѣмцами, съ султаномъ,
Съ Крымомъ воевала,
Съ москалями... Было — сплыло!
Такъ-то всё минуетъ!
Ляхъ, бывало, знай, кичится,
День и ночь пируетъ,
Королями помыкаетъ:..
Не скажу — Стефаномъ —
Съ этимъ трудно было сладить —
Иль Собѣскимъ Яномъ.
А другими. Горемыки
Дѣлать что не знали;
Сеймы спорили; сосѣди
Видѣли — молчали...

«Niepozvalam! niepozvalam!»
Шляхта восклицаетъ,
А магнаты жгутъ деревни...
Сабля всё рѣшаетъ!
Долго такъ дѣла велися;
Но вотъ надъ Варшавой
И надъ Польшей сталъ владыкой
Понятовскій бравый.

Владыкой сталъ и думалъ шляхту
Прибрать къ рукамъ — и не съумѣлъ!
Добра хотѣлъ онъ всѣмъ... быть-можетъ,
Ещё чего-нибудь хотѣлъ...
Одно лишь слово «niepozvalam»
Хотѣлъ у шляхты отобрать —
И вмигъ вся Польша запылала,
Взбѣсилась шляхта, ну кричать:
«Слово гонòру, дарма праца!
Наёмникъ подлый москаля!»
На зовъ Пулавскаго и Паца
Встаётъ шляхетская земля —
И разомъ сто конфедерацій...

Разбрелись конфедераты
По Литвѣ, Волыни,

По Молдавіи, по Польшѣ,
    По своей краинѣ;
Разбрелися, позабыли
    Защищать свободу —
И пошло по всей Украйнѣ
    Всё въ огонь, да въ воду...
Церкви жгли, народъ терзали,
    Рѣзали, топили —
Кровь лилась... но гайдамаки
    Ужь ножи святили.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

ГАЛАЙДА.

«Ярема! эй!... Нѣтъ проку въ хамѣ!...
Напой коровъ и лошадей!
Сходи на верхъ за башмаками,
Да принеси воды скорѣй!
Чего не выметена хата?
Дай корму курамъ и гусямъ!
Сходи на погребъ!... Что телята?...
Да поворачивайся, хамъ!
Нѣтъ, погоди! бѣги въ Вильшану:
Хозяйкѣ надо...» — и съ тоской
Бредётъ Ярема бѣдный мой.
Такъ рано утромъ жидъ поганый
Бѣднягой сирымъ помыкалъ.
Ярема гнулся: онъ не зналъ —
Не зналъ, сиротина, что выросли крылья,
Что неба коснётся, когда полетитъ,
Не зналъ, нагибался... Напрасны усилья!
Жить тяжко на свѣтѣ, а хочется жить.

И хочется видѣть, какъ солнце сіяетъ,
И хочется слышать, какъ море играетъ,
Какъ пташка щебечетъ, какъ роща шумитъ
И какъ чернобровая въ ней распѣваетъ...
О, Боже мой, Боже, какъ весело жить!

Горько жить Яремѣ. Жизнь его убога:
Ни сестры, ни брата нѣтъ у бѣдняка.
Сирота, онъ выросъ гдѣ-то у порога,
Но людей и доли не клянётъ пока.
И за что ихъ клясть-то? Вѣдь они не знаютъ,
Нужно ли ласкать имъ, нужно ли карать.
Пусть себѣ пируютъ! Ихъ судьба ласкаетъ,
Сироту же въ свѣтѣ некому ласкать.
Поглядишь — и плакать потихоньку станешь,
И не отъ того, что сердце заболитъ:
Что-нибудь увидишь, что-нибудь вспомянешь—
И опять за дѣло. Вотъ какъ надо жить!
Что тутъ мать, родимый, пышныя палаты,
Если негдѣ сердца бѣднаго согрѣть?
Сирота-Ярема — сирота богатый:
Есть съ кѣмъ и поплакать, есть съ кѣмъ и попѣть:
Есть и кари очи, что звѣздой сіяютъ,
Есть и бѣлы руки — млѣютъ, обнимаютъ,
Есть и сердце-чудо, что готово съ нимъ
Плакать и смѣяться, называть своимъ.

Да, такимъ былъ мой Ярема,
Сирота богатый!
Ой, и я, мои родные,
Былъ такимъ когда-то!
Миновало, улетѣло —
Слѣду не осталось...
Сердце ноетъ, какъ припомню...
Что съ тобою сталось?...

Что съ тобою сталось? что не подождало?
Легче бъ было слёзы, горе выливать.
Отобрали люди: знать, имъ было мало...
«Что ему въ той долѣ? — лучше закопать!
Безъ того богатъ онъ.» Развѣ на заплаты,
Да на слёзы... Чтобъ ихъ вѣкъ не отирать!
Доля, злая доля! гдѣ тебя искать?
Воротись подъ кровлю нашей бѣдной хаты,
Аль приснися только... да нельзя и спать!

Вы меня простите, братцы!
Можетъ и не складно,
Да дружиться съ лютымъ горемъ
Больно не повадно.
Можетъ, встрѣтимся ещё мы;
Я же поплетуся

За Яремою по свѣту:
Можетъ и столкнуся.
Горе, люди, всюду горе!
Трудно съ нимъ ужиться!
Если доля васъ покинетъ,
Надо преклониться,
Улыбаясь и безъ жалобъ,
Чтобъ не распознали,
Что таится въ вашемъ сердцѣ,
Чтобъ не приласкали.
Пусть ихъ ласки тѣхъ голубятъ,
Съ кѣмъ знакома доля;
Бѣднякамъ же пусть не снятся:
Что имъ за неволя!
Разсказать душа не въ силахъ,
А молчать не смѣетъ.
Выливайся жь, слово-слёзы:
Солнышко не грѣетъ,
Не просушитъ. Подѣлюсь я
Горькими слезами,
Но не съ братомъ, не съ сестрою —
Съ тёмными стѣнами
На чужбинѣ... А покамѣстъ
Надо воротиться
Намъ въ корчму и поразвѣдать,
Что-то тамъ творится.

У постели жидъ сгребаетъ
Кучи золотыя,
А въ постелѣ... Охъ, какъ душно!
Руки молодыя
Опустились... Словно утромъ
Розовая почка,
Разрумянилась, раскрылась...
На груди сорочка
Разстегнулась... Видно, душно —
Видно, ей не спится
Одинокой: не съ кѣмъ бѣдной
Словомъ подѣлиться,
Только шепчетъ. Какъ денница,
Хороша еврейка!
То — отецъ, а это дочка...
Вражая семейка!
На полу старуха Хайка
Спитъ — бѣды не знаетъ.
Гдѣ жь Ярема? Онъ къ Вильшанѣ
Шагъ свой направляетъ.

———

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

КОНФЕДЕРАТЫ.

Конфедератъ.

Эй, жидъ проклятый, отворяй-ка.
Иль сломимъ двери! Выходи,
Да поскорѣй, не то нагайка
Тебя научитъ...

Жидъ.

Погоди,
Сейчасъ открою.

Конфедератъ.

Нагаями
Свиное ухо!... Разсуждать
Ты съ нами вздумалъ...

Жидъ.

Я? съ панами?
Избави Боже! Дайте встать,
Ясневельможные...

Конфедератъ.

Ломай-ка!

Упали двери, сбитъ пробой —
И надъ жидовскою спиной
Гуляетъ панская нагайка.

Конфедератъ.

Здравствуй, жидъ, свиное ухо!
Чортъ хранитъ скотину...

Да нагайкой, да нагайкой.
Изогнувши спину,
Жидъ бормочетъ: «не шутите!»

Конфедератъ.

Здравствуй, окаянный!
Вотъ ещё, ещё разъ... Полно!
Извини, поганый!
Здравствуй! Ну, а гдѣ же дочка?

Жидъ.

Охъ! похоронили...

Конфедератъ.

Врёшь, іуда! Эй, нагаекъ!...
И еврея били.

«Умерли! ей-богу, правда!»
Лейба увѣряетъ.

Конфедератъ.

Врёшь, бездѣльникъ!

Жидъ.

Если вру я —
Богъ пусть покараетъ!

Конфедератъ.

Мы — не Богъ! Ну, признавайся!

Жидъ.

Для чего скрывалъ бы,
Будь жива она?... Солги я —
Богъ насъ покаралъ бы.

Конфедератъ.

Ха, ха, ха! Перекрестися!

Жидъ.

Панъ ясневельможный,
Не умѣю.

Конфедератъ.

Мы научимъ.

И полякъ безбожный

Съ смѣхомъ крестится три раза,
А за нимъ іуда.

Конфедератъ.

Браво! браво! окрестили!
За такое чудо
Выпить слѣдуетъ, панове!
Слышишь, окрещённый:
Старой водки!

Жидъ.

Мигомъ, пане!

Говоръ оживлённый
Въ гулъ сливается — и кружка
По рукамъ гуляетъ.
«Iesze Polska ne sginela!»
Кто-то начинаетъ.
«Водки, жидъ!» — И окрещённый
Изъ подвала въ хату
Знай-шмыгаетъ, наливаетъ;
А конфедераты
Знай-кричатъ: «живѣе мёду!»
Жидъ ужь чуть плетётся.
«Гдѣ цимбалы? Начинай ка!»
Потолокъ трясётся:
Краковяка и мазурку
Отдираютъ лихо...

«Вишь, шляхетская натура!»
Лейба шепчетъ тихо.

Конфедератъ.

Ну, довольно! Спой намъ пѣсню.

Жидъ.

Не могу, ей-богу!

Конфедератъ.

Не божись, собачья шкура!

Жидъ.

Что жь вамъ спѣть? «Небогу»?

Ой, жила когда-то Ганзя
Въ полѣ, у дороги!
Всё молилась, всё божилась,
Что распухли ноги...
На работу не ходила,
А за молодцами
Тихомолкомъ пробиралась
Между бурьянами...

Конфедератъ.

Будетъ! Знаемъ эту пѣсню:
Русскіе пѣвали...

Жидъ.

Такъ какую жь? развѣ эту?...
Вѣрно не слыхали.

Жидъ предъ паномъ Ѳёдоромъ
Выступаетъ ходоромъ,
И задкомъ,
И передкомъ
Передъ паномъ Ѳедоркòмъ!

Конфедератъ.

Ладно! будетъ! Ну, плати же!

Жидъ.

Шутите... за что же?

Конфедератъ.

Развѣ слушали мы даромъ?
Полно строить рожи —
Не до шутокъ. Ну, давай же!

Жидъ.

Мой удѣлъ сиротскій:
Я богатъ одною лаской —
Ласкою господской.

Конфедератъ.

Врёшь, собака! признавайся!
Эй, нагаекъ! Слово
Тутъ не къ мѣсту.

Засвистали —
Крестятъ Лейбу снова.
Колотили, колотили —
Только пыль летѣла.

Жидъ.

Вѣрьте Богу — ни копѣйки!...
Рѣжьте — ѣшьте тѣло...
Ни копѣйки... Гвалтъ! ратуйте!

Конфедератъ.

Мы тебя распишемъ!

Жидъ.

Ой! постойте! всё скажу я...

Конфедератъ.

Говори — услышимъ...
Да не ври — не то придётся
Заплатить дороже.

Жидъ.

Ой! въ Вильшанѣ...

Конфедератъ.

Спряталъ деньги?

Жидъ.

О, избави Боже!
Нѣтъ, а вотъ что: въ той Вильшанѣ
Наши супостаты
Собрались семейства пò три
Возлѣ каждой хаты.

Конфедератъ.

Знаемъ, знаемъ: вѣдь мы сами
Такъ ихъ обобрали.

Жидъ.

Не объ этомъ — извините,
Чтобъ бѣды не знали,
Чтобъ вамъ деньги только снились!
Вотъ что: подъ Вильшаной
Проживаетъ старый ктиторъ
Съ дочкою Оксаной.
Что за дѣвушка! Пригожа,
Статна — точно полька...
А червонцевъ!... хоть чужіе —
Ну, да были бъ только...

Конфедератъ.

Были бъ только!... Ну, въ дорогу!
Жидъ всю правду скажетъ;
А чтобъ намъ съ пути не сбиться —
Пусть его укажетъ.
Одѣвайся!

И поляки
Понеслись въ Вильшану.
Лишь одинъ въ корчмѣ остался
Ихъ товарищъ пьяный:
Встать не въ силахъ — хоть ты тресни —
А сидитъ — горланитъ пѣсни.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

КТИТОРЪ.

«Вѣтеръ по рощѣ
Ждётъ — не гуляетъ;
Мѣсяцъ высоко;
Звѣзды сіяютъ.
Выйди, голубка,
Хоть на часочекъ:
Дай, поворкуемъ,
Мой голубочекъ.
Нынче далёко
Я уѣзжаю.
Скоро ль съ тобою
Свижусь — не знаю.
Выглянь же, выйди
Сизая пташка!
Горько на сердцѣ,
Горько и тяжко.»

Такъ Ярема распѣваетъ
И по рощѣ бродитъ,
Поджидаетъ; но Оксана
Что-то не выходитъ.

Звѣзды блещутъ; среди неба
Мѣсяцъ серебрится;
Очарованная пѣсней,
Ива въ прудъ глядится.
Соловей въ кустѣ калины
Громко распѣваетъ,
Словно знаетъ, что дѣвицу
Парень поджидаетъ.
А Ярема еле бродитъ
Въ рощѣ надъ водою.

«Для чего такія очи
Мнѣ даны судьбою,

«Если нѣту счастья, молодецкой воли?
Молодые годы даромъ пропадутъ.
Одинокъ я въ свѣтѣ, безъ родни и доли —
Стебелёкъ-былинка на чужомъ на полѣ;
Стебелёкъ-былинку вѣтры разнесутъ:
Тоже и со мною будетъ неумѣлымъ...
Чѣмъ я провинился? тѣмъ, что сирота.
Лишь одно сердечко зналъ я въ свѣтѣ цѣломъ,
Душу дорогую... вижу, что и та
Отреклась, забыла.»

И, поплакавъ вволю,
Онъ отёръ тихонько слёзы рукавомъ.

«Ну, прощай, Оксана! Иль найду я долю
На пути далёкомъ, или за Днѣпромъ
Я усну на-вѣки... Ты и не заплачешь,
Не увидишь даже, какъ орлы клевать
Будутъ эти очи — очи тѣ козачьи,
Что ты такъ любила жарко цаловать.

«Забудь мои слёзы, забудь, покидая,
Свои обѣщанья! — мнѣ больше не въ мочь...
Тебѣ я не пара, моя дорогая:
Я — въ свиткѣ убогой, ты — ктитора дочь.
Люби кого хочешь... такая, знать, доля!
Забудь меня, пташка, забудь, не томись;
А если услышишь, что гдѣ-то на полѣ
Зарыли Ярему — о нёмъ помолись.

«Хоть одна на бѣломъ свѣтѣ
Вспомни — помолися!»
И изъ глазъ Яремы слёзы
Градомъ полилися.
Вдругъ пронёсся шелестъ; парень
Глянулъ: средь тумана,
Словно ласочка, опушкой
Крадется Оксана.
Онъ на встрѣчу... обнялися...
«Сердце!» — и замлѣли...

И опять: «Оксана!» «сердце!»
И опять нѣмѣли.
— «Полно!» — «Нѣтъ, ещё разочекъ,
Голубь сизокрылый!
Выпей душу!... Какъ, однако,
Я устала, милый.»
— «Отдохни, моя ты зорька!
Ты съ небесъ слетѣла...
Сядь на свитку.» Усмѣхнулась
Дѣвушка — и сѣла.
— «Такъ садись и ты со мною.»
Сѣлъ, припалъ. — «Оксана,
Зорька ясная, голубка,
Что пришла не рано?»
— «Я замѣшкалась сегодня;
Что мнѣ дѣлать было?
Батько что-то расхворался.»
— «А меня забыла...»
— «Ахъ, какой же ты, ей-богу!»
И слеза скатилась.
— «Я шучу; утри же слёзы.»
— «Шутишь?» — прояснилась
И, склонивъ къ нему головку,
Словно позабылась.
— «Я шучу, моя Оксана,
Или ты не видишь?

Ну, не плачь же, глянь мнѣ въ очи:
Завтра не увидишь;
Завтра буду далекò я,
Далекò Оксана...
Завтра ночью въ Чигиринѣ
Ножъ святой достану.
Онъ мнѣ дастъ, моя голубка,
Золото и славу;
Наряжу тебя, обую,
Посажу, какъ паву,
Словно гетманшу какую
И глядѣть всё стану,
Всё глядѣть, до самой смерти.»
— «Вспомнишь ли Оксану,
Какъ по Кіеву съ панами
Паномъ ѣздить будешь!
Тамъ найдёшь себѣ полячку —
И меня забудешь.»
— «Развѣ есть на свѣтѣ лучше?...»
— «Можетъ-быть — не знаю.»
— «Не гнѣви напрасно Бога:
Лучше нѣтъ, родная,
Ни на небѣ, ни за небомъ,
Ни за синимъ моремъ
Нѣтъ такой, какъ ты, Оксана!»
— «Э, о чёмъ мы споримъ!

Что ты мелешь?» — «Правду, рыбка!»
Долго говорили
Такъ они — и тѣмъ свиданье
Радостное длили.
Целовались, обнимались,
Сколько было силы;
То грустили, то божились,
Что другъ другу милы.
И разсказывалъ Ярема,
Жить какъ съ нею будетъ.
Какъ всю въ золото одѣнетъ,
Долю какъ добудетъ;
Какъ Украйна кровью ляховъ
Скоро обольётся;
Какъ онъ будетъ важнымъ паномъ,
Если цѣлъ вернётся.

Но, дѣвицы, эти пѣсни
Всѣмъ намъ надоѣли.
«Вотъ какой! подумать можно,
Будто въ-самомъ-дѣлѣ
Надоѣли.» — Ну, а если бъ
Мать съ отцомъ узнали,
Что украдкой вы, дѣвицы,
Мой разсказъ читали?

Вѣдь, бѣда! Тогда, пожалуй...
　　О, избави Боже!...
Мнѣ бъ хотѣлось разсказать вамъ,
　　Какъ козакъ пригожій
Подъ вербо̀ю, надъ водою,
　　Плачетъ и тоскуетъ;
А козачка, какъ голубка,
　　Милаго цалуетъ;
То заплачетъ, зарыдаетъ,
　　То головку склонитъ...
«Мой желанный, мой сердечный!»
　　Скажетъ — и застонетъ...
Даже вербы наклонились,
　　Слушая тѣ пѣни...

Ну, да лучше замолчу я:
　　Ужь ночныя тѣни
Пронеслись — и вамъ ихъ ласки
　　Какъ бы не приснились...
Пусть ихъ тихо разойдутся,
　　Какъ не разъ сходились,
Чтобъ никто, никто не видѣлъ,
　　Какъ тѣ слёзы льются,
Слёзы дѣвичьи, козачьи...
　　Можетъ и сойдутся...

Между-тѣмъ изъ оконъ хаты
Ктитора ложиться
Сталъ на землю свѣтъ багровый...
Что-то тамъ творится?

Что жь, заглянемъ, братцы: надо разсказать!
Лучше не глядѣть бы, лучше промолчать,
Потому-что стыдно за людей — за брата!
Загляните въ и́збу: то конфедераты,
Люди, что сошлися волю защищать.
Защищать! собаки! Будь та вѣдьма-мать
Проклята на-вѣки, что васъ породила,
Людямъ на погибель холила, ростила!
Посмотрите, люди, что они творятъ!

Огонь пылаетъ середь хаты,
Въ углу собакою дрожитъ
Проклятый жидъ; конфедераты
Кричатъ на ктитора: «Коль жить
Не прочь — гдѣ деньги?» Тотъ молчитъ.
Ему назадъ скрутили руки,
Свалили на̀-земь — какъ скала,
Молчитъ, ни слова. «Мало муки!
Смолы достаньте; гдѣ смола?
Вишь, и слезинки не уронитъ!

А ну, побрызгайте смолой!
Что? скажешь, шельма?. . И не стонетъ!
Упёрся, бестья! Ну, постой!» —
И въ голеницѣ уголь тлѣетъ...
«Вотъ гвоздикъ — въ голову катай!»
Старикъ, не вытерпѣвъ, блѣднѣетъ
И никнетъ долу. Пропадай,
Душа въ грѣхахъ, безъ покаянья!
«Оксана, дочь моя!» сказалъ
Старикъ несчастный, простоналъ —
И смерть пресѣкла всѣ страданья.

Поляки молча постояли
Надъ посинѣвшимъ мертвецомъ.
«Съ нимъ дѣлать нечего», сказали:
«Скорѣе церковь подожжомъ.»

«Спасите!» вдругъ изъ чей-то груди
Раздался страшный, дикій крикъ:
«Спасите батьку, добры люди!»

Смутились изверги на мигъ:
«Кого тамъ черти придавили?»

Оксана въ двери: «Охъ, убили!»
И ò-земь. Старшій пòдалъ знакъ —

И ляхи бросилися къ двери,
Давя другъ друга, точно звѣри,
Какъ стая бѣшеныхъ собакъ.

Послѣднимъ вышелъ старый ляхъ,
Съ Оксаной блѣдной на рукахъ.
Но гдѣ жъ Ярема нашъ гуляетъ —
Въ какой далёкой сторонѣ?
Козакъ бѣды своей не знаетъ:
Въ степи широкой, на конѣ,
Про Наливайку распѣваетъ.

Съ тѣхъ поръ какъ ляхи унесли
Съ собой Оксану и ушли,
Замолкли слухи объ Оксанѣ...
Всё словно вымерло въ Вильшанѣ;
Залаютъ псы — и замолчатъ...
Сіяетъ мѣсяцъ; люди спятъ,
И ктиторъ спитъ... Не скоро встанетъ:
На-вѣки праведный уснулъ.
Свѣча, чуть теплясь, погасала;
Но мигъ — и въ хатѣ тёмно стало
И трупъ во мракѣ утонулъ...

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧИГИРИНѢ.

Гетма̀ны, гетма̀ны, когда бы вы встали,
И вставши взглянули на тотъ Чигиринъ,
Что вы обряжали, гдѣ вы пановали —
Заплакали бъ горько и врядъ ли бъ признали
Козацкую славу въ осколкахъ руинъ.
Тамъ войско, бывало, какъ алое море,
Вокругъ бунчуковъ и блеститъ и горитъ;
А гетманъ вельможный — конь чоренъ, какъ горе —
Блеснётъ булавою — и всё закипитъ...

Закипитъ — и разольётся
Яромъ и степями...
Унеси меня ты, горе,
Вмѣстѣ съ козаками!...
Что̀ тутъ думать?... миновало;
Ну, а что минуло,

Вспоминать про то напрасно —
Мёртвымъ сномъ уснуло...
Да и что̀ съ того, что вспомнишь?
Вспомнишь — и заплачешь.
Ну, хоть взгля̀немъ на руины —
На Чигринъ козачій.

Изъ-за лѣсу, изъ-за тучи
Мѣсяцъ выплываетъ:
Онъ, багровый, круглолицый,
Свѣтитъ — не сіяетъ,
Точно знаетъ, что въ нёмъ люди
Нужды не имѣютъ,
Что пожары и освѣтятъ
Землю, и согрѣютъ.

Солнце сѣло; въ Чигиринѣ
Тёмно, какъ въ могилѣ.
(Было такъ по всей Украйнѣ,
Какъ ножи святили
Наканунѣ Маковея.)
Смолкла рѣчь людская;
Нетопырь лишь пронесётся,
Да сова ночная
Гдѣ-то жалобно простонетъ,
Сидя на осинѣ.

Гдѣ же люди?... Въ чащѣ лѣса
 На рѣкѣ Тясминѣ.
Старъ и малъ, богачъ и бѣдный —
 Всѣ тутъ удалые
Ждутъ, чтобъ ро̀здали старши́ны
 Имъ ножи святые.

Средь тёмнаго лѣса, въ дубравѣ зелёной,
На привязи кони отаву ѣдятъ;
Осѣдланы кони, покрыты попоной...
Куда-то поскачутъ? кого-то помчатъ?
Вотъ этихъ, что, словно лишонные жизни,
Лежатъ по долинѣ, боятся вздохнуть.
Они — гайдамаки: на голосъ отчизны
Слетѣлись орлята; они разнесутъ
Жидамъ и полякамъ кровавыя кары;
За зло и обиды, за кровь и пожары
Имъ адомъ кромѣшнымъ онѝ воздадутъ.

Возы съ желѣзною таранью
 Стоятъ подъ той дубравой:
То нашей матушки подарокъ...
 Да царствуетъ со славой!

Пройдти нельзя между возами:
Какъ стая птицъ, изъ всей страны

Сюда стеклись, на зовъ отчизны,
И козакй и старшины.
Вожди козацкіе по-одаль,
Въ жупанахъ чорныхъ, какъ одинъ,
Стоятъ и рѣчь заводятъ тихо,
Глаза вперивъ на Чигиринъ.

Первый старшина.

Старый Головатый что-то больно хитритъ.

Второй старшина.

Умная голова, сидитъ себѣ на хуторѣ, точно ничего не знаетъ, а глядишь — вездѣ Головатый. «Если самъ», говоритъ, «не покончу, то сыну передамъ.»

Третій старшина.

Да и сынъ тоже штука! Я вчера повстрѣчался съ Желѣзнякомъ — такъ онъ такія вещи разсказываетъ про него, что просто бѣда. «Кошевымъ», говоритъ, «буду — и полно; а можетъ-быть даже и гетманомъ, если только...»

Второй старшина.

А Гонта на что? а Желѣзнякъ? Къ Гонтѣ Сама... Сама писала: «Если», говоритъ...

Первый старшина.

Тсс — какъ-будто звонятъ!

Второй старшина.

Нѣтъ — это людской говоръ.

Первый старшина.

Будутъ шумѣть, пока ляхи услышатъ. Охъ, старыя, умныя головы! Думаютъ, думаютъ — да и смастерятъ изъ лемеха иглу. *Гдѣ нуженъ рептухъ, тамъ торбы не надо. Купили хрѣну — такъ ѣшьте; плачьте очи, хоть повылѣзайте: видѣли, что покупали, не пропадать же деньгамъ.* А то думаютъ, думаютъ — и ни слова; а ляхи смекнутъ — вотъ тебѣ и съѣшь! Что тамъ за совѣщанье? чего они не звонятъ? Чѣмъ урезонишь народъ, чтобы не шумѣлъ? Не десять душъ, а славу Богу вся Смолянщина, если не вся Украйна. Слышите — поютъ?

Третiй старшина.

Правда, кто-то поётъ; пойду уйму.

Первый старшина.

Оставь его, пусть поётъ, лишь бы не громко.

Второй старшина.

Вѣрно валахъ. Не утерпѣлъ-таки старый дуракъ; пришла охота — и всё тутъ.

Третiй старшина.

А умно поётъ, и сколько ни слушай — всё но-

вое. Подойдёмъ по-ближе, братцы, да послушаемъ; а тѣмъ временемъ зазвонятъ.

Первый и второй старшины.

Что жь — пойдёмъ.

Третій старшина.

Идёмъ.

(*Старшины прячутся за дубомъ, подъ которымъ сидитъ слѣпой кобзаръ; его окружаютъ запорожцы и гайдамаки.*)

Кобзарь (*поётъ протяжно и тихо*).

Охъ, валахи! мало
Васъ на свѣтѣ стало;
Вы же, молдаваны,
Ужь теперь не паны:
Ваши господари
Продались татарамъ,
Продались тиранамъ —
Турецкимъ султанамъ.
Полно, не томитесь;
Лучше помолитесь,
Да идите съ нами,
Съ нами — козаками.
Вспомните Богдана,
Стараго гетмàна;
Станете панами —
И тогда съ ножами
Острыми, святыми,
И съ отцомъ-Максимомъ
Ночку погуляемъ,

Ляховъ покачаемъ,
Да такъ погуляемъ,
Что самъ адъ съ чертями
Засмѣётся съ нами,
Небо запылаетъ...
Лихо погуляемъ!

Запорожецъ.

Лихо погуляемъ! Старикъ говоритъ правду, если не врётъ. Не будь онъ валахъ, какой бы вышелъ изъ него знатный кобзарь!

Кобзарь.

Да какой я валахъ! я только былъ тогда-то въ Валахіи — вотъ люди и прозвали меня валахомъ, самъ не знаю за что.

Запорожецъ.

Ну, ладно; хвати-ка ещё какую-нибудь... А ну-ка, дёрни про батьку Максима.

Гайдамакъ.

Да только не громко, чтобъ старшины не слыхали.

Запорожецъ.

А намъ-то что до вашихъ старшинъ? Услышатъ, такъ послушаютъ, коли есть чѣмъ слушать — и баста. У насъ одинъ старшина — батька Максимъ; а онъ если услышитъ, такъ ещё денегъ тебѣ дастъ. Пой, божій человѣкъ, не слушай его.

Гайдамакъ.

Оно такъ, любезный; я это и самъ знаю, да вотъ что: *не такъ паны, какъ подпанки*, или — *пока солнце взойдётъ, роса очи выѣстъ.*

Запорожецъ.

Пустое! Пой, божій человѣкъ, что знаешь, а то и звона не дождёмся — уснёмъ.

Всѣ.

И въ правду уснёмъ. Ну, спой что-нибудь.

Кобзарь *(поётъ)*.

Не орёлъ подъ облаками
Носится, летаетъ:
То Максимъ, козацкій батька,
По степи гуляетъ.
Не орёлъ степной летаетъ
А за нимъ орлята:
То Максимъ въ степи гуляетъ —
Съ нимъ его ребята.
Запорожцы тѣ ребята.
Онъ имъ скажетъ слово —
Бить ли, пить ли, веселиться —
Мигомъ всё готово.
Онъ мигнётъ — и всѣ танцуютъ,
Только пыль несётся;
Запоётъ — и всѣ горланятъ:
Горе съ нимъ смѣётся.
Мёдъ и водку онъ не чаркой —
Ковшикомъ черпáетъ,

А врага, гдѣ только встрѣтитъ,
Бьётъ—не выжидаетъ.
Вотъ каковъ орёлъ нашъ сизый,
Атаманъ нашъ новый!
И воюетъ, и гарцуетъ
Онъ, на всё готовый.
Нѣтъ ни хаты у Максима,
Ни пруда, ни сада...
Степь безлюдная — дорога,
Море — не преграда.
Такъ смотрите жь — кайтесь, ляхи,
Хищныя собаки:
Желѣзнякъ на *Чорномъ Шляхѣ*,
Слѣдомъ гайдамаки.

Запорожецъ.

Вотъ это такъ! отхваталъ, нечего сказать: и складно и правда. Знатно, ей-богу, знатно! Что вздумаетъ, то и споётъ. Спасибо, спасибо.

Гайдамакъ.

Я что-то не понялъ, что онъ тамъ пѣлъ про гайдамаковъ?

Запорожецъ.

Какой же ты олухъ, право! Видишь ли, что онъ пѣлъ: чтобъ поганые ляхи, бѣшеныя собаки, каялись, потому-что Желѣзнякъ съ гайдамаками идётъ *Чорнымъ Шляхомъ*, чтобы ихъ рѣзать.

Гайдамакъ.

И рѣзать и вѣшать! Знатно, ей-богу, знатно!

Вотъ это такъ! Ей-богу, далъ бы ему карбованецъ если бы не пропилъ его вчера! Жаль! Ну, *пусть старая вязнетъ — больше мяса будетъ.* Подожди, пожалуста — завтра отдамъ. Дёрни ещё что-нибудь про гайдамаковъ.

Кобзарь.

Я не падокъ до денегъ. Была бы охота слушать, а за пѣсней дѣло не станетъ, пока не охрипну; а охрипну — чарку, другую, и снова готовъ. Ну, слушайте.

Ночевали гайдамаки
Въ камышахъ зелёныхъ;
Возлѣ нихъ паслися кони
Въ дорогихъ попонахъ.
Ночевали паны-ляхи
Въ кабакахъ съ жидами,
Напилися, улеглися,
Да и...

Всѣ.

Тсс! какъ будто звонятъ. Слышишь?... ещё разъ... о!...

Кобзарь.

Зазвонили! Вспыхнулъ мѣсяцъ,
Тёмный лѣсъ минуя.
Ну, идите жь, да молитесь:
Пѣсню допою я....

Повалили гайдамаки,
Стонетъ лѣсъ въ ихъ бѣгѣ;
Не везутъ — несутъ на плѐчахъ
Грузныя телѣги.
А кобзарь ихъ провожаетъ
Пѣсныо немудрёной:
«Ночевали гайдамаки
Въ камышахъ зелёныхъ!»
И плетётся, и мурлычитъ,
Какъ дрались козаки.

«Ну», съ телѣгами на плѐчахъ,
Вопятъ гайдамаки:
«Ну, другую, старецъ божій!»

Кобзарь.

«Ладно, ладно — на-те!
Знатно, братцы! знатно, знатно!
Ну-те-ко, ребята,
Хватимъ дружно.»

Степь трясётся,
А они съ возами
Такъ и рѣжутъ. Дѣдъ играетъ,
Поддаётъ словами:

«Такъ и сякъ, и сякъ и такъ!
Кличетъ дѣвицу козакъ:
«Выйди, Ганзя — пошучу я!
«Выйди, Ганзя — поцалую!

«Побываемъ у попа —
«Надо помолиться;
«Нѣту жита ни снопа —
«Сваримъ вареницу».

Обвѣнчался, встосковался:
Какъ-то проживётся?
Дѣти гóлодны, и босы,
А козакъ смѣётся:

«И въ избѣ-то ни-ни-ни,
«И въ сѣняхъ-то ни-ни-ни;
«Эй, жена, пеки блины,
«Потому-что ни-ни-ни!»

«Знатно, знатно! Ну, ещё разъ!»
Молвятъ гайдамаки.

Кобзарь (*поетъ*).

Вотъ такъ диво, вотъ такъ диво!
Наварили ляхи пива,
Мы же будемъ торговать,
Пáновъ-ляховъ угощать.
Пàновъ-ляховъ угостимъ,
На ихъ дочекъ поглядимъ...

Вотъ какъ, вотъ какъ, такъ и сякъ!
Кличетъ дѣвицу козакъ:
«Панна, пташечка моя!
Панна, долюшка моя!
Дай мнѣ ручку, погуляемъ —
Нечего стыдится!
Пусть другіе знаютъ горе —
Будемъ веселиться.
Будемъ пѣсни пѣть,
За столомъ сидѣть,
Панна, пташечка моя,
Панна, долюшка моя!

Гайдамаки.

Ну, ещё, ещё одну!

Кобзарь *(поетъ).*

Былъ бы только — или эдакъ или такъ —
Былъ бы только запорожскій онъ козакъ,
Былъ бы только молодой онъ, молодой,
Хоть по хатѣ бы прошолся онъ со мной...
Охъ, не хочется мнѣ слѣдомъ
Да ходить за старымъ дѣдомъ!
Былъ бы только — или эдакъ или такъ —
Былъ бы только запорожскій онъ козакъ!

Атаманъ.

Ну, полно, братцы! Здѣсь не битва.
А ты, собака, что орёшь?
На мѣсто словъ святой молитвы,
Ты пѣсни глупыя поёшь!

Всё смолкло вмигъ. Предъ козаками
Сіяетъ храмъ. Дьячёкъ поётъ;
Попы съ кропилами, съ крестами;
Вокругъ безмолвствуетъ народъ —
Вздохнуть боится. Межь возами
Попы съ кропилами пошли;
Имъ вслѣдъ хоругви понесли,
Какъ на Христово воскресенье!
«Молитесь, братья, во спасенье!»
Такъ благочинный возгласилъ:
«Нашъ Чигиринъ не сокрушится:
Святая стража ополчится —
Не дастъ святого распинать.
А вы Украйну защищайте:
Не дайте матери, не дайте
Въ рукахъ злодѣя погибать!
Отъ Конашевича доселѣ
Пожаръ не гаснетъ, люди мрутъ
По тюрьмамъ; дѣти съ колыбели
Неокрещённые ростутъ —
Козачьи дѣти; а дѣвицы,
Земли украинской краса,
У ляховъ гаснутъ, какъ зарницы,
И непокрытая коса
Сѣчётся съ горя; кари-очи
Въ неволѣ меркнутъ; расковать

Козакъ сестры своей не хочетъ
И не стыдится умирать
Въ ярмѣ позорномъ... Горе, горе!
Молитесь, дѣти! страшный судъ
Въ Украйну ляхи принесутъ —
И зарыдаютъ наши горы.
Вспомянемъ праведныхъ гетмàновъ:
Гдѣ ихъ могилы? гдѣ лежитъ
Священный прахъ отца-Богдана?
Гдѣ Остраница мирно спитъ?
Гдѣ Наливайкина могила?
Кто намъ укажетъ, гдѣ она?
Обоихъ пламя схоронило.
Гдѣ тотъ Богунъ, гдѣ та зима?
Ингунъ зимою замерзаетъ —
Богунъ не встанетъ завалить
Его тѣлами... Ляхъ гуляетъ!
Богдана нѣтъ, чтобъ обагрить
И Рось-рѣку и Жолты Воды.
Тоскуетъ Кòрсунь; нѣтъ свободы,
Печали не съ кѣмъ раздѣлить.
А Альта плачетъ: «жить на свѣтѣ
«Мнѣ тяжко — сохну... Гдѣ Тарасъ?...
«Охъ, не въ отцовъ родятся дѣти!...»
Не плачьте, братія: за насъ
И души праведныхъ, и сила

Архистратига Михаила.
Не за горами кары часъ.
Молитесь, братья!»

И молились,
Молились жарко козаки,
Какъ тѣ младенцы... сердце билось,
Не тосковало — и свершилось:
Надъ ихъ могилами платки.

На крестахъ платки бѣлѣютъ —
Мёртвыхъ поминаютъ... .
И ихъ снимутъ...

А діаконъ:
«Врагъ да погибаетъ!
Вотъ ножи — ихъ освятили.»
Благовѣстъ несётся,
Съ грознымъ крикомъ «освятили»
Въ сердцѣ отдаётся.
Освятили, освятили!
Шляхта погибаетъ —
И кругомъ по всей Украйнѣ
Острый ножъ сверкаетъ.

———

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

ТРЕТЬИ ПѢТУХИ.

Ещё день мучили Украйну
Толпы враговъ; ещё одинъ
Послѣдній день, скрывая тайну,
Стоналъ въ оковахъ Чигиринъ.
Прошолъ и онъ, день Макавея,
Великій праздникъ — и равно
Жиды и ляхи, не жалѣя,
Мѣшали съ кровію вино,
Кляли Украйну, распинали,
Кляли, что нечего ужь взять...
А гайдамаки молча ждали,
Пока поганцы лягутъ спать.
Но вотъ и ляхи задремали,
Чтобъ никогда уже не встать.
Спятъ мирно ляхи, а іуда,
Сгребая мѣдные гроши,
Въ потьмахъ считаетъ барыши,
Чтобъ не смутить простого люда.

Но вотъ и тѣ покой нашли:
Убрали деньги и легли.

Дремлютъ... Чтобъ во вѣки снова имъ не встать!
Но вотъ мѣсяцъ ясный всплылъ и сталъ кидать
Свѣтъ свой серебристый на поля и море,
На людей и жизнь ихъ — на людское горе,
Чтобъ потомъ поутру Богу разсказать.
Свѣтитъ бѣлолицый на всю на Украйну —
Свѣтитъ, но проникнуть въ силахъ ли онъ тайну:
Видитъ ли Оксану, сироту мою,
Гдѣ она томится, плачетъ и воркуетъ
И о томъ Ярема знаетъ ли и чуетъ —
Мы узнаемъ послѣ, а теперь спою
Вамъ иную пѣсню, памятную краю:
Будутъ не молодки подъ неё плясать,
А лихое горе, что отъ края къ краю
По Украйнѣ нашей любитъ кочевать.
Слушайте, чтобъ дѣткамъ послѣ разсказать,
Чтобъ и дѣти знали — внукамъ передали —
Какъ козаки ляховъ, что лишь угнетать
Бѣдный край умѣли, тяжко покарали.

Долго буря надъ Украйной
Злилась и шумѣла;

Долго, долго кровь степями
Лилась, багровѣла,
Лилась, лилась — и подсохла.
Степи зеленѣютъ;
Дѣды спятъ въ землѣ: могилы
Ихъ кругомъ синѣютъ.
Что за нужда, что высоки?
Ихъ никто не знаетъ,
Не омочитъ ихъ слезами
И не разгадаетъ.
Только вѣтеръ тиховѣйный
Прошумитъ надъ ними,
Да роса по утру рано
Каплями своими
Ихъ умоетъ. Встанетъ солнце —
Высушитъ, пригрѣетъ...
А внучата? — имъ нѣтъ дѣла:
Жито въ полѣ сѣютъ.
Много ихъ, а кто разскажетъ,
Гдѣ курганъ-могила,
Гдѣ могила Гонты-брата,
Гдѣ похоронила
Прахъ его лихая доля?
Гдѣ опочиваетъ
Желѣзнякъ, душа прямая?
Да! никто не знаетъ!

Долго бѣдная Украйна,
Долго волновалась;
Долго, долго кровь степями
Лйлась, разливалась.
День и ночь пальба и клики;
Степь дрожитъ и гнётся...
Грустно, страшно, а вспомянешь —
Сердце усмѣхнётся.

Мѣсяцъ ты мой ясный! спрячься на̀ ночь эту
За горой высокой: намъ не надо свѣту!
Страшно будетъ, мѣсяцъ, хоть ты видѣлъ Рось,
Альту, Сену — гдѣ такъ много пролилось
Неповйнной крови. Спрячься за холмами,
Чтобъ намъ не пришлось ихъ поливать слезами.

Тускло, грустно среди неба
Свѣтитъ бѣлолицый.
Вдоль Днѣпра козакъ плетётся:
Вѣрно, съ вечерницы.
И идётъ онъ хмурый, грустный,
Чуть волочитъ ноги.
Знать, тѣхъ дѣвицы не любя́тъ,
Что бѣдны̀, убоги.
Нѣтъ, его козачка любитъ.
Пусть онъ и въ заплатахъ,

Если только не загинетъ.
Будетъ изъ богатыхъ.
Отчего жь ему такъ горько —
Чуть не плачетъ? чуетъ
Видно сердце злое горе —
Чуетъ и тоскуетъ.
Чуетъ сердце, но не скажетъ
Велико ли горе.
Тихо вкругъ, какъ на погостѣ:
Пѣтелъ на заборѣ
Дремлетъ; сонная собака
Не рычитъ, не лаетъ,
Только гдѣ-то волкъ голодный
Воетъ, завываетъ.
Пусть ихъ спятъ! Идётъ Ярема,
Только не къ Оксанѣ.
Вьётся путь предъ нимъ, но путь тотъ
Вьётся не къ Вильшанѣ,
А въ Черкасы — къ ляхамъ. Скоро
Третій пѣвень крикнетъ —
И польётся кровь... И путникъ
Головою никнетъ.

Много, Днѣпръ широкій, много, Днѣпръ могучій,
Ты козацкихъ труповъ морю подарилъ.

Много крови выпилъ; но свой брегъ зыбучій
Ты окрасилъ только, но не напоилъ...
Нынче же упьёшься. Праздникъ небывалый
Ждётъ Украйну нынче! Снова потечётъ
По полямъ окрестнымъ кровь рѣкою алой
И козакъ-гетманецъ снова оживётъ.
Оживутъ гетманы, вздѣнутъ вновь жупаны
И козаки снова громко запоютъ:
«Ни жида, ни ляха!» Соберутся въ станы
И надъ ними снова бунчуки блеснутъ.

Такъ думаетъ путникъ, плетяся равниной,
Въ дырявой сермягѣ съ *священнымъ* въ рукахъ.
А Днѣпръ словно слышитъ: широкій и синій,
Онъ волны вздымаетъ; въ густыхъ тростникахъ

Стонетъ, плачетъ, завываетъ,
Ивы нагибаетъ.
Громъ грохочетъ; огнь небесный
Небо раздираетъ.
Пробирается Ярема:
Зги не видятъ очи.
Сердце бьётся, сердце плачетъ:
Горько — нѣту мочи!

«Тамъ Оксана! и въ сермягѣ
Тамъ душа смѣётся!
Ну, а тутъ... Тутъ, знать, сложить мнѣ
Голову придётся!»
Но вотъ пѣтелъ крикнулъ гдѣ-то,
Крикнулъ съ новой силой.
«А! Черкасы!» шепчетъ путникъ:
«Господи помилуй!

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

КРОВАВЫЙ ПИРЪ.

Звонъ раздался по Украйнѣ
И пронёсся страхомъ;
Закричали гайдамаки:
«Смерть поганымъ ляхамъ!
Погуляемъ, разогрѣемъ
Тучу — и за дѣло!»
Вотъ Смолянщина зардѣлась,
Туча заалѣла;
Но Медвѣдевка всѣхъ лучше
Тучу нагрѣваетъ.
И Смолянщина и Смѣла
Кровью подтекаютъ.
Кòрсунь, Кàневъ — всё пылаетъ,
Чигиринъ, Черкасы;
По дорогѣ кровь рѣкою
Всюду разлилася

До Волыни. На Полѣсьѣ
Гонта пиръ справляетъ;
Желѣзнякъ въ Черкасахъ саблю
Точитъ; обновляетъ
Тамъ же ножъ свой и Ярема
На врагахъ поганыхъ.
«Такъ ихъ, такъ ихъ! знатно, дѣтки!
Рѣжьте окаянныхъ!
Знатно, братцы!» на базарѣ
Желѣзнякъ взываетъ.
Адъ кругомъ, а гайдамаки
Знай себѣ гуляютъ.
А Ярема — даже страшно —
Такъ враговъ поганыхъ
И кладётъ. «Вотъ такъ ихъ, сынъ мой,
Такъ ихъ окаянныхъ!
Рѣжь ихъ — праведникомъ будешь,
Или старшиною.
Ну, ребята!» И ребята
Хлынули толпою
И разсыпались по избамъ,
По амбарамъ — всюду,
Всѣхъ избили, всё забрали.
«Ну, ребята, будетъ!
Истомились — отдохните.»
Улицы, базары —

Всё залито свѣжей кровью.
«Мало ляхамъ кары;
Надо ихъ замучить снова,
Чтобъ они, собаки,
Не очнулись.» На базарѣ
Снова гайдамаки
Собираются. Ярему
Старшій подзываетъ:

Железнякъ.

Подойди ко мнѣ, не бойся —
Я не испугаю.

Ярема.

Не боюсь я!

Снявши шапку,
Сталъ, какъ передъ паномъ.

Железнякъ.

Кто такой ты и откуда?

Ярема.

Я? — я изъ Вильшаны.

Железнякъ.

Изъ Вильшаны, гдѣ поляки
Ктитора убили?

Ярема.

Гдѣ, какого?

Желѣзнякъ.

Да въ Вильшанѣ.
Дочь же — говорили —
Увезли съ собой куда-то.

Ярема.

Дочь его?... Вильшана?...

Желѣзнякъ.

Дочку ктитора, коль знаешь...

Ярема.

О, моя Оксана!

И онъ тихо головою
Преклонился долу.

Желѣзнякъ.

Э! такъ вотъ что... Жалко парня...
Подними, Микола.

Онъ очнулся.

Ярема.

Батька! братцы!
Что я не сторукій?
Дайте ножъ мнѣ, дайте силу
Отомстить имъ мукой,
Мукой страшной, чтобъ и въ адѣ
Всё тряслось и млѣло!

Желѣзнякъ.

Знатно, сынъ мой! Ножъ добудешь
На святое дѣло.
Хочешь съ нами поработать
Острыми ножами?
Мы — въ Лисянку.

Ярема.

Батька, братцы,
Я вездѣ за вами!...
Въ адъ пойду, на край я свѣта
Полечу, достану...
Нѣтъ, ужь видно не найду я,
Не найду Оксану!

Желѣзнякъ.

Богъ дастъ, сыщешь. Ну а звать какъ?
Я не домекаю.

Ярема.

Да Яремой.

Желѣзнякъ.

А прозванье?

Ярема.

Я его не знаю.

Желѣзнякъ.

Знать подкидышъ? Безъ прозванья
Въ списокъ свой, Микола,
Запиши его. Пусть будетъ...
Ну, пусть будетъ Голый.
Ну, пиши же.

Микола.

Не годится!

Желѣзнякъ.

Запиши Бѣдою...

Микола.

Всё не ладно.

Желѣзнякъ.

Такъ пускай же
Будетъ Галайдою!

Записали.

Желѣзнякъ.

Ну, сыночекъ,
Ѣдемъ веселиться.
Сыщешь долю... а не сыщешь...
Ну, пора садиться.

Подвели коня Яремѣ,
Взяли изъ обоза.

Сѣлъ Ярема, усмѣхнулся,
Да и снова въ слёзы...
Ѣдутъ — глянули: окрестность
Въ пламя окунулась...

Желѣзнякъ.

Всѣ ли, дѣтки?

Галайда.

Всѣ тутъ, батька!

Желѣзнякъ.

Съ Богомъ!

Протянулась
Вдоль Днѣпра, глухой дубровой,
Грозная ватага
Гайдамаковъ. А за ними
Нашъ кобзарь-бѣдняга
На конѣ козацкомъ ѣдетъ,
Пѣсню напѣваетъ:
«Гайдамаки, гайдамаки,
Желѣзнякъ гуляетъ!»
Потянулись... а Черкасы
Заревомъ пылаютъ...
Всё равно! никто не взглянетъ —
Знай, пановъ ругаютъ;

Кто смѣётся, кто безпечно
Свищетъ — бьётъ баклуши.
Желѣзнякъ же — впереди ихъ —
Насторо̀живъ уши,
Тихо ѣдетъ, куритъ трубку —
Никому ни слова...
А за нимъ бѣднякъ Ярема.
Тёмная дуброва,
Боръ глухой и Днѣпръ широкій,
И крутыя горы,
Небо, зо̀рьки, доля, люди
И лихое горе —
Всё пропало; всё слилося
Предъ глазами: значитъ
Сердце ноетъ. Тяжко сердцу,
Тяжко, а не плачетъ!
Нѣтъ, не пла̀четъ: злое горе
Жадно выпиваетъ!
Эти слёзы, давитъ душу,
Сердце разрываетъ.
«Ой, вы слёзы! вы ль не въ силахъ
Смыть лихое горе?
Ну, такъ смойте жь! Тяжко, тяжко!
И синёго моря,
И Днѣпра, чтобъ вылить злое —
И Днѣпра не станетъ.

Утопиться? — сгубишь душу...
Кто её помянетъ?
Гдѣ ты, милая Оксана?
Погляди, родная,
Полюбуйся на Ярему!
Гдѣ ты? Умирая,
Можетъ-быть, ты злую долю
Горько проклинаешь,
Иль въ цѣпяхъ, въ подвалѣ панскомъ,
Вѣкъ свой коротаешь.
Вспоминаешь, можетъ-статься,
Милаго, Вильшану;
Говоришь: «Ярема милый,
«Обними Оксану!
«Обними меня, мой милый!
«Сердце онѣмѣетъ...
«Пусть тогда смѣются ляхи —
«Не услышимъ!...» Вѣетъ,
Вѣетъ вѣтеръ, нагибаетъ
Тополь серед поля:
Такъ и дѣвицу склоняетъ
Грозная недоля.
Потоскуетъ, погорюетъ —
И забудетъ... Что же?
Аль въ жупанѣ станетъ паней;
Ляхъ же... Боже, Боже!

Погуби меня на-вѣки,
Вылей муки моремъ!
Покарай больное сердце,
Да не этимъ горемъ:
Будь изъ камня — разорвётся!
Гдѣ ты, доля злая?
Ненаглядная Оксана,
Гдѣ ты, дорогая,
Гдѣ ты дѣлась, схоронилась?»

И вновь слёзы льются,
Льются градомъ... И откуда
Слёзы тѣ берутся?

«Въ лѣсъ, ребята! ужь свѣтаетъ!
Кони истомились:
Отдохнёмъ!»

И въ тёмномъ лѣсѣ
Гайдамаки скрылись.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

ПОГРОМЪ.

Солнце встало. Вся Украйна
Тлѣла и пылала.
Сидя въ крѣпкихъ замкахъ, шляхта
Съ страхомъ смерти ждала.
Всюду висѣлицы видны
Съ мёртвыми тѣлами
Крупной шляхты; остальные
Скучены горами.
На базарахъ, на распутьяхъ
Волки да вороны
Трупы панскіе теребятъ:
Нѣту обороны...
Кто отгонитъ ихъ? остались
Дѣти да собаки:
Всё пошло — и даже бабы,
Дѣвки — въ гайдамаки.

Такъ-то дѣялось въ Украйнѣ,
Такъ-то тамъ страдали!
А за что такъ безпощадно
Люди погибали?

Одного отца вѣдь дѣти —
Жить бы, веселиться...
Не хотѣли, не съумѣли —
Надо разойтиться.
Надо крови, братней крови,
Потому — у брата
И въ амбарѣ есть, и въ полѣ,
И счастливо въ хатѣ.
«Сгубимъ брата! прахомъ — хата!»
Молвили — и сталось.
Всё бъ, казалось... да на горе
Сироты остались.
Подросли, освободили
Связанныя руки —
И за кровь отмстили кровью,
Муками за муки.

Больно вспомнить: братней кровью
Руки ихъ облиты...
Кто жь повиненъ въ этой крови?
Ксёндзы, езуиты.

Пробирались гайдамаки
Тёмными лѣсами,
А за ними и Ярема
Взмоченный слезами.
Ужь Вороновку минули,
Въѣхали въ Вильшану.
«Не спросить ли мнѣ въ деревнѣ
Про мою Оксану?
Не спрошу: чего тоскую
Пусть они не знаютъ!»
Вотъ въ Вильшану гайдамаки
Весело въѣзжаютъ.
«Правда, братцы, что убили
Ктитора святого?»

— «Нѣтъ, родимый, а слыхали,
Что сожгли живого
Вонъ тѣ ляхи, что лежатъ тамъ;
А Оксану взяли...
Нынче ктитора у церкви
Въ землю закопали.»

Не дослушалъ... «Мчися, конь мой!»
И поводья кинулъ.
«Охъ, чего въ огнѣ пожара
Я вчера не згинулъ!

А сегодня — хоть бы умеръ —
Изъ могилы встану
Мучить ляховъ. Гдѣ найду я
Бѣдную Оксану?
Гдѣ ты?»

Смолкъ — и вновь тоскуетъ;
Конь едва плетётся...
Тяжко, тяжко сиротинѣ
Съ горемъ вѣкъ бороться!
Вотъ онъ хуторъ Боровиковъ
Мимо проѣзжаетъ.
Вотъ корчма, гдѣ онъ недавно
Жилъ: она пылаетъ.
Усмѣхнулся мой Ярема,
Горько усмѣхнулся.
Здѣсь вчера ещё онъ низко
Передъ Лейбой гнулся,
А сегодня... Жалко стало,
Что бѣда минула.

Вотъ съ дороги вся ватага
Круто повернула.
Нагоняютъ пѣшехода.
Въ лаптяхъ и съ клюкою,

Онъ одѣтъ въ убогой свиткѣ,
Торба за спиною.

Желѣзнякъ.

Эй, ты, дѣдушка, послушай!

Старикъ.

Я не дѣдъ покуда:
Гайдамакъ я, ваша милость!

Желѣзнякъ.

Вотъ какой! Откуда?

Старикъ.

Изъ Кириловки я родомъ.

Желѣзнякъ.

А Будище знаешь?
Тамъ и прудъ...

Старикъ.

И прудъ я знаю.
Если, понимаешь,
Ты поѣдешь этимъ яромъ —
Будешь возлѣ пру́да.

Желѣзнякъ.

Что, видалъ сегодня ляховъ?

Старикъ.

Не видалъ покуда;

А вчера ихъ было много.
Воду не святили:
Не давали вражьи ляхи.
Ихъ за-то и били.
Мы съ отцомъ ихъ навалили
Груду; мать больная
Тоже рвалась...

Желѣзнякъ.

Ты, братъ, вижу,
Голова лихая.
Вотъ тебѣ червонецъ польскій:
Деньги пригодятся.

Взялъ, взглянулъ, сказалъ «спасибо».

Желѣзнякъ.

Ну, въ дорогу, братцы!
Да, смотрите, не шумите.
Галайда, за мною!
Есть тутъ прудъ на днѣ оврага,
Роща подъ горою.
Какъ пріѣдемъ, поскорѣе
Рощу окружи ты.
Тамъ поляки: ихъ пожитки
Въ рощѣ той зарыты.

Гайдамаки съ Галайдою
Прискакали къ лѣсу,
Окружили, смотрятъ — пусто.

Желѣзнякъ.

Вишь ихъ сколько, къ бѣсу!
Что за груши уродились!
Ну, сбивай, ребята!
Такъ ихъ, такъ ихъ! ну, живѣе!

И конфедераты
Внизъ съ деревьевъ падать стали,
Какъ плоды гнилые.
Посбивали, уходились;
Ямы потайныя
Разъискали, всё забрали,
Вытрясли карманы
И въ Лисянку потянулись
Добивать поганыхъ...

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

ПИРЪ ВЪ ЛИСЯНКѢ.

Солнце сѣло. Надъ Лисянкой
Тучи заходили:
Это Гонта съ побратимомъ
Трубки закурили.
Страшно, страшно закурили!
Въ адѣ не умѣютъ
Такъ курить. Болотный Тыкичъ
Кровью багровѣетъ
И шляхетской, и жидовской;
А надъ нимъ пылаютъ
И хоромы, и избушки;
Доля, знать, караетъ
Какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ.
А среди базара
Желѣзнякъ съ удалымъ Гонтой
Вопятъ: «ляхамъ кара!

Кара ляхамъ! Тѣшьтесь, дѣтки!»
    И они караютъ.
Стонъ и вопль: тѣ горько плачутъ,
    Эти — проклинаютъ;
Этотъ вопитъ, тотъ молитву
    Богу возсылаетъ,
А иной надъ трупомъ брата
    Душу открываетъ.
Не щадятъ, какъ моръ, лихіе
    Ни годовъ, ни роду:
Кровь полячки и жидовки
    Рядомъ льётся въ воду.
Ни калѣки, ни младенца,
    Ни слѣпца больного
Не осталось — не избѣгли
    Часа рокового.
Всё погибло — не осталось
    Ни души единой
Ни шляхетской, ни жидовской,
    Чтобъ почтить кручиной.
Вотъ ужь тучи досягаетъ
    Зарево пожара.
Галайда же знай рыкаетъ:
    «Кара ляхамъ, кара!»
И, бѣснуясь, мёртвыхъ рѣжетъ,
    Жжётъ что ни попало.

«Дайте мнѣ жида иль ляха!
Мало этихъ, мало!
Дайте ляха! дайте крови! —
Кровь его погана...
Море крови... мало моря!...
Милая Оксана,
Гдѣ ты?» крикнетъ и исчезнетъ
Въ пламени пожара.
А порой той гайдамаки
Ставятъ вдоль базара
Рядъ столовъ; несутъ съѣстное,
Гдѣ что понабрали,
Чтобъ поужинать при свѣтѣ.
«Тѣшься!» закричали —
И усѣлись вкругъ. Ихъ лица
Отъ огня алѣютъ,
А вокругъ, качаясь, трупы
Панскіе чернѣютъ.
Загорѣлися стропила
И валятся съ ними.
«Пейте, дѣтки! пейте! пейте
Съ ними, проклятыми!
Можетъ-быть козакъ ещё разъ
Лихо погуляетъ!»
И Максимъ свой жбанъ горѣлки
Разомъ осушаетъ.

«Пью за трупы, пью за души
Ваши проклятыя!
Пей же, Гонта, братъ названый!
Пейте, удалые!
Спой Кобзарь намъ — не про дѣдовъ:
Сами мы караемъ,
Не про горе, потому-что
Мы его не знаемъ,
А весёлую хвати намъ,
Чтобъ земля ломилась,
Про вдовицу-молодицу —
Какъ она томилась.»

Кобзарь (*поетъ*).

От села и до села
Путь я проторила:
Куръ и яйца продала,
Башмаки купила.
Отъ села и до села
Баба расплясалась:
Ни коровы, ни вола —
Лишь изба осталась!
Я тесовою избой
Подѣлюсь съ кумою,
А себѣ шалашъ простой
Подъ плетнёмъ сострою.
Торговать и шинковать
Буду днёмъ крючками,
По ночамъ же танцовать
Буду съ молодцами.

Ой, вы, дѣтки-соколы,
Пташки-голубятка!
Посмотрите — хоть малы —
Какъ танцуетъ матка!
Брошу домъ, ребятъ отдамъ
Въ школу — да и въ пляску —
И задамъ же, ой, задамъ
Башмакамъ я таску!

«Знатно, знатно, старецъ Божій!
Ну-ка — плясовую!»
Заигралъ — и всё пустилось
Въ плясъ на пропалую.

Гонта.

Ну, Максимъ!

Желѣзнякъ.

А ну-ко, Гонта!

Гонта.

Дёрнемъ съ ними, что ли?
Потанцуемъ, братъ, покамѣстъ
Живы и на волѣ!

(*Поетъ.*)

Не дивитесь, молодицы,
Что я оборвался:
Батька мой всё дѣлалъ гладко,
Я въ него удался.

Желѣзнякъ

Хорошо, мой братъ, назва̀ный!
Хорошо, ей-богу!

Гонта.

Ну, а ты, Максимъ?... Налей-ка!

Желѣзнякъ.

Подожди немного.

(*Поетъ.*)

Вотъ какъ дѣлай, вотъ что знай:
Всѣхъ люби — не разбирай —
Хоть поповну, хоть козачку,
Хоть пригожую батрачку.

Всё танцуетъ; Галайда же
Радости не знаетъ:
На концѣ стола̀ усѣвшись,
Слёзы проливаетъ,
Словно мальчикъ. Отчего бы?
Деньги и жупаны —
Всё дала ему судьбина,
Нѣтъ одной Оксаны!
Не съ кѣмъ счастьемъ подѣлиться!
Грустно — не поётся:
Видно сгинуть сиротою
Бѣдному придётся.

А того бѣднякъ не знаетъ,
Что его Оксана
Тамъ, за Тыкичемъ-рѣкою,
Вянетъ въ замкѣ пана,
Съ тѣми самыми панами,
Что отца убили...
Что жь теперь вы такъ не смѣлы?
Что такъ пріуныли?
Что глядите такъ печально,
Сидя за стѣнами,
Какъ евреи, ваши братья,
Гибнутъ подъ ножами.
А Оксана изъ окошка
Смотритъ — поджидаетъ:
«Гдѣ-то», думаетъ, «мой милый?»
А того не знаетъ,
Что онъ близко, и не въ свиткѣ.
А въ цвѣтномъ жупанѣ,
И всё думаетъ, тоскуетъ
По своей Оксанѣ.
А она зарю встрѣчаетъ
Вздохами и плачемъ.
Тяжко сердцу!...

Изъ оврага,
Въ охобнѣ козачьемъ,

Кто-то крадется. «Эй, кто тамъ?»
Парень окликаетъ.

Жидъ.

Я, посланецъ пана Гонты...
Пусть его гуляетъ —
Подожду я...

Галайда.

Не дождёшься,
Подлый жидъ, собака!

Жидъ.

Я не жидъ — избави Боже!
Видишь — гайдамака:
Вотъ копѣйка — посмотри-ка!
Кто её не знаетъ!

Галайда.

Знаю! знаю! (Освящённый
Ножъ онъ вынимаетъ.)
Признавайся, жидъ проклятый,
Гдѣ моя Оксана?

Замахнулся...

Жидъ.

Ой, мой Боже!
Въ палацѣ у пана...
Точно краля...

Галайда

Выручай же!
Выручай, проклятый!

Жидъ.

Ладно! ладно!... Да какой ты
Грозный да завзятый!
Мигомъ выручу: копѣйкой
Стѣну проломаю...
Я скажу имъ, вмѣсто Паца...

Галайда.

Ладно! ладно! — знаю!
Ну, живѣе!

Жидъ.

Мигомъ, мигомъ!
Гонту угощайте,
Чтобъ не думалъ... Ну, идите,
Пейте и гуляйте!
А куда, ясневельможный,
Ѣхать мнѣ съ Оксаной?

Галайда.

Въ монастырь подъ Лебединымъ —
Слышишь, окаянный?

Жидъ.

Слышу, слышу!

И Ярема
Съ Гонтою танцуетъ;
Желѣзнякъ же, взявши кобзу,
Съ кобзарёмъ толкуетъ:
«Попляши, старикъ, потѣшь насъ:
Я тебѣ сыграю.»
И пошолъ кобзарь въ присядку,
Лихо припѣвая:

«Въ огородѣ пустарнакъ, пустарнакъ!
Аль тебѣ я не козакъ, не козакъ?
Аль тебя я не люблю, не люблю?
Аль тебѣ я башмачёнковъ не куплю?

«Ой, куплю, куплю обновку:
Распотѣшу чернобровку!
Буду вкругъ тебя ходить,
Буду холить и любить!
Отплясавши трепака,
Полюбила козака,
Только рыжаго, худого —
Нехорошаго такого:
Знать ужь долюшка горька!
Доля слѣдомъ за тоскою,
А ты, рыжій, за водою,
А сама-то я въ кабакъ:
Выпью чарочку, другую,
Третью, пятую, шестую —
Тпру! — и снова за трепакъ!
Баба въ танецъ — и конецъ,
А за нею молодецъ,

Старый, рыжій бабу кличетъ,
Баба жь пóдъ носъ кукишь тычитъ:
«Коль женился, сатана,
Добывай мнѣ толокна:
Надо дѣтокъ пріодѣть,
Накормить и обогрѣть.
Если жь нѣтъ въ тебѣ ума,
Раздобуду я сама,
А ты, старый, не грѣши —
Колыбельки колыши.

«Какъ была я молодою, беззаконницею,
Я повѣсила передникъ надъ оконницею:
Кто идётъ — не минётъ,
То кивнётъ, то моргнётъ;
А я шолкомъ вышиваю,
Имъ въ окошечко киваю:
Ой, Семёны и Иваны,
Наряжайтеся въ жупаны:
Будемъ пить и танцовать,
Вмѣстѣ время коротать».

«Полно, полно!» крикнулъ Гонта:
«Полно — погасаетъ
Свѣту, дѣтки! Гдѣ же Лейба?
Гдѣ онъ пропадаетъ?
Отыскать его и вздёрнуть!...
Выродокъ собачій!...
Полно, дѣтки: погасаетъ
Нашъ свѣтецъ козачій!»

А Ярема: «погуляемъ,
Погуляемъ, батько!
Вишь какъ пышетъ! На базарѣ
И свѣтло и гладко.
Грянь, кобзарь — мы потанцуемъ!

ГОНТА.

Нѣтъ, конецъ пирушкѣ!
Эй, огня, да дёгтю, дѣтки!
Вывозите пушки,
Жгите, рѣжьте окаянныхъ!
Мы ихъ доканаемъ!

Заревѣли гайдамаки:
«Ладно, батька! знаемъ!»
Повалили черезъ рѣчку,
Вопятъ, распѣваютъ,
А Ярема вслѣдъ: «пусть, батька,
Въ окна не стрѣляютъ...
Погодите, не стрѣляйте:
Тамъ моя Оксана...
Погодите хоть часочекъ:
Я её достану.»

ГОНТА.

Желѣзнякъ, вели козакамъ
Жечь, что ни попало!

Иль доселѣ съ поляками
Мы чинились мало?
Ты жь, Ярема, не такую —
Лучше сыщешь нынѣ.

Оглянулся, а Яремы
Нѣту и въ поминѣ.
Горы дрогнули — хоромы
Съ ляхами взлетѣли
Къ самымъ тучамъ; всѣ жь другіе,
Словно адъ, горѣли.

«Галайда!... Гдѣ нашъ Ярема?»
Желѣзнякъ взываетъ.
Нѣтъ отвѣта: гайдамаки
Ничего не знаютъ.

Пока козаки забавлялись,
Ярема съ Лейбой пробирались
Въ хоромы панскіе, въ подвалъ,
Откуда вышелъ онъ съ Оксаной —
И въ Лебединъ съ своей желанной —
Едва живою — поскакалъ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

ЛЕБЕДИНЪ.

Оксана.

Сирота я изъ Вильшаны...
О, ты, доля, злая!
Батьку ляхи загубили,
А меня, родная —
Даже страшно и припомнить —
Увезли съ собою.
Не распрашивай, голубка,
Что было̀ со мною.
Я молилась, я томилась,
Сердце замирало,
Слёзы сохли, высыхали...
Охъ, когда бъ я знала,
Что̀ ещё разъ съ нимъ увижусь,
Поцалую снова —
Вдвое, втрое пострадала бъ
За одно лишь слово!

Ты прости, моя голубка;
Можетъ, я грѣшила,
Можетъ, Богъ за-то караетъ.
Что я полюбила —
Полюбила станъ высокій
И какъ полночь очи,
Полюбила, какъ умѣла,
Какъ сердечко хочетъ.
Не о батькѣ я въ неволѣ
Плакала, молилась —
Нѣтъ, по миломъ, ненаглядномъ
День и ночь томилась.
О, мой Боже! судъ твой правый
Вытерпѣть должна я.
Наложить не разъ хотѣла
Руки на себя я...
Будь не онъ, быть-можетъ я бы
Душу загубила.
Тяжко было! О, какъ часто
Мнѣ на умъ всходило:
«Кто бѣднягу, сиротину
«Въ горѣ приласкаетъ?
«Кто про долю, про недолю
«Спроситъ — разгадаетъ?
«Кто, какъ я, его обниметъ?
«Душу кто покажетъ,

«Слово ласковое въ горѣ
«Сиротинѣ скажетъ?»
Такъ я думала — и сердце
Радостно сжималось.
«Я сиротка: безъ родимой,
«Безъ отца осталась;
«Онъ одинъ меня такъ крѣпко
«Въ цѣломъ свѣтѣ любитъ;
«Если я въ тюрьмѣ погибну —
«Онъ себя погубитъ.»
Такъ я думала, молилась,
Ждала, убивалась:
Нѣтъ его, нейдётъ желанный —
Я одна осталась...

И заплакала бѣдняжка.
Зарыдала съ нею
И монахиня сѣдая.

Оксана.

Ты скажи мнѣ, гдѣ я?

Монахиня.

Въ Лебединѣ. Успокойся —
Ты совсѣмъ больная...

Оксана.

Въ Лебединѣ!... а давно ли?...

Монахиня.

Съ четверга, родная.

Оксана.

Подожди, припоминаю...
Пламя надъ водою...
Жидъ, Майдановка, хоромы...
Звали Галайдою...

Монахиня.

Да, Яремой Галайдою
Звался тотъ, родная,
Кто привёзъ тебя.

Оксана.

О, гдѣ онъ?...
Всё теперь я знаю!...

Монахиня.

Чрезъ недѣлю обѣщался
Онъ къ тебѣ вернуться.

Оксана.

Чрезъ недѣлю! чрезъ недѣлю!...
Пусть же слёзы льются!...
Дорогая, миновала
Страшная година!
Галайда тотъ — мой Ярема...
Знаетъ вся краина

Это имя. Я видала,
Какъ вокругъ горѣли
Сёла, за̀мки — какъ поляки
Млѣли и блѣднѣли,
Чуть заслышатъ про Ярему.
Знаютъ ляхи, знаютъ,
Кто такой онъ и откуда
И чего желаетъ...
Онъ искалъ свою Оксану,
Голубь сизо-крылый...
Прилетай же поскорѣе,
Мой соколикъ милый!
Охъ, какъ весело на свѣтѣ!
Что со мною сталось?
Чрезъ недѣлю, ты сказала...
Три денька осталось...
Охъ, какъ долго!... «Мама, жаръ
«Выгребай изъ печки —
«Будетъ, мама, дочки жаль
«Твоему сердечку.»
Охъ, какъ весело на свѣтѣ!...
А тебѣ, родная,
Тоже весело?

Монахиня.

Тобою,
Пташка, весела̀ я.

Но къ вечерни зазвонили...
Дѣвушка осталась,
А монахиня-старушка
Съ нею распрощалась
И къ вечерни поплелася.
Не прошло недѣли —
Какъ «Исаія ликуй!»
Громко въ церкви пѣли.
Рано утромъ мой Ярема
Съ милой повѣнчался,
А подъ вечеръ — вотъ чуднóй-то —
Съ нею распрощался,
Чтобъ Максимъ не разсердился...
Сватьбу съ нимъ справляетъ
На пожарахъ. А Оксана
Ждётъ да поджидаетъ,
Поджидаетъ — не идётъ ли
Съ дрýжками къ ней въ гости —
Перевезть её изъ кельи
Въ хату на помостѣ.
Не кручинься, а надѣйся,
Да молися Богу;
Мнѣ же надо ѣхать въ Умань...
Ну, такъ въ путь-дорогу!

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

ГОНТА ВЪ УМАНИ.

Проходятъ дни, проходитъ лѣто —
Украйна знай себѣ горитъ;
По сёламъ плачутъ дѣти: гдѣ-то
Отцы ихъ. Грустно шелеститъ
Сухими листьями дуброва;
Гуляютъ тучи; солнце спитъ;
Вкругъ не слыхать людского слова;
Лишь воетъ звѣрь, идя въ село
На свѣжій трупъ. Не хоронили:
Волковъ поляками кормили,
Пока ихъ снѣгомъ занесло.

Не мѣшали снѣгъ и вьюга
Страшной, адской карѣ:
Ляхи мёрзли, а козаки
Грѣлись на пожарѣ.

Вотъ пришла весна — и землю
Къ жизни возвратила:
Разукрасила цвѣтами,
Зеленью покрыла.
Соловей щебечетъ въ рощѣ,
Жаворонокъ — въ полѣ,
И летитъ ихъ гимнъ къ лазури,
Гимнъ веснѣ и волѣ...
Рай — и только! Для кого же? —
Для людей... А люди
Не хотятъ и поглядѣть-то:
Холодны ихъ груди!
Надо кровію подкрасить,
Освѣтить пожаромъ...
Солнца мало, красокъ мало!
Дымъ взлетаетъ паромъ,
Вьётся къ небу... Ада мало!...
Охъ, вы, люди, люди!
Долго-ль злобой волноваться
Будутъ ваши груди?
Но весна не смыла крови:
Зрѣетъ дѣло злое!
Сердце ноетъ, а вспомянешь —
Было такъ и въ Троѣ,
Будетъ вѣчно. Гайдамаки
Рѣжутъ и гуляютъ:

Гдѣ пройдутъ — земля трясётся,
Кровью намокаетъ.
Подобралъ Максимъ сыночка,
Честь родного края...
Пусть не сынъ родной Ярема —
Всё жь душа прямая.
Желѣзнякъ идётъ и рѣжетъ,
Галайда — лютуетъ:
Онъ съ ножомъ на пепелищѣ
Днюетъ и ночуетъ.
Не помилуетъ, не минетъ
Ворога лихова:
Онъ за ктитора мститъ ляхамъ,
За отца святова,
За Оксану... И дрожитъ онъ,
Вспомнивъ о невѣстѣ.
А Максимъ: «гуляй, покамѣстъ
Вольны мы и вмѣстѣ!»
Погуляли гайдамаки,
Лихо погуляли:
Путь отъ Кіева на Умань
Ляхами устлали.
Словно туча, гайдамаки
Умань обложили,
Навалили дровъ и, словно
Печку, затопили.

Затопили, закричали:
    «Кара ляхамъ! Крови!»
Полегли среди базара
    Konny narodowi,
Пали женщины и дѣти,
    Старцы и калѣки.
Вопль и стоны! На базарѣ
    Вражьей крови рѣки.
Гонта, съ сыномъ-Галайдою
    И Максимомъ-братомъ,
Впереди — и только слышно:
    «Кара имъ проклятымъ!»

Вотъ къ нимъ тащатъ гайдамаки
    Ксёндза-езуита
И двухъ мальчиковъ. «Эй, Гонта!
    Посмотри, твои-то
Ребятишки видно ляхи —
    Дѣти католички!
Ты зарѣжь ихъ поскорѣе,
    Не вспорхнули бъ птички.
Аль ты вырастить въ нихъ хочешь
    Въ каждомъ по злодѣю?»

— «Пса убейте, а щенятъ я
    Самъ убить съумѣю.

Кличь громаду! Признавайтесь,
Дѣти: вы забыли
Про святую нашу вѣру?»

— «Да, насъ окрестили...»

Собрали́ся гайдамаки.

— «*Господа-Громада*,
Чтобы не было измѣны,
Миловать не надо.
Я поклялся рѣзать ляховъ,
Ничего на свѣтѣ
Не щадить... Зачѣмъ вы малы,
Не разумны дѣти?
Ой, зачѣмъ не бьёте ляховъ?...»

— «Будемъ, тятя, будемъ!»

— «Нѣтъ, не будете... Мы сами,
Сами васъ разсудимъ!
О, будь проклята та полька,
Что васъ породила!
Ой, зачѣмъ она съ зарёю
Васъ не утопила?
Вы бы умерли, какъ жили,
Не еретиками;

А теперь я повстрѣчался
Не на радость съ вами.
Знайте, васъ не я — присяга,
Дѣти, покарала.
Ну, прощайте жь!»

Сталь сверкнула —
И дѣтей не стало.
Съ стономъ падая, малютки
Лишь пролепетали:
«Тятя, тятя — мы не ляхи!
Мы...» — и замолчали.

— «Схоронить ихъ?»

— «Нѣтъ! они, вѣдь,
Дѣти католички.
Ой, сынки мои, сыночки,
Что вы невелички?
Ой, зачѣмъ ещё до сватьбы
Не взяла могила
Ту злодѣйку-католичку,
Что васъ породила!
Ну, идёмъ.»

Онъ взялъ Максима:

Стали средь базара —
И ихъ крикъ пронёсся громомъ:
«Кара ляхамъ, кара!»
И карали! Умань моремъ
Огненнымъ казалась.
Ни въ хоромахъ, ни въ костёлахъ
Ляха не осталось —
Всё погибло жѐртвой мести,
Жертвой произвола.
Никогда такого горя
Міръ не видѣлъ. Школа,
Гдѣ учились дѣти Гонты,
Пала предъ напоромъ.

«Ты дѣтей моихъ сгубила»,
Молвилъ онъ съ укоромъ:
«Ты добру, любви и правдѣ
Ихъ не научила —
Пропадай же!»

И *громада*
Стѣны повалила —
Повалила, о каменья
Ксёндзовъ перебила,
А ребятъ на днѣ колодца
Грудой схоронила.

До вечера кровью ножи ихъ дымились;
Души не осталось. А Гонта кричитъ:
«Гдѣ вы, людоѣды? куда схоронились?
Вы дѣтокъ заѣли... Охъ тяжко мнѣ жить!
Мнѣ нѐ съ кѣмъ поплакать, тоски раздѣлить!
Ужь я не увижу ихъ чо́рныя брови —
Моихъ ненаглядныхъ. О, крови мнѣ, крови!
Шляхетской мнѣ крови — мнѣ хочется пить,
Мнѣ хочется видѣть, какъ кровь та чернѣетъ
И вдоволь напиться... Что вѣтеръ не вѣетъ,
Ляхо̀въ не нагонитъ? Охъ, тяжко мнѣ жить!
Правдивыя звѣзды, укройтесь за тучи!
Я дѣтокъ зарѣзалъ — я васъ не видалъ...
Охъ, слёзы! какъ вы тяжелы и горючи!
Куда я укроюсь?» Такъ Гонта взывалъ —
По Умани бѣгалъ.

Межь-тѣмъ, средь базара
Козаки поставили рядомъ столы,
Что въ руки попалось, сюда принесли
И сѣли за ужинъ. Послѣдняя кара
И ужинъ послѣдній. «Гуляйте сынки!
Тяни, пока пьётся, руби, пока бьётся!
Кобзарь, удалую! пусть поле трясётся,
Пускай погуляютъ мои козаки!»
Сверкая очами, Максимъ восклицаетъ,
И пѣсню лихую кобзарь начинаетъ:

«Мой отецъ — шинкарь,
Кумъ и чеботарь;
Мать — лихая пряха,
Всѣмъ кума и сваха;
Мнѣ за чорны брови
Братья по коровѣ
Привели
И монистовъ разныхъ
Голубыхъ и красныхъ
Нанесли.

«У меня, у Христы,
Серги и монисты
На плечахъ сорочки
Листья да листочки;
На сапожкахъ красныхъ
По стальной подковѣ...
Выйду утромъ яснымъ
Я къ своей коровѣ...
Я корову напою,
Подою,
Съ молодцами постою,
Постою!

«Послѣ ужина, *вечери*,
Замыкайте, дѣти, двери;
Ты жь, старуха, не томись,
Къ другу старому прижмись!»

Все гуляетъ. Гдѣ же Гонта?
Что онъ не гуляетъ?

Что не пьётъ онъ съ козаками?
Что не распѣваетъ?
Нѣтъ его межь гайдамаковъ!
Видно, горемыкѣ
Ни до пѣсень, ни до грому
Ружей и музыки.

Но кто это, освѣщённый
Заревомъ пожара,
Въ чорной свиткѣ съ *освящённымъ*
Бродитъ средь базара?
Подойдя къ высокой кучѣ,
Что предъ нимъ чернѣла,
Онъ склоняется и ищетъ...
Отыскалъ... Два тѣла,
Двухъ подростковъ взялъ на плечи
И, позадъ базара,
Чрезъ тѣла переступаетъ,
Кроясь средь пожара.
Кто же это? Это Гонта!
Злой тоской убитый,
Онъ дѣтей несётъ за городъ,
Чтобъ ихъ прахъ, прикрытый
Кровью взмоченной землёю,
Хоть звѣрьё не ѣло.

Вдоль по улицамъ пустыннымъ
Гдѣ не такъ горѣло,
Онъ несётъ ихъ, укрываясь:
Пусть никто не знаетъ,
Какъ козакъ дѣтей хоронитъ,
Слёзы проливаетъ.
Выйдя въ полѣ, *освящённый*
Ножъ онъ вынимаетъ
И выкапываетъ яму.
Умань догораетъ,
Свѣтитъ Гонтѣ на работу.
Но чего жь при свѣтѣ
Дорогающихъ обломковъ
Гонтѣ страшны дѣти?
Но чего жь онъ — словно крадетъ
Или кладъ хоронитъ —
Весь трясётся. Степь отъ кликовъ
Гайдамаковъ стонетъ;
Но онъ, сирый, тѣмъ знакомымъ
Кликамъ не внимаетъ:
Торопливо ладитъ хату,
Ладитъ — разрываетъ.
И, приладивши, два трупа
Въ той глубокой хатѣ,
Не глядя, кладётъ — знать, слышитъ:
«Мы не ляхи, тятя!»

Изъ-за пазухи китайку
    Вынувъ, лобызаетъ
Онъ ихъ въ очи и китайкой
    Той ихъ покрываетъ.
Но, спустя одно мгновенье,
    Онъ её снимаетъ
И, рыдая тяжко, горько,
    Къ трупамъ припадаетъ...

«Вы на милую Украйну
    Поглядите, дѣти:
Вѣдь она... изъ-за нея, вѣдь,
    Намъ не жить на свѣтѣ.
Но кто Гонту похоронитъ
    На чужомъ на полѣ?
Кто заплачетъ — пожалѣетъ
    О моей о долѣ?
Ты зачѣмъ меня семьёю,
    Доля, надѣлила?
Ты зачѣмъ меня и дѣтокъ
    Раньше не сгубила?
Смерть нейдётъ — и вотъ отецъ васъ,
    Дѣти, погребаетъ?»
Креститъ мёртвыхъ — и землею
    Яму засыпаетъ.

«Спите, дѣти! Приготовить
Видно не съумѣли
Руки матери-полячки
Вамъ другой постели.
Безъ цвѣточковъ-василёчковъ
Почивайте, дѣти,
Здѣсь въ землѣ, прося у Бога,
Чтобъ на этомъ свѣтѣ
Покаралъ меня Спаситель
За грѣхи за эти...
То жь, что вы забыли вѣру,
Вамъ прощаю, дѣти!»

Схоронивъ, сравнялъ онъ землю,
Чтобъ враги не знали,
Гдѣ погибли дѣти Гонты,
Гдѣ ихъ закопали.
«Спите, спите! Поджидайте:
Мнѣ не жить на свѣтѣ!
Я убилъ васъ; та же доля
И меня ждётъ, дѣти!
И меня убьютъ — схоронятъ,
Только кто — не знаю.
Гайдамаки?... Такъ ещё разъ
Съ вами погуляю!»

Всталъ бѣдняга и поплёлся:
Ступитъ — спотыкнётся...
Пламя пышетъ... Гонта глянетъ,
Глянетъ — усмѣхнётся...
Страшно, страшно усмѣхался...
Но вотъ оглянулся,
Вытеръ слёзы и въ пожарномъ
Дымѣ окунулся.

ЭПИЛОГЪ.

Минуло то время, давно миновало,
Когда я ребёнкомъ, голодный, блуждалъ
По той по Украйнѣ, гдѣ Гонта, бывало,
Съ ножомъ освящённымъ, какъ вѣтеръ, гулялъ.
Минуло то время, какъ тѣми путями,
Гдѣ шли гайдамаки, босыми ногами
Ходилъ я, пытаясь найдти гдѣ-нибудь
Людей, чтобъ къ добру указали мнѣ путь.
Припомнилъ — и плачу, что горе минуло.
О, если бъ ты снова ко мнѣ завернуло,
Я отдалъ бы съ радостью счастье моё
За прежнія слёзы, за горе-житьё.
Припомнилъ — и снова поляны родныя,
И дѣдъ, и отецъ, и невзгоды былыя
Предъ взоромъ проносятся. Живъ ещё дѣдъ,
Отецъ же въ могилѣ — родимаго нѣтъ!...

Бывало, въ субботу, закрывши «Минеи»
И выпивъ по чаркѣ родной романеи,
Отецъ проситъ дѣда, чтобъ тотъ разсказалъ,
Какъ въ Умани встарь гайдамаки гуляли,
Какъ Гонта проклятыхъ поляковъ каралъ.
Столѣтнія очи, какъ звѣзды, сіяли —
И лился, смѣнялся ужасный разсказъ:
Какъ гибли поляки, какъ сёла горѣли.
Сосѣди, бывало, отъ страха нѣмѣли,
И мнѣ, бѣдняку, доводилось не разъ
Оплакивать ктитора злую судьбину.
И, слушая дѣда, никто не видалъ,
Какъ малый ребёнокъ за печкой рыдалъ.
Спасибо, родимый, что ты про кручину,
Про славу козацкую мнѣ разсказалъ:
Разсказъ твой я внукамъ своимъ передалъ.

Люди добрые, простите:
Каюсь, крѣпко каюсь,
Что разсказъ свой вёлъ я просто,
Въ книгахъ не справляясь.
Всё, что здѣсь прочтётся вами,
Слышалъ я отъ дѣда;
А старикъ не зналъ, не вѣдалъ,
Что его бесѣда

Попадётся грамотѣямъ.
Дѣдушка, винюся!
Пусть бранятъ; а той порою
Я къ своимъ вернуся
И окончу, какъ умѣю,
Горькую былину:
Какъ сквозь сонъ, окину взоромъ
Милую краину,
Гдѣ ходили гайдамаки
Съ острыми ножами,
Тѣ дороги, что я мѣрилъ
Дѣтскими ногами.

Погуляли гайдамаки,
Лихо погуляли,
Чуть не годъ шляхетской кровью
Землю поливали
По Украйнѣ — и замолкли:
Сабли иззубрили.
Нѣту Гонты — и креста нѣтъ
На его могилѣ.
Разнесли степные вѣтры
Пепелъ гайдамака —
И въ Украйнѣ не осталось
Отъ него и знака.

Правда, братъ его назва̀ный
Жилъ еще на свѣтѣ,
Но и тотъ, узнавъ, какъ страшно
Проклятыя дѣти
Разсчитались съ нимъ, заплакалъ
Въ первый разъ въ кручинѣ,
И, очей не вытирая,
Умеръ на чужбинѣ.
Грусть-тоска его сразила
Средь чужого поля
И въ чужой песокъ зарыла...
Знать, такая доля!

Такъ погибъ герой Украйны
Желѣзнякъ — и сила
Та *желѣзная*, сломившись,
Мирно опочила.
Схоронили гайдамаки
Батьку-атамана,
И, заплакавъ, разбрелися
По степи безгранной.
Лишь одинъ Ярема долго,
Опершись на палку,
Не спускалъ очей съ могилы:
Горько было, жалко!

«Спи, родимый, спи желанный:
    На чужомъ на полѣ:
На своёмъ, знать, нѣту мѣста,
    Нѣту мѣста волѣ.
Спи, козакъ, душа прямая!
    Кто-то распознаетъ?...»

И пошолъ Ярема степью;
    Слёзы утираетъ.
Долго шолъ онъ, озираясь —
    И его не стало...
Только чорная могила
    Средь степи дремала.

По Украйнѣ гайдамаки
    Разсѣвали жито,
Только жать имъ не пришлося;
    Градомъ всё побито...
Правда сгинула, всё кривдой
    Въ свѣтѣ повилося.
Разбрелися гайдамаки:
    Мѣсто всѣмъ нашлося.
Кто домой, а кто въ дубраву,
    Ножъ за голенищемъ,

Чтобъ съ жидами кончить счёты,
Кончить съ пепелищемъ.
А тѣмъ временемъ съ родною
Сѣчью расквитались —
И всё ринулось къ Кубани;
Только и остались
Что пороги середь степи...
Стонутъ въ горномъ ложѣ:
«Схоронили нашихъ дѣтокъ!
Съ нами будетъ тоже?»
Разревѣлись — пусть ихъ воютъ!
Время ихъ минуло,
А Украйна, знать, на-вѣки
Вѣчные уснула.

Съ той поры по всей Украйнѣ
Жито зеленѣетъ.
Нѣтъ ни плача, нѣтъ ни грома,
Только вѣтеръ вѣетъ,
Гнётъ деревья по дубравѣ
И траву средь поля —
Всё умолкло. Пусть же дремлетъ!
Знать, Господня воля!
Лишь порою гайдамаки,
Старики сѣдые.

Проплетутся, распѣвая
Пѣсни удалыя:

«Галайда нашъ ѣдетъ въ гости —
Будетъ хата на помостѣ...
Тѣшься море — не бѣда!
Веселися Галайда!»

Н. Гербель.

СПИСОКЪ

РУССКИХЪ ПЕРЕВОДОВЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

ТАРАСА ШЕВЧЕНКО.

ДУМЫ.

I.

ОХЪ, МОИ ВЫ ДУМЫ, ДУМЫ!

1. Н. Гербеля. (Съ малороссійскаго.) «Сынъ Отечества», 1857, № 17, стр. 391. Перепечатано въ «Отголоскахъ» (1858, ч. I, стр. 117). Первые два куплета; *остальное стихотвореніе напечатано въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а здѣсь — въ исправленномъ видѣ.*
2. О. Лепко. (Дума, изъ Шевченко.) «Чигиринскій Торбанистъ-Пѣвецъ», 1867, стр. 7.
3. Н. Берга. (Idem.) «Пчела», 1875, № 8, стр. 101. Первые два куплета.

II.

ПРОХОДЯТЪ ДНИ...

А. Плещеева. (Стихотвореніе Шевченко, съ малороссійскаго). «Современникъ», 1858. т. LXXI,

№ 10, отд. I, стр. 470. Перепечатано въ стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева» (1861, стр. 54) и въ «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 177).

III.

ЛЬЕТСЯ РѢЧКА...

1. Н. Гербеля. (Дума, изъ Шевченко.) *Переводъ помѣщенъ въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а здѣсь—въ исправленномъ видѣ.* Перепечатанъ въ «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 178).
2. И. Ваненко. (Idem.) «Развлеченіе», 1861, т. VI, № 8, стр. 85.

IV.

ВѢТЕРЪ БУЙНЫЙ...

1. П. Ковалевскаго. (Дума, изъ Шевченко.) «Библіотека для Чтенія», 1860, т. 158, № 4, отд. I, стр. 1.
2. Н. Берга. (Idem.) *Переводъ помѣщенъ въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ.*

V.

ДЛЯ ЧЕГО МНѢ ЧОРНЫ БРОВИ...

1. Н. Гербеля. (Дума, съ малороссійскаго.) «Библіотека для Чтенія», 1856, т. 140, № 12, отд. I, стр. VII. Перепечатано въ «Отголоскахъ» (1858, ч. I, стр. 102) и «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 178). *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*
2. О. Лепко. (Думка, изъ Шевченко.) «Чигиринскій Торбанистъ-Пѣвецъ», 1867, стр. 32.

ПѢСНИ.

I.

НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗЪ ПОХОДУ...

1. А Плещеева. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1860, № 1, стр. 144. Перепечатано въ «Свѣточѣ» (1860, № III, отд. III, стр. 62), «Стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева» (1861, стр. 56) и «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 180).
2. И. Сурикова. (Idem.) «Стихотворенія И. З. Сурикова», 1875, стр. 84.

II.

ПОЛЮБИЛА Я...

А. Плещеева. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1860, № 1, стр. 147. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева» (1861, стр. 57).

III.

НА ГОРѢ СИРЕНЬ ЦВѢТЕТЪ...

Н. Гербеля. (Пѣсня, изъ Шевченко.) «Модный Магазинъ», 1863, № 22, стр. 259.

IV.

ПРОТОРИЛА Я ТРОПИНКУ...

А. Плещеева. (Пѣсня, съ малороссійскаго.) «Московская Газета», 1859, № 4 и 5, стр. 46. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева» (1861, стр. 55) и «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 180).

V.

ВЪ ОГОРОДѢ ВОЗЛѢ БРОДУ...

1. Н. Гербеля. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) *Переводъ напечатанъ во второмъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а здѣсь — въ исправленномъ видѣ.*
2. И. Сурикова. (Пѣсня, изъ Шевченко). «Стихотворенія И. З. Сурикова», 1871, стр. 101. Перепечатана во второмъ изд. (1875, стр. 83).

VI.

ХОРОША, БОГАТА...

1. А. Плещеева. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1860, № I, стр. 145. Перепечатана въ «Стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева» (1861, стр. 57).
2. В. Сѣверянина. (Idem.) «Иллюстрированная Газета», 1871, № 6, стр. 95.

VII.

НѢТЪ МНѢ РАДОСТИ...

И. Сурикова. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) «Иллюстрированная Газета», 1871, № 6, стр. 362. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ И. З. Сурикова» (1875, стр. 86).

VIII.

ОДИНОКА Я НА СВѢТѢ...

Н. Гербеля. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) *Переводъ напечатанъ во второмъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а здѣсь — въ исправленномъ видѣ.*

БАЛЛАДЫ.

I.

ТАРАСОВА НОЧЬ.

1. Н. Гербеля. (Тарасова ночь, изъ Шевченко.) *Переводъ напечатанъ въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а во второмъ и третьемъ, нынѣ предлагаемомъ вниманію публики, изданіяхъ — въ исправленномъ видѣ.*
2. О. Лепко. (Idem.) «Чигиринскій Торбанистъ-Пѣвецъ» (1867, стр. 47).

II.

ГАМАЛѢЯ.

Н. Берга. (Гамалѣя, изъ Шевченко.) *Перев. напеч. въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ.*

III.

ПЛАТОКЪ.

Л. Мея. (Платокъ, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1859, № III, стр. 159. Перепечатано въ «Свѣточѣ» (1860, № III, отд. III, стр. 67) и «Сочиненіяхъ Л. А. Мея» 1863, т. III, стр. 572).

IV.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

1. М. М. (Иванъ Подкова, изъ Шевченко.) «Русское Слово», 1860, № 4, отд. II, стр. 41. *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ*, и затѣмъ перепечатанъ въ «Стихотвореніяхъ М. М. (1862, стр. 293) и «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 179).

2. Л. Блюммера. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) «Семейный Кругъ», 1860, № 22, стр. 234.
3. О. Лепко. (Иванъ Подкова, изъ Шевченко.) «Чигиринскій Торбанистъ - Пѣвецъ», 1867, стр. 41.

V.

ПЕРЕБЕНДЯ.

1. Н. Гербеля. (Перебендя, изъ Шевченко.) *Переводъ напечатанъ въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а во второмъ и третьемъ, нынѣ предлагаемомъ вниманію публики, изданіяхъ — въ исправленномъ видѣ.*
2. О. Лепко. (Idem.) «Чигиринскій Торбанистъ-Пѣвецъ», 1867, стр. 11.

VI.

ТОПОЛЬ.

1. П. Вейнберга. (Тополь, изъ Шевченко.) «Библіотека для Чтенія», 1860, т. 158, № 3, отд. I, стр. 1.
2. Н. Гербеля. (Idem.) «Современникъ», 1860, т. 80, № 3, отд. III, стр. 109.) Перепечатано въ «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 175). *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.*
3. О. Лепко. (Idem.) «Чигиринскій Торбанистъ-Пѣвецъ», 1867, стр. 18.

VII.

УТОПЛЕННИЦА.

В. Крестовскаго. (Утопленница, изъ Шевченко. *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*)

VIII.

ПОРЧЕНАЯ.

В. Крестовскаго. (Порченая, изъ Шевченко.) *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

IX.

СОНЪ.

А. Плещеева. (Жница, съ малороссійскаго.) «Московская Газета», 1859, № 4 и 5, стр. 46. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева» (1861, стр. 53).

X.

ВДОВА.

И. Сурикова. (Вдова, изъ Шевченко.) «Стихотворенія И. З. Сурикова», 1871, стр. 67. Перепечатано во второмъ изданіи (1875, стр. 59).

XI.

БЕЗДОЛЬНЫЙ.

Н. Гербеля. (Дума, изъ Шевченко.) *Переводъ помѣщенъ въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а во второмъ и третьемъ — въ исправленномъ видѣ.*

XII.

ПОКИНУТАЯ ИЗБУШКА.

Н. Гербеля. (Покинутая избушка, изъ Шевченко.) *Переводъ напечатанъ въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а здѣсь — въ исправленномъ видѣ.*

XIII.

СИРОТКА.

1. И. Сурикова. (Сиротка, изъ Шевченко.) «Стихотворенія И. З. Сурикова», 1871, стр. 127.
2. Н. Гербеля. (Idem.) *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ.*

МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ВЕЧЕРЪ.

1. Л. Мея. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1859, № III, стр. 153. Перепечатано въ «Свѣточѣ» (1860, № III, отд. III, стр. 62) и «Сочиненіяхъ Л. А. Мея» (1863, т. III, стр. 571).
2. К. Станюковича. (Idem.) «Сѣверный Цвѣтокъ», 1860, № 45, стр. 293.

II.

И ДОЛИНУ, И МОГИЛУ...

1. А. Плещеева. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1860, кн. I, стр. 144. Перепечатано въ «Стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева» (1861, стр. 55).
2. В. Сѣверянина. (Idem.) «Иллюстрированная Газета», 1871, № 6, стр. 95.
3. Н. Чмырева. (Л — ѣ, изъ Шевченко.) «Кобзарь Т. Г. Шевченка въ переводѣ Н. А. Чмырева», 1874, стр. 156.

III.

МЫ ВСѢ ЖИВЕМЪ.

Н. Курочкина. (Безъ заглавія, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1859, кн. VI, стр. 134.

IV.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

Н. Гербеля. (Канунъ Рождества, изъ Шевченко.) *Переводъ напечатанъ въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а во второмъ и третьемъ — въ исправленномъ видѣ.*

V.

КОЗАЦКАЯ ДОЛЯ.

Н. Гербеля. (Козацкая доля, изъ Шевченко.) *Переводъ помѣщенъ здѣсь въ первый разъ.*

VI.

МУЗА.

1. Н. Курочкина. (Къ Музѣ, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1860, № V, стр. 104.
2. Н. Чмырева. (Муза, изъ Шевченко) «Кобзарь Т. Г. Шевченка въ переводѣ Н. А. Чмырева», 1874, стр. 154.

VII.

ДОЛЯ.

1. Л. Блюммера. (Доля, изъ Шевченко.) «Свѣточъ», 1860, № IV, отд. III, стр. 77.
2. Н. Гербеля. (Idem.) *Переводъ напечатанъ въ первомъ изданіи «Кобзаря» въ первый разъ, а здѣсь — въ исправленномъ видѣ.*

3. Н. Курочкина. (Къ долѣ, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1860, кн. V, стр. 103.
4. Н. Чмырева. (Доля, изъ Шевченко.) «Кобзарь Т. Г. Шевченка въ переводѣ Н. А. Чмырева», 1874, стр. 153.

VIII.

БАЛЪ.

1. Н. Курочкина. (Балъ, изъ Шевченко.) «Народное Чтеніе», 1860, № IV, стр. 108.
2. Н. Чмырева. (***, изъ Шевченко.) «Кобзарь Т. Г. Шевченка въ переводѣ Н. А. Чмырева, 1874, стр. 161.

IX.

КЪ ОСНОВЬЯНЕНКѢ.

1. М. М. (Къ Основьяненькѣ, изъ Шевченко.) «Стихотворенія М. М.», 1862, стр. 289.
2. Н. Гербеля. (Idem.) «Время», 1863, № 3, отд. I, стр. 188. Перепечатано въ «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 178).
3. О. Лепко. (Idem.) «Чигиринскій Торбанистъ-Пѣвецъ, 1867, стр. 35.

X.

ЗАВѢЩАНЬЕ.

1. Н. Гербеля. (Завѣщанье, изъ Шевченко.) *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ*. Перепечатано въ «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 181).
2. Н. Чмырева. (Idem.) «Кобзарь Т. Г. Шевченко въ переводѣ Н. А. Чмырева», 1874, стр. 162.

ПОЭМЫ и ПОВѢСТИ.

I.

КАТЕРИНА.

1. Н. Гербеля. (Катерина, повѣсть изъ Шевченко.) «Русское Слово», 1860, № IX, отд. I, стр. 215. Первыя двѣ главы перепечатаны въ «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 181—185). *Здѣсь переводъ напечатанъ въ исправл. видѣ.*
2. О. Лепко. (Idem.) «Чигиринскій Торбанистъ-Пѣвецъ», 1867, стр. 55—98.

II.

БАТРАЧКА.

1. А. Плещеева. (Работница, поэма Тараса Шевченко.) «Современникъ», 1860, т. 80, № 4, отд. I, стр. 457. Въ началѣ посвященіе: *И. С. Тургеневу*. Перепечатана въ «Стихотвореніяхъ А. Н. Плещеева» (1861, стр. 34) и «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 185—187.
2. Л. Мея. (Батрачка, изъ Шевченко.) *Переводъ напечатанъ здѣсь въ первый разъ*, послѣ чего перепечатанъ въ «Сочиненіяхъ Л. А. Мея» (1863, т. III, стр. 575).

III.

ГАЙДАМАКИ.

1. П. Гайдебурова. (Гайдамаки. Поэма Тараса Шевченко.) «Современникъ», 1861, т. LXXXVII, № 5, отд. I, стр. 43—104.

2. Н. Чмырева. (Idem.) «Кобзарь Т. Г. Шевченка въ переводѣ Н. А. Чмырева», 1874, стр. 29—102.

3. Н. Гербеля. (Idem.) «Кобзарь Тараса Шевченка въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля», 1869, изданіе второе, стр. 176—177, 179—181, 182—189, 190—200, 201—217, 224—233, 234—240, 245—246, 247—250, 252—254, 255—260, 265—269 и 274—276, «Поэзія Славянъ», 1871, стр. 187—188 и «Братская Помощь», 1876, стр. 193—221. Изъ этого было перепечатано въ «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 187—189 и 192). Прологъ, 3-я пѣснь и эпилогъ. *Въ предлагаемомъ изданіи переводъ является вполнѣ и въ исправленномъ видѣ.*

Кромѣ этихъ трёхъ полныхъ переводовъ «Гайдамаковъ», мы имѣемъ ещё переводы слѣдующихъ отрывковъ изъ названной поэмы:

4. П. Ковалевскаго. (Изъ поэмы Шевченко «Гайдамаки».) «Библіотека для Чтенія», 1860, т. 158, № 4, отд. I, стр. 3. Два отрывка изъ главъ подъ названіемъ: «Третьи пѣтухи» и «Гонта въ Умани». Первый отрывокъ, отъ стиха: *Гомонила Украіна*, до — *Жито соби сіють*; а второй, отъ стиха: *Минають дни, минае лито*, до — *Поки ихъ снигомъ занесло.*

5. Л. Мея. (Отрывки изъ поэмы «Гайдамаки».) «Кобзарь Тараса Шевченко въ переводѣ рус-

скихъ поэтовъ, изданномъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля», 1860, изданіе первое, стр. 141—171. Всего шесть отрывковъ: 1) Прологъ, 2) Галайда (отъ стиха: *На свѣтѣ жить тяжко*, до — *или хоть приснися... да нельзя и спать...*) 3) Третьи пѣтухи, 4) Пиръ въ Лисянкѣ (съ начала, до стиха: *Я задамъ же таску*, потомъ отъ стиха: *Все танцуетъ, все пируетъ*, до—*Пропадать прійдется*, и потомъ отъ стиха: *Съ Гонтою танцуетъ*, до — *Да присядемъ запоемъ*), 5) Гонта въ Умани (съ начала, до стиха: *Были не величкы*, и отъ стиха: *Всѣ гуляютъ. Гдѣ же Гонта?* до конца), и 6) Эпилогъ (отъ стиха: *Погуляли гайдамаки*, до — *Видно Божья воля*). *Переводъ напечанъ былъ въ первомъ изданіи нашего «Кобзаря» въ первый разъ*, послѣ чего былъ перепечатанъ въ «Сочиненіяхъ Л. А. Мея» (1863, т. III, стр. 594—618) и во второмъ изданіи «Кобзаря Тараса Шевченко въ переводѣ русскихъ поэтовъ, изданномъ подъ редакціею Ник. Вас. Гербеля» (1869, стр. 173—175, 177—179, 218—224, 241—245, 246—247, 250—252, 261—265, 269—273 и 276—280), а отчасти и въ «Поэзіи Славянъ» (1871, стр. 189—192).

Кромѣ переводовъ, помѣщённыхъ въ нашемъ изданіи, существуетъ ещё нѣсколько печатныхъ переводовъ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ пьесъ Шевченко, не вошедшихъ въ предла-

гаемое изданіе, какъ по признанной всѣми слабости самихъ подлинниковъ, такъ и по крайней неудовлетворительности ихъ переводовъ.

Вотъ ихъ списокъ:

I. «Кобзарь Т. Г. Шевченко въ переводѣ Н. А. Чмырева. Москва. 1874.»

1. Марьяна. Поэма. (Стр. 3—14.)
2. Неофиты. Поэма. (Стр. 17—28.)
3. Невольникъ. Поэма. (Стр. 105—122.)
4. Москалёва криница. Поэма. (Стр. 125—138.)
5. Княжна. Поэма. (Стр. 141—150.)
6. Косарь. (Стр. 157.)
7. *Росли дѣтьми они, взросли...* (Стр. 159.)
8. *Барвинокъ цвѣлъ и зеленѣлъ...* (Стр. 160.)
9. *Отчего мнѣ тяжко...* (Стр. 162.)

II. «Стихотворенія И. З. Сурикова. Москва. 1871.»

Въ чистомъ полѣ калина... (Стр. 98.)

Тоже. Изданіе второе. Москва. 1875.

...И снится мнѣ, что подъ горою... (Стр. 88.)

III. Газета «Донъ». Воронежъ. 1869. № 48 и 49.

Неофиты. Поэма Шевченко. Переводъ съ малороссійскаго Н. М.

Конецъ.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 15 04 08 019 9